

Шэрон Кендрик Итальянский любовник

OCR: LitPortal; Spellcheck: Хитрая

«Итальянский любовник»:
Радуга; Москва; 2005; ISBN 5-05-006082-6
Перевод: О. Эсани

Аннотация

Случайная встреча Евы Питерс с Лукой Карделли, в которого она была влюблена в юности, приводит к пылкому роману. Спустя некоторое время Ева с ужасом обнаруживает, что беременна. Ее возлюбленный в шоке. Они расстаются...

Шэрон Кендрик Итальянский любовник

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ева увидела его в другом конце комнаты и замерла. Это было как в кино, когда фантазия режиссера заставляет на время забыть о реальности. Раньше с ней такого не случалось.

Щелчок. Жужжание толпы. Скользящий вдоль комнаты взгляд задерживается, и она, не веря своим глазам, узнает человека, который представлялся ей единственным на планете. Но это ведь только воображение, это не может быть правдой! Ведь за секунду невозможно признать в незнакомце человека, с которым когда-то мечталось провести жизнь!

Впрочем, незнакомцем этого мужчину не назовешь. Но немало воды утекло с той поры.

Она опустила глаза и сделала вид, что рассматривает бокал, собирая силы для новой попытки разглядеть его. Он отвернулся. Возникла возможность спокойно рассмотреть его.

Можно было усомниться, действительно ли это Лука, но то, что это итальянец, было бесспорно. Блестящие черные волосы обрамляли гордо поднятую голову. Ева впиалась взглядом в безупречные черты лица, словно стараясь запомнить их. Или, скорее, пытаюсь вспомнить. Умные, суровые темные глаза, нос с горбинкой и деспотический рот – все это казалось одновременно и красивым, и жестоким. В комнате, полной богатых и успешных мужчин, он казался прекрасным экзотическим цветком. Он выгодно отличался от прочих сияющей кожей золотисто-оливкового цвета и крепкими, накачанными мышцами. Он принадлежал к тому типу мужчин, которые господствуют, не прилагая к этому особых усилий, подобно надменным аристократам прошлых эпох.

Обычно Ева оценивала людей быстро, но сегодня она была готова прожигать его взглядом весь вечер.

Одет он был утонченно и дорого, в кремовую рубашку, подчеркивающую мускулистый торс, и темные узкие брюки, скрывающие длинные, сильные ноги.

Держался спокойно и непринужденно, но необъяснимым образом это только подчеркивало еще жизненную энергию.

Склонив голову набок, он слушал маленькую блондинку в блестящем платье, которая с завидным энтузиазмом вела беседу. Но чему удивляться? Едва ли нашлась бы женщина, не способная заметить его откровенную, бурлящую чувственность.

– Ева?

Ее мысли были прерваны. Хозяин дома протягивал бутылку шампанского к ее полупустому бокалу.

– Могу я налить тебе еще?

Она не собиралась задерживаться надолго и думала, что первый выпитый ею бокал станет последним, но почему-то с благодарностью кивнула:

– Спасибо, Майкл.

Шампанское заиграло в бокале. Ева обвела взглядом комнату. Шторы были не задернуты, за окном открывался чудесный вид. Луна и звезды отражались в сияющих волнах, доносилось пение птиц. Все говорило о том, что вечер удастся на славу.

Она подняла бокал:

– За прекрасную вечеринку по случаю дня рожденья! Твоей жене очень повезло.

– К сожалению, не все любят такие сюрпризы, – заметил он.

Ее глаза вновь наткнулись на Луку.

– Ну, не знаю, – медленно сказала Ева, в то время как сердце застучало сильнее. – В любом случае великолепный прием.

Майкл улыбнулся.

– Пожалуй. И здорово, что ты здесь. Не каждый может похвастать присутствием телезвезды у себя на вечеринке!

Ева засмеялась.

– Майкл Гор, ты знаешь меня с пеленок! Ты еще помнишь, как я бегала с ободранными коленками в школьной форме. К тому же утреннее шоу на провинциальном канале вряд ли делает

меня телезвездой.

Майкл усмехнулся в ответ.

– Все равно, это неплохо для девушки.

Может быть, и неплохо, но именно сейчас она чувствовала себя той самой школьницей с ободранными коленями. И к своему ужасу, поняла, что залпом выпила почти все содержимое бокала. И что Лука – если, конечно, это он – до сих пор слушает оживленную блондинку. И что меньше всего ей сейчас нужен сердцеед, мечта каждой женщины. Ева давно усвоила: в жизни важно иметь цели, но только если они осуществимы.

– Девушке пора спать, – вздохнула она. – Подъем в полчетвертого каждое утро не слишком положительно сказывается на жизнедеятельности. Не будешь возражать, если я в скором времени незаметно покину вас?

– Буду, и очень сильно, – сказал он шутливо. – Но если легион твоих поклонников потом обвинит нас в том, что у тебя мешки под глазами, тогда можешь уходить хоть сейчас. Заглядывай к нам завтра после твоего шоу, позавтракаем вместе. Останется куча вкуснятины, а мы с Лиззи за весь вечер парой слов с тобой не перекинулись.

Ева улыбнулась. Неплохая идея. Это даст ей возможность поиграть со своей крестницей, которая клевала носом весь вечер.

– С удовольствием, – сказала она. – Приблизительно в полдень?

– До встречи в полдень, – кивнул он.

Ее так и подбивало спросить, что тут делает Лука, но как это сделать? Даже в самом небрежном тоне это прозвучало бы странно. Что это за мужчина, который беседует с блондиночкой? Или: кто вон тот высокий, темноволосый, привлекательный малый? Или даже: это часом не Лука Карделли? Увы, все это звучало бы глупо и разоблачительно.

Но, видимо, Майкл сам заметил, что ее глаза постоянно находят одного из гостей.

– Ты знакома с Лукой Карделли? – спросил он.

– Что-то припоминаю. – Она придала голосу небрежность. – Он, кажется, бывал здесь лет десять назад, не так ли?

– Именно так. Тогда он плавал на большой белой посудине. – Майкл вздохнул. – Шикарная яхта. А моряк он чудесный, в этом ему равных нет.

– Вот как? А я и не знала, что он твой друг!

Майкл пожал плечами.

– Мы как раз тогда и подружились. Потом много лет не виделись, хотя и поддерживали связь. А тут он мне сообщает по электронной почте, что находится в Лондоне по делам. Я немедленно пригласил его.

Еве стало интересно, надолго ли он приехал, но она промолчала. Ее это не касалось и могло произвести не правильное впечатление. Здесь полно женщин, которые горят желанием поближе с ним познакомиться, если только эта старательная блондиночка упустит свой шанс.

– О, смотри, кто-то пускает фейерверки! – выпалила она вместо этого, когда вдали на небе расцвели взрывы ярко-красных, голубых и золотистых искр.

На ее счастье, Майкл отошел пополнить запасы шампанского в чьем-то в бокале. Она приблизилась к окну, чтобы насладиться шипящими огнями наедине со своими мыслями и воспоминаниями.

Лука не сводил с нее глаз, когда она, покачивая бедрами, шла к окну в своем зеленом шелковом платье.

Он заметил ее уже давно, даже раньше, чем она начала пристально следить за ним. Он видел, как она старательно делала вид, что не смотрит в его сторону, и это странным образом задело его.

Он привык к чрезмерному женскому вниманию чуть ли не с младенчества. Едва ли он смог бы вспомнить всех своих женщин даже при большом желании.

Лука Карделли готов был приложить максимум усилий для заключения важной сделки, но женщины не входили в сферу его деловых интересов. Однако от рождения он притягивал к себе противоположный пол, как мед притягивает пчел. Когда же он сам начал обращать внимание на женщин, то быстро понял, что может заполучить кого угодно, когда угодно и на каких угодно условиях.

– Лука!

Он прищурил глаза. Прелестная блондиночка надула губы. Он поднял черную бровь.

– Ммм?

– Ты меня не слушаешь!

– Прости. – Он улыбнулся, пожав широкими плечами. – Вина моя велика. Я задержал тебя, а вокруг столько мужчин мечтают с тобой поговорить!

– Но я хочу разговаривать только с тобой! – без всякого стеснения заявила она.

– Это несправедливо по отношению к другим мужчинам, – мягко ответил он. – Sì?¹

Блондиночка выгнула плечи.

– О, мне так нравится, когда ты говоришь по-итальянски, – сообщила она тоном заговорщицы.

Он пристально взглянул в ее широко раскрытые глаза – глубокие и синие, как бассейн, в который его умоляют нырнуть. Она непроизвольно провела кончиком языка по приоткрытым губам. Остальное было ясно. Уже через час она бы лежала в его постели. В двадцать два года подобное развитие событий показалось бы ему заманчивым. Но в тридцать два такие легкие победы вызывали у него только скуку.

– Ты меня извинишь? – тихо сказал он. – Мне нужно позвонить, это не займет много времени.

– В Италию?

– Нет, в Нью-Йорк.

– Правда?! – воскликнула она, словно он собирался звонить на Марс.

Он очаровательно улыбнулся.

– Рад был нашему знакомству.

И исчез раньше, чем девушка успела спросить, как долго он здесь пробудет и хочет ли, чтобы она показала ему окрестности. Но он знал, что с подобной непринужденностью она легко познакомится этим же вечером со следующим мужчиной и уже через две минуты напросится к нему в койку.

Девушка в зеленом платье все еще смотрела в окно. Что-то загадочное было в ее неподвижности, в том, как она умела сохранить одиночество на шумной вечеринке. Он пересек комнату и встал рядом с ней, глядя на последние радужные отблески фейерверка, застывшие над морем.

– Эффектное зрелище, не правда ли? – тихо сказал он минуту спустя.

Она ответила не сразу. Сердце сжалось, несмотря на все ее усилия никак на него не реагировать.

– Потрясающе, – согласилась она, не шевельнувшись и не повернув головы.

У него появился спортивный интерес.

– Ты совсем не веселишься!

На этот раз ей пришлось повернуться к нему, иначе это было бы откровенной грубостью. Она мысленно подготовила себя к встрече с черными сияющими глазами и чувственными губами, которые казались такими же потрясающими, какими она их помнила в свои семнадцать лет.

– С чего ты взял, что я не веселюсь?

– Весь вечер стоишь одна, – почти шепотом сказал он.

– Вот, уже не одна, – сухо заметила она.

Его глаза сверкнули, приняв вызов.

– Хочешь, чтобы я ушел?

– Вовсе нет, – не задумываясь, сказала она. – Вид на ночное небо доступен всем желающим! Не претендую на монополию в данном вопросе.

Теперь он был действительно заинтригован.

– Ты не сводила с меня глаз, сага.² – мягко начал он.

Так он заметил это! Странно, ведь женщины, не сводящие с него глаз, давно уже стали для него обыденностью.

¹ Да? (ит.). – Здесь и далее – прим. пер.

² Дорогая (ит.).

– Каюсь! Наверно, я первая, кто не сводила с тебя глаз? – с издевкой бросила она.

– Я не запоминаю такие мелочи, – ответил он небрежно.

Она открыла было рот, чтобы вернуть что-нибудь колючее, но взяла себя в руки. Когда-то он был с ней мил и ласков, и не его в том вина, что еще не созревшая женщина нашла это недостаточным. Не его вина и в том, что он был настолько ослепительным, что она вспылала к нему любовью школьницы, а он не ответил взаимностью. Она улыбнулась.

– Ну, и как тебе Хембл?

– Я не впервые здесь, – сказал он тихо.

– Я знаю.

– Знаешь?

– Ты не помнишь меня, да?

Удивленно и внимательно он посмотрел на нее. Это была девушка не его типа. Узким бедрам и длинным ногам он предпочитал невысоких девушек с округлыми формами. Лицо ее можно было назвать не столько красивым, сколько интересным. Скорее сильное лицо – с умными серо-зелеными глазами, волевым подбородком и широкими скулами, отбрасывавшими на щеки легкие тени. Сложнее было определить, цвет ее волос. Был ли этот цвет натуральным? Волосы были полностью зачесаны назад и затянуты в хвост. Шелковое зеленое платье, достаточно строгое, облегалo фигуру, не скрывая загорелых ног. Единственной яркой деталью в ее наряде были расшитые блестками босоножки, из которых кокетливо выглядывали накрашенные розовым лаком пальчики.

– Нет, – сказал он и покачал головой. – Я тебя не помню. А должен?

Конечно же, он ничего никому не должен!

– Не бери в голову.

Она дернула плечами и снова отвернулась к окну, но он взял ее за руку, и она затрепетала.

– Так расскажи мне об этом, – сказал он ласково.

Она засмеялась.

– Нечего тут рассказывать!

– Все равно расскажи!

Ева вздохнула. Зачем, черт возьми, она вообще подняла эту тему? Потому что любила говорить все прямо? Или потому, что на работе привыкла исследовать человеческие реакции и чувства?

– Ты приезжал сюда как-то летом, очень давно. Тогда мы и виделись. Правда, были едва знакомы.

Лука на секунду нахмурился, но тут же лицо его прояснилось. Так это не одна из тех, с кем он переспал и тут же забыл. За то долгое жаркое лето такой была – он помнил – одна-единственная женщина. Одна-единственная. Но сейчас перед ним стояла ее полная противоположность – с удивительно пронизательным взглядом и собранными сзади волосами.

– К сожалению, сага, я так ничего и не припоминаю. Напомни, пожалуйста.

Тем летом Ева зарабатывала деньги, которые, увы, никогда не водились у нее в изобилии. С тех пор как умер отец, мать вышла на работу, чтобы обеспечить Еве нормальное существование, но денег все равно не хватало на те вещи, которые так нужны семнадцатилетним девушкам. Платья, туфли, компакт-диски, косметика, безделушки.

Ева была вне себя от радости, получив на лето место официантки в престижном яхт-клубе. Она никогда не вращалась в кругу людей, занимающихся лодочным спортом, не привыкла к их сверкающим яхтам, дорогой одежде, круглогодичному шоколаду загара и роскошным вечеринкам. У нее не было опыта работы официанткой, но в городке знали ее трудолюбие. Тот, кто нанял ее, понимал, что ей действительно нужна работа, а не способ найти богатенького бойфренда. И вот как-то одним прекрасным днем у их берега бросила якорь яхта молодого стройного брюнета. Сердца всех окрестных девушек забились сильнее. Мужчины, занимающиеся парусным спортом, всегда мускулисты и загорелы, держат хорошую форму. Но яхтсмен Лука вдобавок ко всему был еще и итальянцем. Такое сочетание убивало наповал.

На Еву он действовал, как удав на кролика, и когда ему случалось оказаться поблизости, все падало у нее из рук. Она не в силах была сохранять спокойствие перед его итальянским шармом и нежным взглядом. Дошло до того, что однажды тарелка с креветками выскользнула у нее из рук и розовая влажная груда первоклассных даров моря оказалось на полу.

Еле сдержав улыбку, он вручил ей большую льняную салфетку.

– Быстрее, – прошептал он. – И никто не заметит.

Никто, кроме него, разумеется. От стыда ей захотелось провалиться сквозь землю. Но она нашла силы сказать себе, что это всего лишь этап ее юной жизни быть одурманенной мужчиной, который воспринимал ее как часть интерьера.

Их разговоры до этого сводились к шуткам о погоде и к ее фразам типа:

"Не желаете ли майонез к семге?"

Акт его благородства был неожиданным, если не сказать – подозрительным.

Бал в конце сезона в яхт-клубе был главным событием года, но цены на входные билеты были столь велики, что без богатого кавалера, которого у Евы не было, попасть туда было сложно.

– Пойдешь на танцы в субботу? – лениво спросил Лука, потягивая коктейль вечером на террасе.

Она отрицательно покачала головой, собирая скорлупу от съеденных им фисташек. Он поднял черную бровь.

– Почему? Разве не все молодые девушки любят танцевать?

Она неловко провела пальцами по переднику.

– Конечно, любят. Просто...

Взгляд блестящих черных глаз пронзил ее насквозь.

– Просто что?

Признаться, что у нее нет друга, который заплатил бы за билет, было унижительно. А вход туда стоил больше, чем она зарабатывала в месяц. Она не могла долее переносить его взгляд. Если бы он ходил с бумажным пакетом на голове, она, возможно, и не впадала бы в ступор каждый раз, когда он был поблизости.

– Входные билеты стоят больше, чем может позволить себе официантка, – честно призналась она.

– Вот оно что.

Его глаза сузились.

Он больше ничего не сказал, но когда часом позже Ева забирала пальто, ее ждал конверт, внутри которого она обнаружила золотистый билет на танцы и записку:

"Я хочу видеть, как ты танцуешь".

Она чуть с ума не сошла от радости! Она стала Золушкой и Красной Шапочкой одновременно. Это было как в сказке, только происходило в реальности.

Она одолжила платье у своей подруги Салли. Только вот подружка была на размер больше, платье пришлось ушить, но и в перешитом виде оно выглядело одежкой с чужого плеча.

Полная сомнений, Ева окинула себя взглядом в зеркале.

– Не знаю, право...

– Чепуха! Ты выглядишь бесподобно, – решительно сказала Салли. – Хотя не помешает немного косметики!

– Если только чуть-чуть.

– Ева, – выдохнула Салли, – случайно, не Лука ли Карделли дал тебе этот билет? Я угадала? Так поверь мне, никакой мужчина не станет выбрасывать на ветер такую кучу денег, если он не заинтересован. Хочешь выглядеть утонченной, зрелой женщиной? Хочешь, чтобы он не выпускал тебя из рук весь вечер и танцевал только с тобой? Так хочешь или нет?

Конечно, она хотела.

Но Ева все равно чувствовала себя не в своей тарелке, входя в роскошный зал и понимая, что она здесь посторонняя. Все пришли с кавалерами, кроме нее. Вот прибыл и Лука, под руку с дамой, которую к нему словно приклеили. Его сногшибательная спутница была в ярко-красном платье с глубоким вырезом на спине и не менее глубоким декольте. Ева хорошо запомнила, с какой глубокой завистью все смотрели на эту пару. Они танцевали так, что всем было ясно, каковы их планы на эту ночь. А Ева тогда извелась от ревности, но тоже наблюдала за ними, пока ей не стало совсем плохо. Он мельком поздоровался с ней и сказал, что она выглядит «мило». Это было на редкость точной характеристикой, и она удивилась сама себе, как можно быть такой глупой.

Она незаметно ускользнула домой, смыла с лица косметику, аккуратно сняла перешитое

платье и убрала его в шкаф. Лука вскоре отплыл обратно в Италию, она не успела с ним попрощаться. И даже не сумела поблагодарить его.

Но этот печальный опыт сделал ее мудрее.

В ту ночь она зареклась никогда не стремиться к тому, что невозможно в принципе. Никогда не стремиться казаться тем, кем не являешься на самом деле.

Вместо подобной нелепицы следует использовать свои преимущества. Она явно не обладала той красотой, которая способна привлечь внимание мужчин, подобных Луке Карделли. Зато у нее были ум и решительность, и именно эти качества, а вовсе не красота, помогут ей в жизни.

Впрочем, время внесло свои коррективы. Ныне Ева совсем по-другому глядела в его черные блестящие глаза.

Барабанная дробь!

– Я была официанткой в яхт-клубе, – сказала она.

Он покачал головой.

– Прости, но...

– Ты купил мне билет на бал.

Она усмехнулась.

Что-то начало всплывать в его мозгу. Смутные воспоминания о милой, неуклюжей девочке, которая изо всех сил старалась выглядеть старше. Глаза его округлились. Как быстро растут дети! Он медленно кивнул.

– Да. Кажется, вспоминаю.

– Тогда мне не удалось тебя поблагодарить. Могу это сделать теперь – сквозь годы – спасибо!

Она очаровательно улыбнулась, как улыбалась на работе, когда нужно было произвести на кого-нибудь впечатление.

– О чем ты говоришь! – пробормотал он, размышляя на банальную тему о том, как время меняет человека.

Неужели эта элегантная уверенная в себе женщина действительно была той самой официанткой?

Его черные глаза засветились, и Ева вдруг почувствовала себя очень уязвимой. И уставшей. Она не хотела ни флиртовать с ним, ни вести пустые разговоры, потому что до сих пор чувствовала исходящую от него угрозу и азарт победы. Сердцеед и красавчик – каким был, таким и остался. словно бы сдерживая зевоту, она взглянула на часы.

– Мне пора.

Его веки дрогнули от удивления – зевать было его привилегией. Он не мог припомнить, чтобы женщины зевали, разговаривая с ним, даже если разговоры продолжались всю ночь. Он нахмурил брови.

– Почему так рано?

– Мне завтра утром на работу.

– Звучит неубедительно.

– Это ваше право мне не верить, мистер Карделли, – вежливо ответила она.

Он замер от удивления.

– Ты еще и фамилию мою помнишь?

– У меня хорошая память.

– В отличие от меня. – Он одарил ее сверкающей улыбкой. – Тебя не затруднит напомнить свое имя?

– Ева. Ева Питерс.

Ева? Он сразу представил себе первую женщину.

Одну-единственную на Земле. Короткое, простое и такое яркое имя. Оно говорило само за себя. Падшая женщина, вкусившая запретный плод и изгнанная за это из рая. Он хотел вставить ехидную шутку про змия-искусителя, но что-то в ее умных глазах его остановило.

– Так что за работа заставляет вас вставать в такую рань, мисс Питерс? Может, вы сиделка? – предположил он. – Либо это, либо вы доите коров!

Ева не смогла сдержать улыбки.

– Не угадали, мистер Карделли!

Она не собиралась поддаваться его обаянию и смеяться над его шутками. Она хотела толь-

ко одного – обратиться отсюда, и чем быстрее, тем лучше. Он выбивал ее из колеи, заставлял чувствовать себя той, кем она не являлась на самом деле. Она предпочитала всегда владеть ситуацией, быть невозмутимой, объективной и разумной, но сейчас ее душой овладели фантазии, больше присущие наивной девочке–подростку в платье, взятом напрокат. Она вдруг захотела узнать, каково ощущать себя в руках Луки Карделли, каково заниматься с ним любовью?

Распахнутая кремовая рубашка открывала завитушки темных волос на его широкой груди, и на одну нелепую, бредовую секунду она представила, как он прижимает ее к себе, как сильные руки заключают ее в объятия, из которых ни одна женщина не захочет вырываться. Ее серо–зеленые глаза на мгновение помрачнели, и Лука заметил это.

– Не уходи, – сказал он просто. – Останься еще ненадолго, поговори со мной.

Она почувствовала его запах, настоящий дурман.

– Не могу, – сказала она с улыбкой, которая, как ей показалось, была слишком натянутой.

Она поставила бокал на подоконник.

– Мне действительно пора.

– Это, конечно, ваша прерогатива, – насмешливо сказал он.

– До свиданья, – сказала она. – Рада была встретиться вновь.

– Arrivederci,³ cara.

Он стоял и смотрел, как она пробирается к двери.

Вероятно, за этой сценой наблюдала и блондиночка, так как она тут же возникла рядом. Ее короткие ноги были еще заметнее рядом с изящной, длинноногой Евой, и внезапно он почувствовал раздражение.

– Ты же пошел звонить, Лука, – протянула блондинка с надутым видом.

Интересно, надувать губки – это единственное, что она умеет делать? – подумал он, начиная выходить из себя.

– Меня отвлекли, – медленно и манерно проговорил он. – Спасибо, что напомнила.

Он сделал вид, что не понял, зачем она подошла, а блондинка только разинула рот, когда он небрежным движением достал из кармана мобильный телефон и направился на улицу звонить. Там ему никто не сможет помешать, да и сигнал снаружи ловится лучше. И еще там можно полюбоваться удаляющейся Евой Питерс, которая шла этим теплым вечером по дорожке вдоль залитого лунным светом моря.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ева хорошо знала общепринятое мнение людей о том, что работа на телевидении – сплошной праздник. Но люди ошибались. Вставать в три тридцать каждое утро никогда не было для нее праздником.

Это утро не стало исключением. Напротив, оно еще омрачалось мерзким, холодным ветром и мелким дождем, который способен превратить самые прямые и послушные волосы в жесткий спутанный комок.

Как на автопилоте она приняла душ и выпила крепкий черный кофе. Когда за ней заехала машина, чтобы отвезти в студию, она, как обычно, расположилась на заднем сиденье с утренними газетами, только на этот раз ей сложно было сосредоточиться на новостях. Она провела спокойную ночь, а причиной беспокойства был Лука Карделли. Он ворвался в ее сны, подобно ослепительному метеориту, его темные дразнящие глаза сверкали насмешкой, словно намекая, какую прекрасную возможность она упустила, уйдя с вечеринки так рано.

Что же, сны имеют право быть странными и загадочными, потому что, в отличие от жизни, они не поддаются контролю. Всего–то, что сделал красавец брюнет – пробудил в ее подсознании что–то давно оставленное в подростковом возрасте, но, как оказалось, не забытое.

Но вскоре сны были благополучно забыты. Они ненастоящие. Ненастоящим ей казалось и неровное биение сердца, когда она вспоминала о Луке. Из всех сил старалась Ева выбросить его из головы, но он упорно торчал там, не желая исчезнуть. Она уже жалела, что не спросила у Майкла, надолго ли приехал синьор Карделли. Скорее всего, это мимолетный визит. Его жизнь

³ До свиданья, дорогая (ит.).

не здесь. Его жизнь в Италии, другая жизнь в чужой стране, такой же чужой для нее, как и он сам.

В тот день в утреннем шоу в числе нескольких номеров был эпизод с собакой, которую долго учили быть нечто похожее на национальный гимн. Неожиданно несчастное животное отказалось выполнять команду. Бедный пес испугался, съежился, и его вырвало в углу студии. Джонни, хозяин пса, пришел в ярость, и когда неудачный рабочий день закончился, Ева с облегчением покинула студию. Машина высадила ее у дома в начале двенадцатого. Она поднялась наверх, смыла студийный грим и долго стояла под горячим душем.

После шквала хлещущей воды почувствовав себя человеком, она натянула черные джинсы и темно-серый свитер, заранее предвидя, что не слишком опрятные детские ручонки будут ее обнимать и тискать. Сев за руль, она направилась к Майклу и Лиззи, сделав по дороге остановку, чтобы купить в подарок Кейси альбом для раскраски и цветные карандаши. Дверь открыла Лиззи, возбужденная, словно вечеринка вот-вот должна была начаться, а не закончилась вчера ночью.

– Ева! Ты выглядишь великолепно!

– Ну уж нет. Я не накрашена и в старых поношенных джинсах.

– По крайней мере, сегодня утром ты классно смотрелась по телевизору!

– Это делает честь не мне, а гримеру! Ты видела собаку, которой стало плохо?

– Видела ли я? Майк специально записал это для меня! Бедная собачка! Пошли в дом. Майк гуляет с Кейси, но они скоро вернутся.

– Как поживает моя маленькая красавица крестница? – спросила Ева, входя в просторную, светлую гостиную на первом этаже. – Я подумала...

Но тут все, что она подумала, вылетело у нее из головы, потому что на одном из диванов, небрежно развалившись, сидел Лука Карделли и читал газету.

Он поднял голову, его черные глаза лукаво заблестели, выражая нечто такое, чего Ева вычислить не смогла. Ей вдруг стало интересно, на каждую ли женщину он так смотрит и каждую ли женщину он подобным образом лишает самообладания.

– Мы решили пригласить на завтрак и Луку, – улыбнулась Лиззи.

Лука поднялся, наблюдая за тем, как испуг на лице Евы сменился подозрением. Интересно, подумал он, она волнуется так из-за каждого мужчины или только из-за него? В ее внезапно оледеневшем взгляде читался вызов, который так завел его, что он снисходительно улыбнулся, окидывая ее ленивым взглядом.

– Я подумал, что ты не будешь возражать, если я присоединюсь к вашему ланчу?

Что ей оставалось говорить? Что она будет возражать? Но это было бы наглой ложью! Она ощущала душевный подъем, если не сказать – восторг. Он вновь оказался рядом с ней, теперь уже один, без вчерашней толпы.

– Разумеется, я не буду возражать, – спокойная улыбка скользнула по ее лицу, Лиззи нахмурила брови, чувствуя, что тут что-то не то.

– Я налью вам выпить? Осталось море шампанского после вчерашнего.

Ева открыла было рот, чтобы попросить сок, но тут же его захлопнула. Она, чувствовавшая себя легко и раскованно на любом светском рауте, вдруг поняла, что без алкоголя ей не раскрепоститься.

– Шампанское? Было бы неплохо, – обронила она с деланным равнодушием.

– Лука?

– Будь так добра.

Он почти не слушал хозяйку дома. Ему не терпелось остаться наедине с Евой и попытаться сломить ту оборону, которую девушка небезуспешно начала устанавливать, как только вошла в гостиную. Когда Лиззи вышла, он встал и с грацией черного леопарда подошел к Еве. Ей подумалось, что сегодня он похож на хищника. А как несчастные антилопы справляются с хищниками где-нибудь в саванне? Не все убегают – это точно. Некоторые не сдают позиций и встречаются с опасностью лицом к лицу. Но есть отличие – антилопы наверняка не думают о том, что и сам хищник может выглядеть весьма аппетитно. Одет он был так же просто, как и Ева: выцветшие блеклые джинсы облегали бедра, светлый свитер оттенял оливковую кожу и черные блестящие глаза. Его темные волосы были взъерошены, по лицу блуждала легкая улыбка. Десять лет назад Ева понятия не имела о мужчинах и об их власти над женщинами. Но теперь, будучи

женщиной опытной, могла с уверенностью сказать, что не многие мужчины способны сравниться с Лукой. Ставка только на достижимые цели, напомнила она себе и зеркально одарила его улыбкой такой же вежливой и пустой.

– Ну и как, Ева, – чуть насмешливо он изогнул губы, – успела на работу вовремя?

– Да, спасибо.

– Но ты совсем не спала.

Зрачки ее вздрогнули, на одно нелепое мгновение она подумала, что он был свидетелем ее ужасной ночи.

– Нет, почему же, спала, – возразила она.

– Врешь, – сказал он весело, без предупреждения поднимая руку, чтобы слегка потрогать нежную кожу у нее под глазами. – Вот это тебя выдает. Темные тени, как синие ирисы, залегли на твоей бледной коже.

Вторжение в ее личное пространство было неожиданным и неуместным, однако его прикосновение заставило ее трепетать – безобидное касание подействовало, как любовная ласка. Она хотела заставить его прекратить это, спросить, чего он, черт подери, этим добивается. Но его сладкий грудной голос с певучим акцентом гипнотизировал ее. Она ощутила себя котенком, столкнувшимся со львом.

– Просто я сегодня не накрашена, – сказала она, как будто это все объясняло, и тут же пожалела, что он убрал руку.

– Вижу, что не накрашена.

Ее чистое лицо произвело на него впечатление. Она, должно быть, очень уверена в себе, если не пользуется косметикой. А подобная уверенность, как мы знаем, сама по себе является эффективным сексуальным оружием.

– А я, если хочешь знать, не мог сомкнуть глаз всю ночь.

– А мне разве есть до этого дело?

– Может быть, и есть, так как причина моей бессонницы та же, что и у тебя.

Она взяла себя в руки. Ева, не забывай, что это один из тех мужчин, которые отравляют нам, женщинам, жизнь. Один из скучных, пустых мужчин, которые тебя притягивают лишь потому, что часто мелькают перед глазами.

– Неудобный матрац? – предположила она. – Или тривиальное несварение желудка после всего съеденного на вечеринке?

Он рассмеялся.

– О нет.

– Может, у тебя были более приятные причины для бессонницы? – непроизвольно обронила она.

– Например?

– Ну, не знаю. Блондинка, с которой ты вел беседу, была к тебе очень внимательна. Не она ли помешала твоему сну?

– А ты ревнуешь, *tesora*?⁴

Ее сердцу стало тесно в грудной клетке. Да, да, я ревную.

– Не смеши меня.

Он улыбнулся.

– Я спал один.

– Мои соболезнования.

– А ты? – медленно и манерно спросил он. – Спала одна?

– Часто ли ты задаешь подобные вопросы людям, которых едва знаешь?

– Я задал прямой вопрос. – Он сделал паузу. – В отличие от тебя. А ты намеком дала мне понять, что хочешь это знать.

– С кем ты спишь, меня совершенно не интересует. В свою очередь, я не намерена делиться с тобой секретами своей личной жизни!

В отчаянии она прикусила язык и захотела провалиться сквозь землю, так как в этот момент в комнату вошла Лиззи, осторожно удерживая поднос с бутылкой шампанского и четырьмя

⁴ Сокровище (ит.).

бокалами.

– Ой! – воскликнула Лиззи, и ее глаза округлились, как блюдца. – Может, мне стоит выйти и зайти снова?

Лука снял с подноса бутылку и начал снимать фольгу.

– Мы с Евой только что поняли, что оба не любим недосказанности и сразу переходим к сути вопроса. Я не прав?

Ева свирепо посмотрела на него, чувствуя, что у нее горят щеки. Что она могла сказать? Как она могла объяснить своей подруге, к чему был этот разговор, если даже себе она не могла этого объяснить?

– Ну, этим Ева, кстати сказать, зарабатывает деньги, – хихикнула Лиззи.

Лука разлил шампанское и вручил дамам по бокалу, с удовольствием продолжая наблюдать за взбешенным взглядом Евы.

– А чем именно она занимается? – лениво спросил он.

– Угадай! – насмешливо бросила Лиззи.

Это дало ему возможность снова окинуть Еву взглядом, в котором читалась издевка.

– Адвокат?

Как ни странно, Ева была польщена. Работа адвоката предполагает наличие интеллекта и хорошего ораторского искусства, разве не так? Но она ненавидела разговоры о своей работе. Людям всегда слишком все интересно, и ей нередко казалось, что ее воспринимают не как личность, а лишь как физиономию с экрана. А телевидение – о, это так сексуально. Такую славу оно получило в обществе, и тут уж ничего не поделаешь. Эти расхожие мифы отчасти стали причиной ее недоверия к мужчинам. Она сомневалась в искренности их мотивов. Всякий раз ей приходилось думать, чем она заслужила их внимание: своей собственной персоной или все же положением на телевидении? Но она отнюдь не собиралась ни играть в застенчивость, ни кокетничать. Она вообще не собиралась оставаться девушкой–загадкой в глазах Луки Карделли.

– Я не адвокат, – сказала она. – Я работаю на телевидении.

– Ева у нас – ведущая "Доброго утра"! – гордо сообщила Лиззи. – По будням с шести до девяти утра. У меня все это есть на кассетах. Хочешь посмотреть?

– Лиззи, ради всего святого! – сказала Ева.

Лука почувствовал искренность ее мольбы, и глаза его сузились. Вот и объяснение тому, почему на вечеринке люди так пилились на нее. Понятно и ее поведение. Сдержанность во взгляде, вспыльчивость в разговоре. Он покачал головой.

– Отличная идея, но, боюсь, Ева будет скучать. Как-нибудь в другой раз.

В иной ситуации Еве сразу бы стало спокойнее.

Она ненавидела смотреть на себя, тем более, когда зрителями оказывались ее друзья. На экране она выглядела как-то иначе, а ей совсем не хотелось выделяться. Но сейчас отказ Луки посмотреть на нее в записи почему-то задел ее.

– Ну, слава Тебе, Боже милостивый!

Она картинно вздохнула.

Хлопнула парадная дверь. Послышался топот ножек Кейси. Наступила счастливая передышка в разговоре. Ева сняла очки и встала, когда в комнату ворвалась "батарейка энерджайзер" с копной белокурых кудряшек. Ева подхватила малышку на руки и сжала в объятиях.

– Ева! – завизжала девочка.

– Привет, моя милая. Как дела у самой послушной девочки?

– Я поцарапала коленку.

– Ай-ай! – Ева села на диван с Кейси на коленях. А ну-ка покажи, где.

– Вот, смотри.

Кейси указала на микроскопическое пятнышко на ноге, а в комнату вошел Майкл, лучезарно улыбаясь.

– Шампанское? – пробормотал он. – Прекрасно.

– Ты должен приходить к нам почаще Лука, если Лиззи открывает шипучку в обед!

– Это только потому, что шампанское осталось с прошлой ночи! – запротестовала его жена.

– Я польщен! – произнес Лука, и все рассмеялись.

– Умираю от голода, – сказал Майкл. – В отличие от некоторых я набегался за ребенком на свежем морском воздухе и нагулял вот такой аппетит!

– Вообще–то Ева поднялась в полчетвертого, – критически заметила Лиззи.

Лука поднял глаза.

– Вот как? Когда ты сказала, что тебе рано вставать, я и в голову не брал, что настолько рано. Это же еще ночь. – Он взглянул на нее, но из-за платиновой макушки ребенка были видны только ее серо-зеленые глаза. – Видать, ты многого не можешь себе позволить, вставая в такую рань. Я имею в виду – в быту.

– О, Ева у нас карьеристка, – сказал Майкл. – О бытовых мелочах она не беспокоится!

Ева намотала локон Кейси себе на палец.

– Вы позволите мне самой за себя сказать? Терпеть не могу словечко «карьеристка». Оно, как минимум, предполагает амбициозность и все такое прочее. Я смотрю на это проще – занимаюсь работой в очень ранние часы.

– Как некоторые няни или сиделки, – вскользь заметил Лука, блеснув своими черными глазами.

– Пожалуй, – ее глаза сверкнули озорным ответным блеском. – Или, скажем, доярки на молочной ферме.

Их пристальные взгляды встретились. То, что по существу было обычной шуткой, снова превращалось в неожиданную угрозу для Евы. За совместными шутками может последовать что-то большее, и это казалось Еве чрезвычайно соблазнительным.

Лиззи взглянула на дочку.

– Поди-ка помой руки перед ланчем, куколка.

– Я хочу остаться с Евой!

Милый каприз ребенка открывал перед Евой возможность выйти из комнаты, что ей сейчас было нужно больше всего. Это был единственный способ ускользнуть из-под гипноза Луки.

– Я помогу ей, – сказала она бодрым голосом, – мы еще промоем твою бедную коленку и наклеим на нее огромный пластырь. Как тебе такая мысль?

Кейси доверчиво кивнула и обвила Еву пухлыми ручонками. Девушка вынесла ее из комнаты, спиной чувствуя пристальный взгляд Луки. Ее это неожиданно смутило, хотя ей казалось, что смущаться она перестала много лет назад.

Когда они вернулись, второй завтрак был уже на столе. Лука непринужденно болтал с Майклом. На Еву он едва взглянул. Она усадила Кейси на стульчик и сердито посмотрела на Лиззи. Та с недоумением подняла брови.

"Дай мне только пережить этот ланч, и я с ним больше никогда не увижусь", – подумала Ева.

А единственный способ пережить эту трапезу – вести себя с ним так же, как со всеми остальными на всех прочих ланчах. Просто болтать.

Большую часть завтрака она провела, дружески беседуя с Кейси, которую неудержимо любила. Когда в свое время ее попросили стать крестной матерью малышки, она сочла это подарком небес, а к самой процедуре подошла с величайшей ответственностью.

Многие женщины, работающие на телевидении, так и не находят время родить ребенка. Ева опасалась, что подобная участь постигнет и ее. Грешным делом она подумала, что ее крестница будет для нее идеальным вариантом – и ребенок как будто есть, а особых обязательств нету.

Она как раз кормила Кейси оливкой, когда ей пришлось поднять голову и перехватить случайно (ну конечно, случайно!) взгляд Луки. И стало ясно, что у нее не получится прикрываться ребенком в течение всего завтрака.

– Где ты сейчас живешь Лука?

Он взглянул на нее с едва уловимым изумлением.

Она почти не притронулась к еде. Он тоже. Она так прелестно и мило играла с ребенком, что почти полностью игнорировала гостя из Италии, а он не привык к такому обращению. Впрочем, удивительно встретить женщину, которая так неподдельно и искренне любит детей. Пожалуй, во всех правилах бывают исключения – современная равнодушная англичанка может быть такой откровенно экспансивной и любящей. Он отодвинул тарелку.

– В Риме. Но у меня есть собственность и на побережье.

– Для парусного спорта?

– Когда есть время. К сожалению, теперь его не так много.

– Жаль. Майк сказал, что ты выдающийся моряк.

Он этого и не отрицал. Ложная скромность – это своего рода обман, разве не так? Парусный спорт был его страстью, которая когда-то поглощала его полностью, но подобные увлечения имеют тенденцию отнимать все свободное время, и их притягательность со временем слабеет, а то и совсем исчезает.

– Загружен работой. И нет возможности найти надежного помощника. Обычная история.

Его слова о том, что нет возможности найти помощника, повисли в воздухе как предупредительный сигнал.

– А чем ты занимаешься?

– Угадай, – весело передразнил он Лиззи.

Его наружность могла помочь ему в достижении вершин Олимпа на поприще, скажем, киноискусства, но в нем не читалось то осознанное тщеславие, которое обычно присуще актерам. Определенно у него было самолюбие. А некоторые не поддающиеся четкому объяснению манеры свидетельствовали о том, что по складу он, несомненно, был лидером.

– Мне кажется, ты успешный бизнесмен.

– Что-то в этом роде. Я банкир.

– О!

– Скучная профессия, не так ли? – усмехнулся он.

Она встретила его пронизывающий взгляд с полным хладнокровием.

– Но только не для тебя, я полагаю. Иначе бы ты не стал этим заниматься.

– Лука, – запротестовала Лиззи, – хватит дурачиться!

Она мягко перегнулась через стол к Еве и одарила ее слегка пьяной улыбкой.

– Лука не банковский клерк. Он владелец банка.

Ева почувствовала слабость. Владелец банка? Это значило, что он вертелся в кругах богатых и сверхбогатых людей, и все, что из этого вытекало. А она-то думала, что на него произвел впечатление ее статус звезды провинциального телевидения! Она понимала, что он ждет ее реакции. Она знала, что классовая принадлежность характеризует человека. Понятно, что люди по-разному реагируют на него, впрочем, так же, как и на нее. Она давно научилась не реагировать на камеру, и этот навык теперь сильно ей пригодился.

– А я и не знала, что отдельные лица могут владеть банками, – заинтересованно произнесла она. – Это малораспространенное явление?

Ему показалось, что у него берут интервью.

– Это скорее феноменально, – поправил он. – А не просто мало распространено.

– Должно быть, это пьянящая штука – иметь столько власти?

Он встретился с ней глазами.

– Да, несомненно. Обычно это приводит женщин в восторг.

В ее лице ничто не дрогнуло.

– Я не это имела в виду.

Он медленно провел пальцем по краю бокала.

– В этом, как и везде, есть свои плюсы и минусы, есть что-то увлекательное, а что-то скучное. Жизнь, по существу, для всех одинакова – будь ты владельцем банка или уборщицей в одном из его отделений.

– Ну, как сказать!

Черные его глаза заблестели.

– В главном – одинакова, – не согласился он, – все мы едим, спим, развлекаемся, занимаемся любовью, разве не так?

Она буквально заставила себя не покраснеть.

Только итальянец мог прийти на званую трапезу в приличную семью и завести разговор о занятиях любовью!

– Стоит поразмышлять над твоей теорией на досуге, – задумчиво пробормотала она. – Ты надолго приехал?

Ага, уже интереснее. Что заставило ее сменить гнев на милость? Упоминание о сексе или тот факт, что у него в руках немало власти?

– Еще не решил. – Его глаза излучали чистейший вызов. – А что? Хочешь показать мне окрестности?

– О нет! Прости меня, конечно. Но ты же не первый раз в Хембле, – любезно напомнила она. – Могу предложить иное. Заходи как-нибудь утром к нам в студию – уверена, нашим зрителям будет интересно услышать, как живут–поживают владельцы банков.

Блестящие черные глаза стали холодными. Она пригласила его на свое шоу, если он правильно понял.

Словно какую-то второсортную звезду мыльных опер!

– Едва ли я смогу, – небрежно бросил он.

Она его оскорбила, желая всего лишь держать его на дистанции. Ева поняла, что ей пора отсюда убираться. Конечно, это не его дом. У него есть только чертов банк да еще неотразимая внешность соблазнителя. Но все равно. Не забывай, голубка, только достижимые цели! А он недостижимая цель по определению.

– Жаль, – сказала она, вставая. – Если передумаешь, дай мне знать. Лиззи, Майк, дорогие, спасибо за отменный ланч. Кейси, поцелуешь меня?

Она крепко обхватила свою крестницу, глубоко вдохнула.

– Всего хорошего, Лука!

Он церемонно встал, взял ее руку и медленно поднес к губам. Он готов был проглотить ее глазами, когда легко коснулся губами ее пальцев. Впрочем, поцелуй выглядел вполне светским.

Сердце Евы чуть не выскочило из груди. Это было самым романтичным жестом по отношению к ней за всю ее жизнь, и она задумалась, не было ли это изысканное и старомодное действие очередной насмешкой. Но даже эти мысли не пригасили теплой романтики его поступка. Она уже пожалела, что собралась уходить. Но что толку, даже если она останется?

"Он не для меня", – напомнила она себе и забрала у него свою руку в надежде, что улыбка на ее лице не выглядит слишком уж грустной.

– Всем до свиданья! – сказала она, не будучи уверенной, что ее голос звучит независимо и правдиво.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Оказавшись на улице, Ева вздохнула с облегчением. Свежий ветерок коснулся ее горячих щек. Но пульс еще какое-то время стучал, будто ее несло вверх и вниз по ярмарочным горкам. Наверно, потому, что она почти ничего не съела на ланче у Лиззи и Майкла. Впрочем, в глубине души она сознавала, что причина в ином. Это была реакция ее тела на близкое присутствие обаятельного мужчины. И не просто мужчины, а Луки Карделли. Она ничем не отличалась от остальных женщин и готова была поручиться, что так прореагировала бы каждая, особенно если этот обаятельный мужчина начнет флиртовать. А он, без сомнений, это делал. Пусть она не профессионал в таких вещах, но все-таки и не полная дура.

Дорога к ее коттеджу шла вдоль набережной. Прислушиваясь к скрипящим на ветру мачтам, Ева вдруг подумала, какими голыми выглядят эти мачты без парусов. Конечно, она встречалась с разными мужчинами, но с таким, как Лука, вот так вплотную она столкнулась впервые. Что ж, богатых сексапильных итальянцев нечасто встретишь на тихих улочках Хембла, даже если работаешь на телевидении. О том, что она мимолетно сталкивалась с ним здесь десять лет назад, она как-то забыла. Да, скорее домой, а там заняться какой-нибудь тяжелой физической работой это вернет ее на землю и поможет на время забыть о нем. Как говорила мама? Тяжелый труд не оставляет места для душевных самоистязаний!

Дома она переделалась в самое древнее барахло столетние забрызганные краской брюки цвета хаки и старую застиранную футболку с надписью "Привет, матрос!". Нашла розовые резиновые перчатки, наполнила ведро горячей мыльной водой и собралась помыть кафельную плитку на кухне.

Она только отжала тряпку, как раздался звонок в дверь. Она нахмурилась.

Нежданные гости не приветствовались в ее доме.

Она ревностно охраняла свое личное пространство и не любила, когда кто-то без спросу нарушает ее покой. Увы, такое случалось и было следствием ее работы. Кстати, одной из причин, по которым она не переезжала из крохотного поселка, в котором выросла, было то, что здесь ее все знали как просто Еву. Разумеется, местное телевидение не шло ни в какое сравнение с национальным, и ей не докучали преследователи, которые часто представляют опасность для

телеведущих популярных каналов. И все-таки ее беспокоило, что человек, мелькающий по телевизору, становится чем-то вроде общенародного достояния. В ее родном поселке, к счастью, этот эффект едва ли мог проявиться.

Она открыла дверь, и во рту сразу пересохло. За дверью стоял Лука Карделли. Морской ветерок раздувал его черные волосы. Руки он засунул в карманы выцветших джинсов, облежавших его крепкие, накачанные мышцы.

– Лука, – сказала она, – Вот так сюрприз!

– Правда?

Вопрос поставил ее в тупик. Она беспомощно показала жестом на забрызганные краской брюки и ярко-розовые перчатки, которые машинально начала стягивать с рук.

– Едва ли я оделась бы так, ожидая гостей.

Темные глаза наткнулись на надпись на футболке, он издал картинный вздох.

– И тут появляюсь я, нахально полагая, что ты так оделась специально для встречи со мной?

– Но ты, кажется, больше не матрос, не правда ли? – с трудом отшутилась она, чувствуя, как дрожит и сжимается сердце. – К тому же, как тебе это ни покажется странным, но в магазине как раз передо мной закончились футболки с надписью "Привет, банкир!".

Она хотела заставить его прекратить так на нее смотреть и одновременно мечтала, чтобы это продолжалось вечно. Он засмеялся, удивляясь собственной реакции. Чувствовалось, что его тело в напряжении.

Очевидным образом он жаждал того, что выглядело бы не очень уместным в данной ситуации. При этом ему не хотелось выглядеть неопытным мальчишкой, которого столь сильно возбуждала женщина.

– Может, ты меня все-такипустишь? – мягко поинтересовался он.

Только благодаря недюжинной силе воли ее лицо оставалось спокойным.

– Зачем?

Последовала пауза.

– Выпить чашечку кофе.

Вот он, очередной затруднительный момент. Оба они прекрасно понимали, что о кофе вопрос даже не стоял. Дело было в ином. В чем именно? Ей стыдно было признаться себе самой, и она продолжала терзать себя сомнениями. Нет. Этого не может быть. Она вдруг поняла, что в ее голове крутится лишь одна навязчивая мысль. Его пылающие высокие аристократические скулы и сказочный блеск в темных глазах разрешили ее сомнения. Она могла бы сказать, что занята. Это было бы правдой. Что ей нужно принять ванну. Это тоже было бы правдой. Так что выбрать?

– Мне нужно в ванную.

– Прямо сейчас, – медленно протянул он, – именно сию секунду?

– Ну, безусловно, не сию секунду.

Он взглянул на нее с любопытством.

– А что ты делала?

– Мыла пол на кухне, – ответила она и неожиданно почувствовала триумф, увидев, как любопытство в его глазах сменилось изумлением.

– Мыла пол на кухне? – недоверчиво повторил он.

– Как видишь. Это случается у людей.

– У тебя нет уборщицы?

– Уборщица есть. Но нет штатной прислуги. И мне всегда нравилась тяжелая физическая работа.

Она превосходно помогает сконцентрироваться.

Лука Карделли понял, что Ева Питерс крепкий орешек. Он решил изменить стратегию.

– Ну, тогда ты не поужинаешь со мной сегодня вечером?

Она открыла рот, чтобы сказать:

"Только если лягу спать в девять", но из-за неловкости ситуации решила этого не говорить.

И почему это она должна сразу, не раздумывая, отклонять приглашения? Неужели ее карьера стала такой важной, что от удовольствий в жизни она наотрез отказалась?

– Боюсь, с ужином будет сложно. Мне вставать ни свет, ни заря, если, конечно, это не бу-

дет очень ранний ужин. Но, поскольку мы лишь недавно закончили ланч, не думаю, что мы успеем сильно проголодаться для раннего ужина.

Она шире открыла дверь. Она сделала это лишь потому, что когда-то он был к ней добр (так она сказала самой себе). И тут же улыбнулась, подумав, какая все-таки бессмысленная трата времени – самообман. Почему просто не признаться в этом себе? Ведь она не хотела, чтобы он уходил.

– Думаю, тебе лучше все-таки войти. А я вместо ужина приготовлю кофе. Но только ненадолго, ладно?

– Просто выкинь меня, когда захочешь, – манерно растянул он слова, с интонацией человека, которого еще никогда ниоткуда не выкидывали.

Он закрыл дверь изнутри с неким победным чувством, не в силах припомнить, однако, когда ему еще так долго приходилось бороться за чашку кофе.

– Эти дома явно не были построены для высоких мужчин, – смеясь, заметил он, следуя за ней по низкому темному коридору на кухню.

– Потому-то здесь и живет женщина среднего роста! Это старый дом. А в те времена люди были ниже.

Кухня блестела чистотой и пахла свежестью. Старомодный шкаф для посуды был битком набит причудливыми цветными фарфоровыми сервизами, а кувшин с медно-красными рдеющими хризантемами стоял на отмытом столе. За застекленной створчатой дверью открывался вид на море, покрытое барашками, серое и беспокойное сегодня.

– Мне нравится Хембл, – сказал он.

– Великолепно, правда? Вид каждый день новый, потому что море все время меняется. – Она взглянула на него. – Интересно, что ты чувствуешь, возвратившись сюда через столько лет?

Он уставился на море, вспоминая, что он почувствовал, когда впервые приплыл в эту сонную английскую гавань, молодой и свободный, не обремененный тяготами жизни. Это было пьянящее чувство.

– Осознаешь, какая ценная штука время, – проговорил он задумчиво, – как быстро оно летит. А твой старинный дом... – он подумал, какое лучше подобрать определение, – он юн и прелестен.

Ева искренне улыбнулась.

– Спасибо. Это бывший коттедж береговой охраны. Я живу здесь, сколько себя помню.

– Сказать честно, я ожидал увидеть другое.

Она налила воды в чайник.

– И что ты ожидал увидеть?

– Что-то современное. Лоснящееся. Но точно не это.

И она сегодня была совсем не такой, какой он ожидал ее увидеть. Его пульс не должен был биться с такой необузданной силой. Ведь он любит, когда женщины элегантны и изысканны, а не когда они одеты в мешковатые тряпки с пятнами краски. Тем не менее, он навязчиво думал только о ее стройном теле, скрывавшемся под этим странным облачением, а также о том, что до безумия очарован ее кокетливым розовым лаком на пальчиках босых ног.

Ева готовила кофе в тишине, раздумывая над тем, что на кухне что-то изменилась с его приходом и что еще никогда в жизни она не чувствовала себя настолько не в своей тарелке от присутствия мужчины.

Вероятно, где-то в подсознании она так и не сумела перестроиться – стать не пугливым подростком, а зрелой, независимой женщиной. Она мысленно перенеслась в то время, когда была в глазах красивого и богатого итальянца лишь жалкой официанткой. Она слышала, как колотится ее сердце, и беспокоилась – уж не слышит ли этот стук и гость.

– С чем тебе кофе? – с нарочитым спокойствием спросила она.

– С чем угодно.

Звук закипающего чайника был оглушительным, почти таким же, как биение ее сердца. Она обернулась. Он неподвижно сидел, облокотившись на кухонный стол, и наблюдал за ней. Да, ничего не попишешь, его глаза одурманивали ее.

– Ну, так с чем все же? – спросила она не своим голосом.

Он улыбнулся.

– Все равно.

– Ты не хочешь кофе.

– Может быть, и так.

– Тогда зачем ты пришел? – рискованно спросила она.

Он окинул ее взглядом.

– Ничего не мог с собой поделать, – он пожал плечами, как будто ему нередко было свойственно давать слабинку.

Ева уставилась на него. Она знала, что совсем иначе ведет себя с другими мужчинами. У нее на работе много мужчин. Некоторые даже потрясающе выглядят. Но в Луке было что-то особенное – сильное и непостижимое, не мешающее ему оставаться восхитительным и доступным. Он так и излучал чувственность. При нем она становилась уязвимой, чего вовсе не хотела.

С одной стороны, она уже начала жалеть, что пригласила его в дом. С другой стороны, ей хотелось пренебречь всеми правилами хорошего тона и без рассуждений кинуться в омут. Отвести его наверх и заняться с ним любовью. Хотя бы раз! Он хотел, чтобы она это сделала. И она знала об этом. Но жизнь не так проста. Да и она не простушка.

– Объясни, пожалуйста, что ты имел в виду, Лука, – сказала она мягко, даже нежно.

Был только один способ объяснить это, и не с помощью слов. Он сделал к ней шаг, заметив по ее вспыхнувшим щекам, что она на это согласна. В глазах Евы застыл испуг, но она не пыталась остановить его. Приблизившись, он провел кончиками пальцев по контуру ее подбородка и почувствовал, как она вздрогнула. Он обхватил ее руками и приблизил свои губы к ее губам на волнующе близкое расстояние.

– Что ты делаешь? – еле дыша, прошептала она.

– Собираюсь поцеловать тебя, – нежно ответил он. – Разве ты еще не поняла этого, сага?

– Ты не должен этого делать!

– Почему?

– Потому, потому что это неуместно в данной ситуации! – выпалила она. – Мы едва знакомы!

– А ты что, никогда не целовалась с человеком, который тебе почти посторонний? – пробормотал он. – Не правда ли, в этом есть какая-то изюминка, что-то сумасшедшее и прекрасное?

Почти посторонний. Что-то неприятное было в этой его оценке. Она изо всех сил пыталась сосредоточиться на какой-нибудь здоровой мысли, но могла ощущать лишь неистовый жар его тела, который беспощадно гнал все рациональные соображения прочь из ее головы. Она положила руку ему на грудь.

– Это к делу не относится, но все-таки, с чего ты взял, что у меня нет молодого человека?

Он тихо усмехнулся.

– Нельзя иметь молодых людей, Ева, нужно иметь мужчин. А таких у тебя нет. – Он медленно и небрежно провел кончиком пальца по контуру ее губ. – Даже если он и есть, он ничего для тебя не значит. Потому что ты его не хочешь, сага. Ты хочешь меня.

Это было безжалостно, даже жестоко, но это было правдой. Она его хотела.

В расширенных и ослепленных глазах девушки он прочитал приглашение и начал целовать ее губы, а когда последовал сладостный ответ, он испытал острое и пронизывающее жжение страсти.

– О, – вздыхала она беспомощно. – О!

Он сумел улыбнуться, не отрываясь от ее губ, и ощутил радость от ее долгожданного подчинения. А Ева полностью растворилась в поцелуе: ее пальцы скользили по его плечам, ногти впивались в его кожу, и она чувствовала, что ее колени начинают подгибаться и грозят предательским падением. Она ощущала, как смешались их дыхания и как ее тело слабело, когда он прижимал ее к себе все теснее. Собрав остатки здравого смысла, она попыталась взять себя в руки, но тщетно.

– Лука, ради бога...

Он поднял голову и взглянул на нее, его темные, почти черные, глаза прожигали ее насквозь.

– Что? – прошептал он.

– Это сумасшествие. Безумие. Я никогда так не поступаю.

– Ты только что поступила, – надменно уточнил он. – И ты хочешь поступить так еще раз.

Да, она хотела. Она предоставила ему роль господина, и он поддался соблазну, а ей это

нравилось. Может, даже слишком. Она задала себе вопрос, был ли он столь же властен в постели? Сильный, яркий блеск в его темных глазах говорил ей, что да, это очень возможно. Но способен ли он не только получать, но и отдавать взамен?

– Ты ведь хочешь. – Он рассмеялся, почувствовав, как она все теснее прижимается к нему. – Да, моя милая, да, ты этого хочешь.

Это был не вопрос, а утверждение. Она не ответила, а просто прижалась к его бедрам и почувствовала, как он дернулся и издал мучительный стон.

– Сага mia, какое блаженство! – простонал он.

Никогда прежде не испытывал он такие яркие эмоции.

Почему именно с этой женщиной? Он еще теснее прижался к ней, испытывая блаженство оттого, что она сможет ощутить его твердость. Ева почувствовала настолько острое желание, что потеряла голову.

Она провела пальцами по его волосам, пока он покрывал поцелуями ее рот, щеки, шею... Вся целиком, она унеслась в неизведанные края. Туда, где не задумываешься больше ни о чем, кроме того, что важно сию секунду. И секунда эта наступила.

– Лука!

Это был слабый подавленный плач. Мольба.

Просьба. Нужда, совпадающая с его нуждой. Он было подумал, что она хочет его остановить, но тут же был ошеломлен и сметен ее рвением. С трудом оторвал он губы от ее губ, дыхание его сбилось. Это было сумасбродным и сладким, мгновенным и неожиданным. Вероятно, нечто похожее ощущаешь, когда долго страдаешь от голода, а потом случайно наталкиваешься на пиршественный стол.

– Где кровать? – возбужденно спрашивал он. – Туда, немедленно!

О боже! Кровь ее горела огнем. Она чувствовала силу и слабость одновременно, будучи переполненной единственным желанием – быть с ним рядом здесь и сейчас, настолько близко, как это возможно между мужчиной и женщиной.

Но это было не правильно. Кем он будет ее считать? Одной из тех женщин, которыми правит лишь плотский голод? Но, что еще важнее, как она сама будет воспринимать себя после этого? Усилием воли Ева вырвалась из его объятий.

– Нет. Прекрати. Я говорю серьезно. Я так не могу.

По его телу пробежала нервная дрожь разочарования, а в глазах застыл немой укор.

– Что? Почему?

Слова эти дались ему не сразу и с огромным трудом.

– Мне не следовало этого делать! Прости меня, Лука. Чувства затопили меня, но...

Его лицо окаменело, и она подумала, что не вправе осуждать его за это. Она повела себя как самая ужасная женщина спровоцировала его, заставила себя захотеть, а потом прервала.

– Ты уже сделала.

– Это просто, бессмысленно, разве нет?

Он наградил ее высокомерным вопрошающим взглядом.

– Бессмысленно?

Она растерянно улыбнулась, как будто молчаливо прося, чтобы неожиданно возникший лед между ними растаял. Но не увидела ответной реакции.

– Конечно же, бессмысленно: ты живешь в Риме, а я в Англии.

Его усмешка была злой.

– Я думал, мы собирались провести только день в постели, – манерно сказал он. – Я не планировал связывать нас длительными отношениями!

Она уставилась на него.

– Что? Что ты сказал?

– Только дурак не воспользуется шансом, который ему предлагают.

– Мне думается, тебе пора уходить, ты не находишь? – сказала она низким голосом.

– Пожалуй. – Черные глаза яростно сверкали. – Но прежде чем уйти, я дам тебе совет на будущее, сага. Он издал глубокий неровный вздох. – Это не слишком мудро – доводить мужчину до предела, а потом неожиданно менять решение. Не каждый мужчина будет таким же понимающим, как я.

– Что? – резко спросила она. – Получается, у меня нет права передумать? Может быть,

«нет» в понимании некоторых значит "да"?

– Я не об этом, – яростно выдавил он. – Я хотел сказать, что многие мужчины могут попытаться отговорить тебя менять решение.

– О, в таком варианте у них это вряд ли получится!

– Неужели? – Черные глаза смеялись над ней, бросали ей вызов. – Не льстишь ли ты себе, Ева? Мы оба знаем – если бы я продолжил целовать тебя, ты повиновалась бы мне и дальше!

– Повиновалась? – спросила она. – Повиновалась?

– Откопал словечко! В каком веке мы, по-твоему, живем? – Она яростно смотрела на него. – Подобные заявления означают, что речь идет о неравенстве полов. Ты отстал от жизни, мой друг. Когда я занимаюсь любовью с мужчиной, я не подчиняюсь, и он тоже. Мы с ним равны. Это нежно. Это ласково. Это красиво, наконец.

Лука издал короткий смешок.

– Ты говоришь словно о вязании свитера!

Ее щеки загорелись, до нее дошел скрытый смысл его слов. С ним это никогда не будет нежно и ласково.

Ее сердце вновь забилося, хоть она и стремилась быть твердой.

– Уходи! Просто иди. Пожалуйста.

– У-хо-жу, – сказал он голосом напряженным, как струна.

И вдруг добавил более спокойно:

– Глупо подобные вещи оставлять незаконченными.

– Извини, но получилось именно так!

Его глаза засияли.

– До свидания, сага, – сказал он неожиданно мягко.

Она смотрела ему вслед с тоской и сожалением, прислушиваясь к его удаляющимся шагам. Страшное – напряжение не сразу покинуло ее. Но вот она услышала громкое хлопанье входной двери, и лишь тогда ее переполнило чувство освобождения.

Только почему же, черт подери, ей вдруг захотелось со всей силы ударить ногой по стене?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Он не должен был улетать до следующего утра.

Однако Лука поменял билет и вернулся в Рим уже ранним вечером. Господи, что на него нашло? На что он рассчитывал, ввалившись к ней в дом, где повел себя как одолеваемый гормонами подросток? Он смотрел в окно, и его мучила слабая боль в паху, следствие сильной страсти, которую у него вызвала Ева.

Он мог набрать сотни телефонных номеров и встретиться с одной из своих славных подружек, тем более что Ева была не совсем в его вкусе. Почему так произошло именно с ней? Потому ли, что вначале она была с ним холодна и бесцеремонна, спокойно изучая его своими умными серо-зелеными глазами? Или потому, что возражала ему? Умело играла с ним? А потом оказала сопротивление. Неужели все эти факторы делают Еву Питерс той самой женщиной, которую ему раньше просто не удавалось повстречать? Ее недоступность?

Он добрался до дома, принял душ, переоделся и, повинувшись порыву, пригласил на ужин Кьяру. Они долго не виделись, и ей не терпелось рассказать ему о своем новом фильме. Было уже поздно, но она без раздумий согласилась поужинать с ним. Энтузиазм, который она не слишком ловко старалась скрыть, подействовал на Луку как холодный душ, и он пожалел, что пригласил ее. Ее черные волосы спадали до лифа, покрытого серебряными монетами, как у знойных южных красавиц, а Лука, с преувеличенным вниманием изучая меню, неотвязно думал о Еве, о ее запачканной краской футболке. Кьяра весь вечер откровенно флиртовала с ним, смеялась над его шутками, а смотрела на него так, будто это он был причиной тому, что Бог выдумал женщину. На выходе из ресторана их ждала целая толпа папарацци. Блеснули фотовспышки. Лука Карделли подозрительно посмотрел на нее.

– Это ты сказала им, где мы ужинаем? – спросил он.

Она покачала головой.

– Нет, саго,⁵ уверяю тебя, что нет!

Он ей не верил. Женщины всегда говорят одно, а подразумевают другое. Они плетут интриги и строят тайные планы, чтобы получить то, чего хотят. Она попыталась обвить его шею руками. Он почувствовал аромат дорогих духов, которые ему уже давно приелись. Он мягко отстранил ее.

– Я подброшу тебя до твоего дома, – немногословно сообщил он.

– О, Лука, – обиженным голосом произнесла она, – разве ты должен это делать?

Он думал о Еве. О нежности ее губ и о том, как она оживала, возрождалась к жизни в его объятиях.

Спокойная, сдержанная наружность скрывала удивительно горячую, чувственную натуру. Что там спрятано в глубине? Пока ему удалось увидеть лишь волнующий проблеск. Он вздохнул, глядя на яркие огни ночного Рима, и вдруг осознал, что просто обязан заполучить ее. Послать цветы? Редкая женщина сможет устоять против цветов. Но на работе ей, скорее всего, дадут множество букетов. Едва ли ее этим удивишь.

Итак, не цветы.

– Спокойной ночи, Кьяра, – сказал он ровным голосом.

Машина подъехала к тротуару, и актриса бросилась вон из нее.

– Домой, и побыстрее! – буркнул он.

Ева старалась не думать о Луке совсем, но это требовало немалых усилий.

Она трезво оценивала безжалостную разоблачающую силу камеры, которая схватывала малейшее несовершенство, с тем чтобы увеличить его в десятикратном размере. Лишний килограмм делал тебя кандидатом номер один для посещения спортзала, а маленький прыщик доминировал на лице как светило. И не только внешность захватывал объектив телекамеры. Любое колебание или нерешительность становились яснее ясного перед безжалостным глазом. Если ты теряешь мужество и уверенность в себе, телезрители перестают тебе верить. Они начинают переключать каналы, а телеведущие ищут новую работу. Она честно пыталась выкинуть Луку Карделли из головы, она все проанализировала, правильно расставила все точки над «i». В конце концов, свет клином на нем не сошелся. Просто–напросто она вновь встретила мужчину, от которого была без ума когда–то давным–давно, и поняла, что это не остыло до сих пор. Но вышло так, что он живет в другой стране, что он не тот, в кого стоит влюбляться, и что он попытался соблазнить ее, ожидая, что она прыгнет к нему в постель по одному щелчку пальцев.

Слава всем святым, что она не прыгнула.

Она решила, что ей надо больше выходить в свет.

Встречаться с людьми. Немного расправить крылья.

Она записалась на дневные курсы французского языка и решила, что в следующий раз, когда съемочная бригада соберется на обычный пятничный ланч, она к ней присоединится. И еще в воскресенье она на целый день заберет Кейси.

Несколько дней спустя, придя домой с работы, она обнаружила у себя в ящике почтовые открытки. Их глянцевые цветные картинки вносили приятное разнообразие в кипы скучных счетов и рекламных проспектов. Она любила почтовые открытки, хотя ей их теперь присылали не часто. Она приписывала это тому, что путешествия стали совсем доступными и ничем не примечательными, а также бесспорному удобству электронной почты. Но в почтовых открытках было свое волшебство, которое отсутствовало у бесплотных электронных посланий.

Она вздрогнула, увидев, что одна из открыток прислана из Рима.

Фотография была необычной – скульптурная группа из двух мальчиков и грозного фантастического животного. Ей не надо было переворачивать открытку, чтобы узнать отправителя. Только один человек мог писать из Рима. И ей не нужно было смотреть на имя, которым подписались в конце, чтобы опознать почерк, потому что она каким–то чутьем догадалась, что это его почерк. Подобно потерявшей голову школьнице, она медленно скользила взглядом по строчкам, словно впервые видела обнаженное тело любовника. Буквы извивались черными чернилами на карточке, подобно причудливым змейкам.

Было написано:

⁵ Дорогой! (ит.).

"Полагаю, ты знаешь незабвенную легенду, что Рим был основан Ромулом – тут фотография Ромула и его брата–близнеца Рема, которые были вскормлены волчицей! Когда будешь в Риме, в любое время можешь меня навестить. Рад был тебя встретить, Лука".

И номер его телефона.

Ева перечитывала это вновь и вновь, ее сердце бешено колотилось, на душе было радостно, хоть она и пыталась убедить себя, что радоваться особенно нечему. Да ради всего святого, это всего лишь открытка!

И она никогда не позвонит ему сама. Но она прикрепила открытку к окну на кухне, к тому самому, за которым открывался вид на море, и, глядя на нее, улыбалась, потому что этот глянце-вый прямоугольник неожиданно помог ей выкинуть из головы сцену неудовлетворенной стра-сти.

Лука Карделли тоже не мог о ней забыть, хотя и прилагал максимум усилий, особенно ко-гда прослушивал, нет ли новых сообщений на автоответчике. Но она не звонила ему.

Какое–то время он не верил этому факту. Неужели она не понимала, какая ей оказана честь? Он хмуро бродил по огромной неприбранной спальне. Нет.

Честь – слишком значительное слово. Ей просто дана привилегия. Что бы сказала мисс Ева Питерс, задал он себе вопрос, если бы узнала, что он никогда еще не давал номера своего теле-фона женщине, которую едва знал! Он скинул одежду и пошел в душ, где долго стоял под ярост-ными, освобождающими струями воды.

Может, она только изображает из себя крепкий орешек?

Он улыбнулся, протягивая руку к шампуню. Ерунда!

Надо просто забыть о ее существовании до конца недели, и она вынуждена будет позво-нить сама.

Ева как раз выходила к машине, когда одна из ассистенток съемочной бригады остановила ее.

– Ева, тебе звонил мужчина.

– Он не представился?

Ассистентка скроила такое выражение лица, словно сидела на диете целую неделю, а за минуту до взвешивания съела сливочный торт. Ева вспомнила, что девица через месяц выходит замуж.

– Нет.

– Все равно, спасибо. Если звонил по важному вопросу, думаю, не поленился набрать но-мер еще раз.

– Это был... – ассистентка понизила голос, – иностранец.

Ее сердце предательски ушло в пятки, а потом полностью перестало биться.

– Ах, вот оно что, – сказала она с нужной долей небрежности в голосе.

– Похоже, итальянец, – продолжала ассистентка, – голос, ну просто божественный! Такой, знаешь ли, низкий, выразительный, волнующий. Бывает такая убаюкивающая интонация в голо-се. Похоже, что это он ее изобрел. Кто он такой?

– Понятия не имею, – беззаботно ответила Ева, чувствуя прилив сострадания к жениху этой девушки, – меня раздражает, когда человек не готов снизойти до того, чтобы сообщить свое имя!

Это было ложью. Еву раздражало другое – ее собственная реакция. Без сомнений, это был Лука. Чего он добивался, звоня ей? Тем более звоня на работу! А если опять позвонит? А если домой? Она вспомнила, что у него нет ее домашнего номера. Конечно, для такого, как Лука, не было проблемой достать телефон женщины. Ева уже давно вышла из возраста, когда придумы-вают разные предлоги, чтобы околачиваться дома в надежде на звонок. Она ненавидела такое поведение в той же степени, в какой не могла теперь вести себя иначе. Каждый раз, когда звонил телефон, она подпрыгивала, как испуганный зверек, но всегда на другом конце провода был не он. В конце концов, расстроившись, сама не зная почему, она пошла проведать Кейси и осталась на послеобеденный чай. И, конечно же, по закону подлости, когда она вернулась домой, красная лампочка на автоответчике провокационно мигала. Трясущимися пальцами она нажала на кноп-ку, и послышался глубокий, мягкий итальянский голос. Прямо как он сам, думала она, слушая сообщение. Глубокий и мягкий.

"Ева? На следующей неделе я должен быть в Лондоне по делам. Как насчет того, чтобы поужинать вместе?"

Веселая нотка появилась в голосе.

"Разумеется, это будет очень ранний ужин. У тебя будет достаточно времени, чтобы вернуться домой и лечь спать вовремя. Позвони мне".

Ее привел в ужас тот факт, что она перематывала это сообщение назад раза четыре, параллельно решая, стоит ли ему звонить или нет, хотя в глубине души уже знала, что устоять не сможет.

Тем не менее, прошло три дня самоистязаний. Когда же, наконец, она уговорила себя, пришлось сначала столкнуться с не очень общительной секретаршей, которая, переключившись с итальянского на безупречный английский, все-таки долго сомневалась, захочет ли синьор Карделли, чтобы его беспокоили.

Конечно же, синьор Карделли захотел.

– Лука? – неуверенно произнесла Ева, уже желая вернуть время назад, чтобы не набирать этот чертов номер.

Лука почувствовал инстинктивное напряжение во всем теле. Так, значит, *strega*⁶ решила заставить его подождать? Он не мог припомнить, когда еще в жизни ему приходилось чего-либо ждать.

– Ева?

– Да, это я! Я прослушала твое сообщение.

– Хорошо.

Он сделал паузу. Теперь пусть и она подождет.

Ева крепко стиснула телефон. Будь он проклят!

– Насчет ужина.

– Ммм.

Она уже готова была бросить трубку, но понимала, что так ведут себя только дети. Так она хотела поужинать с ним или не хотела? И да, и нет.

Лука нахмурился. Она что, всегда ставит мужчин в тупик? Тут он вспомнил, что она была в его объятиях. Они почти...

– Так ты хочешь со мной поужинать, Ева? – нежно спросил он.

Еще один момент истины. Ее жизнь в последнее время буквально полна подобными моментами, а Лука Карделли почему-то всегда с ними связан. Ева сглотнула. Представь, что ты перед камерой. Дай ему быстрый, вежливый и полный безразличия ответ. Было бы намного лучше, если бы она могла просто забыть об этом разговоре, но мысль о том, что она его больше не увидит, делала окружающий мир серым и безрадостным.

– Прекрасно, когда?

Она сказала это таким голосом, как будто ее пригласила на чай незамужняя тетка!

– Я прилетаю в пятницу вечером, – спокойно сказал он. – Как насчет субботы?

Она подумала, что может притвориться, будто занята в субботу, но потом поняла, что бессмысленно играть в кошки мышки, если от этого ей только хуже.

– Суббота – самое оно, – ровно сказала она, но сердце ее бешено билось.

– Превосходно. Я позвоню, когда буду в Англии. *Ciao, bella.*⁷

Ева стояла и смотрела на телефонную трубку, не осознавая, что он ее уже положил. Во рту у нее пересохло. В ее голове крутилась только одна мысль.

Ужин в субботу. Ранний ужин, чтобы у нее было достаточно времени вернуться домой и лечь спать.

Но она не работала по воскресеньям. Она это знала, и он это знал.

По воскресеньям она отсыпалась.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Отель, в котором он остановился, был одним из тех современных спокойных и дорогих

⁶ Ведьма, колдунья (ит.).

⁷ Пока, красотка (ит.).

мест, мелькающих в глянцевых журналах, которые заметно отличаются от стандартных однотипных гостиниц. Ева вошла в вестибюль с блестящими деревянными полами и дорогими коврами. Она устала на конторку портье, которая была сделана так, чтобы явно не быть похожей на конторку портье. Наполовину она была заставлена вазами с ярко-красными и лиловыми цветами, а ухоженная блондинка, которая улыбнулась посетительнице, сама выглядела как модель из модных журналов. Ева поняла, что это одно из самых фешенебельных мест, столь первоклассных, что по коже пробегает холодок. Она вздрогнула, думая о том, что собирается делать. И тут же твердо напомнила себе, что ничего делать не обязана. Если, конечно, ей этого не хочется.

– Могу я вам помочь? – спросила блондинка.

– Мм...

О, ради всего святого, когда это она раньше начинала фразу с этого бездарного мычания?

– У меня здесь встреча с мистером Карделли. В шесть.

Спокойное лицо блондинки и не вздрогнуло.

– Signor Карделли, – поправила она, – должен подойти...

– С минуты на минуту, – раздался сладкий голос, и во рту у Евы пересохло.

Она обернулась и увидела, как он выходит из лифта.

– Привет, Ева.

Выглядел он просто восхитительно, в темном льняном костюме, голубой шелковой рубашке, расстегнутой на шее и провокационно открывающей его оливковую кожу и черные завитки волос.

– Лука, – сказала она низким голосом.

И выдавила улыбку.

– Привет.

Он сузил глаза. Совсем не так представлял он себе приветствие женщины, которая хочет, чтобы он занялся с ней любовью. Казалось, она ходит по острию ножа. Значило ли это, что она нервничает? Если так, то это очень даже мило. По крайней мере, он увидел, что и у нее есть слабые места. Он улыбнулся, подойдя к ней, положил руки ей на плечи и поцеловал в обе щеки.

Ева немного оттаяла. Со стороны можно было подумать, что она маленькая серая мышка, не имеющая никакого представления о мужчинах! Но стоило ей вдохнуть утонченный аромат его парфюма, почувствовать легкое прикосновение мужского подбородка к своей щеке, как она и сама поняла, что все еще остается наивной и неопытной девчонкой. Окажись у нее сейчас в руках блюдо с креветками, она бы непременно его уронила!

– Ты выглядишь просто чудесно! – сказал он.

Она выглядела больше, чем просто чудесно. Высокие замшевые сапоги, легкая коротенькая юбочка из шелка и розовый свитер, подчеркивающий безупречную грудь. Собранные в косичку волосы завязаны розовой лентой. Она выглядела одновременно сексуально и целомудренно, и это заставляло его хотеть ее еще больше.

– Спасибо.

– Мы успеем поужинать? – он взглянул на часы, – в котором часу тебе нужно уходить?

– Точно я скажу попозже, – уклонилась она от прямого ответа.

И тут же встретила любопытный взгляд в его глазах.

– Мм... Поезд где-то в полдесятого.

Снова это не было ответом на вопрос, к тому же она самым постыдным образом вновь пропела это ужасное "мм"!

– Можем поужинать в отеле, если хочешь. Или поедем где-нибудь поблизости?

О господи! Обычно уверенная и решительная, она стояла в полном смятении, пока не случилось то, что заставило ее прийти в себя. Кажется, это был мимолетный взгляд блондинки из-за конторки. На ее ухоженном кукольном лице было написано, что она отдала бы все, чтобы быть на месте Евы.

Лови момент и наслаждайся, сказала она себе.

Просто получай удовольствие.

– Как здесь готовят?

– Понятия не имею. – Он огляделся. – Мой секретарь забронировал здесь номер, но, на мой взгляд, этот отель чересчур блестит. Тут поблизости есть суши-бар. Любишь суши?

– Обожаю.

– Тогда пошли.

Оказавшись на улице и услышав привычный шум города, Ева почувствовала облегчение. Суши-бар оказался бесподобным.

– Похоже, этот ресторанчик спроектирован специалистом по фен-шуй, – сказала она, когда их провели к низкому столику, возле которого висела расплывчато-нежная, успокаивающая взор картина.

– Потому что только гибкие акробаты смогут сюда сесть? – он не без труда пристроился на своем стуле.

Она улыбнулась.

– Ты не находишь, что тут очень успокаивающая атмосфера?

– Успокаивающая?

Он подумал, что даже если б принял снотворное, то все равно горел бы страстью. Всю прошлую неделю он провел в сладких муках предвкушения и неопределенности. Кто мог думать, что неизвестность может быть такой пьянящей? Поймав, наконец, равновесие на изысканном стуле, он огляделся, и в этот момент у него дрогнули ноздри, как у врожденного хищника, попавшего на неизведанную территорию.

Официантка принесла меню.

– Что закажем?

Он протянул меню Еве.

Они обсудили меню, выбрали заманчивые блюда, но Ева с тем же успехом могла заказать древесные опилки с патокой. Меньше всего в тот момент думала она о еде, которую все приносили и приносили в оригинальных квадратных плосках, наверняка являющихся произведением искусства. Из всех сил она старалась держаться непринужденно и раскованно, будто бы перед ней сидел просто симпатичный мужчина, а не тот, кто превращает ее в тающее желе лишь одной своей безжалостной, быстрой улыбкой, одним лишь взглядом бездонных черных глаз. Она потягивала вино и чувствовала себя семнадцатилетней девчонкой, надеясь, что ее лицо выглядит невозмутимым и спокойным.

Лука откинулся на стуле.

– Расскажи мне, как ты стала телезвездой?

– Ведущей, – поправила она, ловя его насмешливый взгляд, и улыбнулась, – знаешь, приходится быть настороже, и дело не только в профессии, у меня это заложено в подсознании.

– Люди знакомятся с тобой в корыстных целях? – предположил он.

– Бывает. – Она глотнула вина. – Полагаю, ты и сам не столь уж редко оказываешься жертвой людской корысти.

– Только не жертвой, сага! – ответил он насмешливо. – К тебе тоже не слишком подходит это слово. И все же расскажи мне обо всем этом.

Ей нравилось, как он закруглял язык при слове «сага», и она поймала себя на мысли, что хочет, чтобы он говорил с ней только по-итальянски, пусть она знает на этом языке лишь пару слов.

– В университете я получила диплом метеоролога. Погода всегда увлекала меня, а тот факт, что я выросла в месте, где она многое определяет, кажется вполне естественным объяснением моего выбора. А тут как раз местный канал искал девушку для прогнозов погоды. Я подала заявление, хотя была уверена, что меня не возьмут.

– Почему?

– Я не была пышногрудой блондинкой, а большинство кандидаток были именно таковы.

– Тем не менее, выбрали тебя, – мягко отметил он.

– Наверно, потому, что искали не просто блондинку, а того, кто хоть как-то понимает, о чем рассказывает. Погода – это такая штука, о которой говорят каждый день. Естественно, зрители ко мне привыкли. Тем временем постоянная ведущая отправилась рожать ребенка, и меня попросили временно ее заместить. Вскоре они попросили меня стать основной ведущей. Я опрометчиво согласилась. Это было года три назад. Для телевидения достаточно большой срок.

– Тебе нравится эта работа?

Она колебалась.

– Скорее да, чем нет. Хотя иногда мне кажется, что эта работа не очень серьезная, не судь-

боносная, как, скажем, у нейрохирурга. Но, честно говоря, я осознаю, что мне повезло, хотя понимаю, что это не продлится вечно. Работа на телевидении редко длится долго.

– Когда она заканчивается? И чем?

Она встретила с ним глазами, пожала плечами.

– Кто знает!

– То есть пока у тебя нет стремлений в жизни, кроме того, чем ты сейчас занимаешься?

Ева крутила ножку бокала между пальцев, обдумывая, как много можно ему рассказывать. Но зачем быть темной лошадкой? Какой в этом смысл?

– Ну, когда-нибудь, я, конечно, надеюсь завести детей.

Он кивнул, отмечая про себя то, что она «конечно» хочет завести детей, но пропускает в своем рассказе такие последовательные пункты, как сперва влюбиться в мужчину и выйти за него замуж. Он знал, что женщины боятся говорить о таких вещах, не желая выглядеть в глазах мужчин слишком напористыми.

Ева почувствовала себя безоружной. В основном рассказывала она, а он только задавал вопросы.

– А как насчет тебя? Ты с детства мечтал стать владельцем банка?

– Не думаю, что кто-либо мечтает об этом с детства. – Он усмехнулся. – Если я о чем-то и мечтал, то просто стать преуспевающим человеком. И знаешь, мне всегда казалось, что я еще малого достиг. Всегда возникали новые цели, новые препятствия, а когда я их преодолевал, меня все равно что-то толкало вперед.

– Теперь ты владеешь банком. Значит ли это, что ты закончил свое продвижение вперед?

– О нет. Никак не значит. Всегда есть что-то новое, к чему можно и нужно стремиться.

Он внезапно замолк, но что-то в его взгляде говорило, что он сказал больше, чем собирался.

– Понятно, – протянула она.

Похоже, для него это тревожная тема. Казалось бы, такой теоретический разворот беседы должен был увеличить дистанцию между ними, но ей почему-то, наоборот, захотелось дотянуться до него кончиками пальцев и поводить ими по его шелковистой коже. Он тоже вполне ощущал то очевидное напряжение, которое царило за их столиком.

– Я попрошу счет?

Что-то в его взгляде заставило ее сердце колотиться, а в висках застучало, как будто целая группа ударных инструментов расположилась у нее в голове. Она безмолвно кивнула, извинилась и удалилась в дамскую комнату, где обрызгала холодной водой запястья, надеясь, что ледяная вода уменьшит лихорадочный блеск в ее глазах. Но тщетно.

Они вышли на темнеющую улицу, он повернулся к ней. Ее волосы мерцали под фонарем как жидкое золото.

– Ты хочешь ехать на поезде?

Мимо прошелестело такси, но Ева не обратила на это внимания. Ответ уже вертелся у нее на кончике языка. Она подняла на него глаза, и ее сердце перевернулось.

– Нет.

Он улыбнулся, наклонил голову и поцеловал ее прямо на улице. Осознавая, что в Риме подобного он себе позволить не мог, потому что любопытные глаза сразу бы отметили, что Лука Карделли ведет себя неподобающим образом. А это не соответствовало его имиджу хладнокровного человека. Но здесь, в Лондоне, все было анонимно. Более того. Она очаровала его своими невозмутимыми умными глазами, а заодно и редким упорством. Для мужчины, который привык получать все, что хотел и когда хотел, это оказалось мощным стимулом. И он не мог больше ждать.

– Ева, – простонал он у ее влажных, сладких губ.

Она запустила пальцы в его густые темные волосы, а его губы волшебным образом впивались в ее собственные, позволяя ему все ближе прижимать ее к своему телу, пока она не начала дрожать.

– Пойдем, – коротко сказал Лука.

Он взял ее за руку, и они в предвкушающем молчании вернулись в отель, где натолкнулись на взгляд кукольной девицы у конторки. Когда закрылись двери лифта, Еву осенило, что для любого случайного наблюдателя было очевидно, куда они шли и зачем.

Но кому какое дело?

Она была вольной птицей, и он тоже. И она так сильно его хотела, что едва ли могла думать о всякого рода условностях. Как только двери лифта закрылись, он опять обнял ее, целуя с такой необузданной страстью, от которой захватывало дух. Она даже не поняла, как выглядят апартаменты, запомнила лишь мягкое освещение да то, что в них царил цветочный запах – хитроумные условия для того, чтобы соблазнять девушек. Она ощутила кратковременное беспокойство, размышляя о том, сказать ли ему, что это не совсем привычная для нее ситуация. Но тут же решила, что это прозвучит как жалкое оправдание женщины, желающей спасти свою репутацию. Он начал ласкать ее, нежно бормоча что-то на итальянском. Это ставило под угрозу последнюю толику ее самообладания. Инстинктивно чуть оттолкнув его, она встретила обезумевший вопросительный взгляд. О боги, неужели он снова решит, что она передумала? Она погладила его по подбородку, чтобы как-то подбодрить.

– В чем дело? – спросил он.

– Лука, у меня нет... у меня ничего нет.

Он нахмурился.

– О чем ты говоришь? Чего у тебя нет?

Это было хуже, чем чтение схематичных и лишенных фантазии книг по сексуальному воспитанию, которые они изучали в школе, но именно потому, что она их когда-то читала, теперь она стояла красная как рак, что в данных обстоятельствах выглядело довольно нелепым.

– Контрацепции. Я не принимаю гормональные таблетки. Я не подготовлена.

Он растерянно улыбнулся. Вот как? Так она не пьет таблетки? Сие означает одно – она не занимается этим свободно с другими. О, это понравилось ему больше, чем позволяли приличия.

– Так ты не пьешь их? – нежно бормотал он, перемещая руку ей под юбку и поглаживая чулки на ее бедрах.

Незаметным движением он отодвинул в сторону ее трусики и услышал вздох наслаждения, проталкивая внутрь палец. Он улыбнулся, а она издала стон протеста, когда он убрал палец. Он медленно и неспешно облизал его, не сводя с нее чувственного многообещающего взгляда.

– Наоборот, сага, – прошептал он, – мне кажется, что ты уже хорошо подготовлена. И ты очень вкусная.

– Лука!

Голос ее задрожал, она закрыла глаза, испытывая смущение перед его бесстыдным восторгом.

– А я, к счастью, всегда, как ты выражаешься, подготовлен.

Она приоткрыла глаза и увидела, как он достает из кармана пачку презервативов. Ее порадовало, что он подумал о безопасности, но что-то внутри говорило ей, что лучше бы он не был так уж хорошо подготовлен. Ибо все это становилось похожим на что-то механическое. А может, он всегда носил их с собой, на всякий случай? Даже если так, то, что в этом плохого?

Не лучше ли всегда быть осторожным? Многие ее более раскрепощенные подруги всегда имели с собой в сумочке что-нибудь в таком роде.

Он увидел напряженное на миг лицо девушки и прислонился к нему губами, дразня ее короткими быстрыми поцелуями, пока она не смягчилась вновь.

– Хватит хмуриться! – прошептал он.

– Заставь меня прекратить!

– С удовольствием. Но сначала я хочу посмотреть на твое тело.

Он стащил через голову ее розовый свитер и издал вздох удовольствия, увидев, что было под ним. Прозрачный бюстгальтер с розочками был исключительно элегантен, а ее темно-розовые соски выглядели так, словно являлись продолжением цветов.

– Красота, – прошептал он. – Великолпно. Ты всегда носишь такое изящное нижнее белье? Ты надела его специально для меня?

Ей было приятно это услышать, но ответила она мягко, без вызова.

– Всегда.

Она просунула пальцы под его рубашку и начала водить ими по его нежной коже, потом остановилось на его маленьком твердом соске и начала вращать пальцем вокруг него.

Он закрыл глаза.

– Очень хорошо.

Его горячий шепот вдохновил ее на продолжение.

Она начала расстегивать его рубашку. Она не делала такого рода процедур уже давно, но не была и полным новичком. С наслаждением, пуговица за пуговицей, оголяла она его грудь, пока не сняла рубашку и не кинула ее на пол. Наклонив голову, она начала нежно покусывать его сосок, а он застонал и закачал головой. В следующую секунду он захотел ее раздеть, раздеть стремительно, раздеть яростно. Никогда не был он так поглощен раздеванием женщины. Никогда не получал он такого удовольствия от того, что женщина лежит перед ним обнаженная. Он снял юбку, чулки, трусики, а затем изящным движением развязал розовую ленту, вплетенную в косу.

– Это похоже на распаковывание подарка в день рожденья, – сказал он, смотря, как ее волосы спадают на плечи и на миниатюрную грудь.

Она поцеловала его сосок и почувствовала, как он вздрогнул.

– Когда у тебя день рожденья?

– В августе, – пробормотал он, скидывая туфли и ловко освобождаясь от прочей одежды.

Август еще не скоро. Она мимолетно подумала о том, будут ли они любовниками до той поры? В этот момент он лег на кровать и затащил ее на себя. Их теплые тела слились, он начал ее целовать, а Ева окончательно перестала думать о чем-либо. Он целовал ее, он ласкал ее опытными пальцами и губами, и она поневоле начала вскрикивать от наслаждения. У него было такое чувство, словно это первая женщина, с которой он занимается любовью, она же вдруг подумала, что его способы обольщения так отточены, как отточена кисть у художника или перо у писателя.

Неожиданно его глаза засияли жарким, грозным огнем, когда он навис над ней, а она на мгновение почувствовала необъяснимый страх, когда он, наконец, вошел в нее одним медленным нежным толчком. Он страстно намотал прядь ее волос на палец, почувствовав, как она прижалась к нему.

– Тебе нравится?

– О, о... Это...

Но вскоре все слова были забыты. Ее ногти впились в его плечи, ее ноги гибко обхватили его спину.

Он издал стон наслаждения.

– Ну так как?

– Да!

Он продолжал двигаться там, внутри, пока она не почувствовала, что умирает от удовольствия. Наконец, наслаждение дошло до своего пика, и ее поразила сила этого наслаждения. Тело ее продолжало трепетать, чувствуя, как он вздрагивает в ее объятиях.

Некоторое время они лежали, их распаленные от счастья тела были неотделимы. Но вот он поднял свою темную голову, поцеловал кончик ее носа и посмотрел на нее сверху вниз, с усталой улыбкой на лице.

– Ну? – вздохнул он.

Они встретились глазами.

– Ну?

Он засмеялся. Его низкий, приятный смех говорил ей, что она в безопасности, одновременно напоминая ей, что она нырнула в омут с головой. Но что случилось, того уже не исправишь, не так ли? Она не знала о нем практически ничего. Она не знала, какое у него чувство юмора, каков его любимый цвет, не знала даже, где он жил. Когда начинаешь крутить роман с человеком, с которым только что познакомился, никогда не скажешь определенно, что ждет тебя в будущем.

Он поцеловал ее, а его тело вновь напряглось. Инстинктивно он захотел продолжить движения, но Ева заставила его остановиться, предусмотрительно поднеся палец к губам.

– Аккуратней.

Он сразу это понял и медленно вышел из нее, а его краткий вздох сожаления заставил Еву лечь на подушку с удовлетворенной улыбкой на лице. Ее волосы разметались, похожие на диковинные спутанные водоросли.

– Позволь мне сходить в ванную, – тяжело вздохнул он, задерживая взгляд на ее белой румяной наготе, – оставайся здесь.

Никто на свете не смог бы заставить ее сейчас уйти.

Она никуда не собиралась уходить и не могла себе даже представить, что захочет куда-то

уйти. Она уйдет лишь тогда, когда ей придется это сделать, но сейчас она не хотела даже думать об этом. Она мечтательно глядела в высокий потолок, пока Лука не вернулся в комнату и не присоединился к ней в кровати.

– Ты, – проговорил он, целуя ее плечо, – просто прелесть. Красотка.

Она неистово притянула его к себе, и он очень быстро вошел в нее, но сам любовный процесс оказался долгим, медленным, сладким, не поддающимся описанию. Когда все завершилось, она плотно прижалась к нему, борясь со сном.

Он нежно ее потряс.

– Тебе еще надо на поезд?

– Нет.

– А, понятно, – проговорил он, – так поезд был твоей отговоркой, не так ли, моя славная?

– Ну...

Теперь она не хотела вырываться на свободу. Она положила голову ему на грудь, но он все-таки дотянулся до ящика, достал часы и улыбнулся.

– Прости меня, сага. – Он зевнул. – Я должен сделать один очень-очень быстрый звонок по телефону.

– Не уходи.

Этот телефонный звонок вернул ее обратно на землю, пока она лежала и слушала, как он разговаривал на итальянском. Бог знает, что он говорил и с кем.

Это была мелочь, но, может, именно она помогла ей забыть о ее несбыточных мечтах.

У Луки была своя жизнь в чужой стране, а она была лишь крошечной частичкой его жизни. И кто знает, как надолго? Может быть, не дальше следующего утра.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Ева открыла глаза и на долю секунды задумалась, где она находится. Она видела очертания лондонских крыш через незанавешенное окно, видела и мужчину, спящего рядом. Она почти не чувствовала собственного тела, может быть, ощущала одну только сладостную лень, последний признак долгой и бурной ночи. Бесшумно повернув голову, она посмотрела на него. Он был прекрасен во сне. Размеренное дыхание поднимало и опускало хорошо развитую волосатую грудь. Его голова чуть повернулась набок, рука подпирала лицо, длинные ресницы, отбрасывая тень, создавали две темные арки. Возникал удивительный контраст с освещенными участками золотисто-оливковой кожи.

Снова уставившись в потолок, она издала легкий вздох. Понять это можно было двояко: и как удовлетворение, и как сожаление, что ночь позади. Давненько, однако, не попадала она в острые любовные приключения, а в подобной ситуации вообще никогда не бывала – отбросившая все запреты и занявшаяся любовью с человеком, который, по его собственным словам, был "почти посторонним". Надо сказать, у нее почти не было отношений с мужчинами... Внезапно ее поразил факт, что последний раз это было два года назад. Тогда все было иначе. Длительная подготовка к любовной связи, которая, она была уверена, скоро закончится, а у нее так и не будет определенности в чувствах.

Для нее это было жутко нехарактерно: хладнокровная, спокойная, здравомыслящая Ева Питерс – и вдруг ныряет в постель. И потому только, что находит человека неотразимым. С ним же такое наверняка случается постоянно.

– Почему ты нахмурилась, сага? Я думал, мы распрощались с плохим настроением еще прошлой ночью.

Она вздрогнула. Мысли так поглотили ее, что она и не заметила, как он проснулся. Между тем черные глаза, затененные опущенными ресницами, уже несколько секунд вели скрытое наблюдение. Его развитое тело привольно раскинулось, подобно тигру под утренними лучами солнышка. Выглядел он расслабленным, но за этим скрывались затаенная сила и власть.

Она выдавила беззаботную улыбку.

– Разве?

– Мне показалось.

Он дотянулся до нее и погрузил пальцы в ее шелковистые блестящие волосы. Это была невероятная ночь, но он заранее знал, что она будет именно такой. Он так сильно жаждал эту де-

вушку, что по-другому и быть не могло. Сейчас, утром, наступило уже другое желание, продиктованное иными эмоциями. Это было так же неизбежно, как тот факт, что за ночью следует день. Ночью было волнение в предвкушении неизведанного, сладкое ожидание и предвосхищение того, что будет дальше. Ночью был водопад горячих объятий и вулкан торжествующей любви.

А утром?

У него возникло привычное чувство, не важно, хорошее или плохое, но в любом случае то самое, за которым могло последовать только одно продолжение.

Существовали негласные правила, и он задал себе вопрос, знала ли их она, как их знал он? Правила, касающиеся границ и ожиданий. Он никому не принадлежит. И никогда не принадлежал.

– Пододвинься и поцелуй меня, – сказал он.

Сказал вовсе не грубо, напротив, с какой-то затаенной нежностью.

Но Ева увидела в его глазах нечто такое, что заставило ее вздрогнуть в дурном предчувствии. Она поняла вдруг, что в этот утренний час он слишком себя контролировал. Под этим контролем оказались его чувства и желания. Она видела, как он хотел ее. Но это было физическое желание. А что душа? Ее смутила какая-то прохладная сдержанность в его черных глазах. Эти глаза наблюдали за ней, как наблюдают за лошадью, которая еще способна бежать, которая не до конца ослабела и еще не собирается рухнуть. Они ждут, что будет дальше, ожидают ее реакции.

Боялся ли он, что она захочет слишком многого?

Опасался ли, что она станет прилипчивой, или беспомощной, или требующей чего-то, или еще какой-нибудь, что подсознательно бывает с женщинами, которые попадают под чары мужчины. Ну, ему на сей счет можно было не волноваться! Она искривила рот в улыбке, благодарная в тот момент судьбе за свою работу, которая научила ее скрывать свои истинные эмоции. Даже когда ее мать умерла, она вернулась в студию уже через месяц и смогла на работе управлять собой и сдерживать свои чувства.

Конечно, проницательные зрители все-таки звонили и спрашивали, все ли у нее в порядке. По совету редактора она упомянула о смерти матери. Пришлось делать целую программу на тему тяжелой потери близкого человека, ее забросали письмами люди, прошедшие через подобную ситуацию. Они горели желанием поделиться опытом и поддержать ее. Телевидение учило контролировать эмоции; а вскоре она поняла, что камера могла и лгать.

– Почему бы тебе самому не поцеловать меня? – предложила она.

Он перекатился к ней, торопливо соорудив на губах улыбку. Вот оно как! Она не из тех, кто будет его зацеловывать, приговаривая, что он самый замечательный любовник на свете. Он приблизил к ней свой рот.

– Так?

Сладкая до боли красота этого поцелуя грозила тем, что у Евы снова захватит дух. Она закрыла глаза.

– Так, – хрипло прошептала она.

Он долго занимался с ней сексом, казалось, лишь для того, чтобы доказать, что он превосходный любовник. Она дважды прокричала его имя. С ней такого никогда раньше не было. Никогда. В таких вещах нельзя признаваться, особенно мужчинам, у которых «эго» как у Луки.

Он расслабился, увидев ее улыбку мечтательной удовлетворенности, и нежно убрал несколько прядей волос с ее запотевшего лба.

– Как долго ты можешь здесь остаться?

– Я уйду после ланча. В котором часу у тебя самолет?

– В пять, – мягко улыбнулся он, коснувшись ее губами.

А ведь совсем недавно он пытался изменить время вылета. Но это была очень умная женщина, она ничего не требовала от мужчины. Кто-то, видимо, сумел ее научить, и это только подогревало интерес!

Она уехала в три. Всю дорогу в поезде Ева была вне себя от счастья. Ее щеки горели, глаза блестели, а волосы были немного взъерошены. Она демонстрировала все признаки женщины, с которой только что занимались любовью.

Он был великолепен. Фантастически великолепен.

Но она не была столь глупа, чтобы становиться по этому поводу слишком сентиментальной. Она сознавала, что он был из той редкой породы сложных мужчин-одиночек, которые жи-

вут по своим собственным правилам. Впрочем, почему бы и нет? Ведь в этом они схожи – она тоже жила по своим правилам. Она не видела причин, по которым они не смогли бы стать замечательной и взаимодополняющей парой.

Зеленые поля мелькали за окном. Она закрыла глаза, вспоминая их утро ничегонеделанья – только в обед они вылезли из постели и неторопливо прогулялись до ближайшего паба. Лука неумоимо развлекал и занимал ее.

Слишком легко было бы после такого в него влюбиться – целиком, полностью, без остатка. Чутье ей подсказывало, что она должна быть настороже и не терять головы. Она должна обыграть ситуацию медленно, но верно. Он сказал, что позвонит. Она будет спокойно дожидаться его звонка. Даже не совсем так.

Она не будет ждать. Какой смысл проводить жизнь в ожидании, как будто больше нечем заняться и ничто больше не интересует? Надо просто жить как раньше.

Она будет счастливо и самодостаточно жить в предвкушении его звонка.

Ее состояние эйфории длилось примерно три дня.

Он не звонил, и Ева поняла, что попала в старую как мир ловушку. Она почувствовала себя тревожно и глупо. Зачем она кинулась с головой в эту любовную интрижку, не зная ничего о его видах на будущее, не имея даже возможности сообщить о своих? Впрочем, как она могла это сделать? Было бы настоящим самоубийством выпытывать у него, чего он доподлинно хотел. Нелепо было сообщать ему, чего хотела она сама. Особенно если учесть, что она этого сама толком не знала. Почему она не могла просто принять это как факт и наслаждаться им? Возможно, смогла бы. Если бы он позвонил.

Прошла почти неделя, прежде чем он дал о себе знать. Когда она сняла трубку и услышала его растянутый итальянский выговор, ее первым желанием было бросить трубку или потребовать объяснений, почему он так долго не звонил. Но Еве удалось себя перебороть.

Первое желание может быть опасным.

К тому же разве звук его голоса не заставил ее сердце бешено заколотиться?

– Ева?

– Здравствуй, Лука.

Какая невозмутимость, подумал он с восхищением. Она не вылезала у него из головы. Она знала его номер, и домашний, и рабочий, он также дал ей номер мобильного, но она с ним так и не связалась. Даже не послала СМС-сообщение, что женщины делают постоянно. Это был своего рода тест для нее. Хотелось посмотреть, нужен ли он ей? Когда она показала, что не нужен, он сам захотел увидеть ее.

– Как ты?

– Вся в делах. А ты?

– Был в Амальфи.

– Это где-то на берегу?

– Да, это берег. Я там держу свой корабль.

– Красивый?

– Что именно: корабль или берег?

Ева усмехнулась. Черт его дер! И смех может быть соблазнительным, вот ведь как.

– И то, и другое.

– Оба очень красивые. Прямо как ты. – Он сделал паузу. – Я скучал по тебе.

Не слишком, если неделю не смог снять телефонную трубку, подумала она, но его примечание ей понравилось.

– Хорошо, – недрогнувшим голосом ответила она. – Приятно, когда по тебе скучают.

– Ты тоже по мне скучала?

– Перестань напрашиваться на комплименты!

Он вновь рассмеялся.

– Когда я тебя увижу?

– Сложный вопрос.

– Почему?

– Это зависит от того, совпадут ли в наших календарях выходные дни.

Сама невозмутимость!

– Хочешь сказать, что не отменишь какую-нибудь там ерунду ради встречи со своим ита-

льянским любовником? – тихо спросил он.

Ну и самонадеянность!

– Разумеется, нет, – сказала она. – А ты бы отменил?

Как ни странно, он тут же подумал: не отменить ли запланированную поездку в Штаты? – но только на секунду.

– Скорее всего, нет, – согласился он и помолчал, – так когда?

– Предлагай, а я скажу, занята ли я в эти дни.

– В эти выходные я должен лететь в Нью-Йорк.

– Как насчет следующего уик-энда?

– Хорошо, – согласилась она. – В Лондоне?

– Почему бы тебе не прилететь в Рим? – небрежно предложил он.

Ева никогда не была в Риме, а город открывается с самой лучшей стороны, когда его показывает тебе коренной житель.

Его пентхаус на Виале Тринита деи Монти, рядом с площадью Испании, был бесподобен – минималистский и современный, весь из нержавеющей стали и морозного стекла. Полы красного дерева, ванны сплошь каррарский мрамор. Стены во всех комнатах были белыми, но можно было регулировать свет, создавая различные цвета и настроения. За окнами – от пола до потолка – открывался удивительный вид города. Просторный балкон был уставлен высокими терракотовыми горшками. В больших росли лимоны, а в маленьких – розмарин, шалфей и лаванда, наполнявшие теплый воздух благоуханием.

Ева стояла, смотрела на Рим и думала, что подобные апартаменты могут принадлежать человеку, у которого нет не только никаких обязательств, но даже и места для них. Он показывал ей колоннады, дворцы и церкви, пока она не почувствовала головокружения от всего этого великолепия, потом отвез ее из большого города в живописный городок Тиволи, где они устроились на крутом склоне в окружении рощ и ручьев.

– Это так прекрасно, – прошептала она, оглядывая серебристые извилистые стволы оливковых деревьев на окрестных холмах.

Он дотронулся до ее волос.

– Это ты прекрасна, – нежно сказал он и отвез ее обратно в свою квартиру, где весь оставшийся день они медленно и долго занимались любовью.

Вечером они ужинали в ресторане на одной из узеньких мостовых Трастевере, где при свечах отведали простое и вкусное блюдо *tonnarelli casio e rere*, запивая его вином гранатового цвета. Подали кофе.

Ева ощутила удивительное расслабление.

– Расскажи мне о своем детстве, – сказала она, откидываясь в кресле. – Где ты родился?

– Я римлянин, – ответил он просто. – Я родился здесь.

– И ты никогда не хотел жить где-нибудь еще?

Он слегка озадаченно на нее взглянул и пожал плечами.

– Почему я должен этого хотеть? Все, что я хочу, здесь.

Она почувствовала, как он любит свою страну, свой город.

– А твоя семья? Где они живут?

– Сестра тоже в Риме. Родители оба умерли.

Ева кинула кусочек сахара в свой "эспрессо".

– Мои тоже, – сказала она, хотя он и не спрашивал.

– Значит, у нас много общего, – пробормотал он, – не говоря уж о самом очевидном.

Глаза его засветились хитрым светом.

Это было вопиющим сексуальным хвастовством.

Вроде бы это должно было ей понравиться, но, как ни странно, она почувствовала себя неуверенно. Может, потому, что сексуальное влечение недолговечно?

Официант принес счет. Лука расплатился и взглянул на нее.

– Нам пора домой, тебе не кажется?

Как только они оказались дома, Лука провел рукой по крошечной складке между ее бровей.

– Ты хмуришь брови, не переставая, с тех пор как мы ушли из ресторана! Знаешь, что случается, когда хмуришься? – поддразнивал он. – Морщины появляются и остаются навсегда. А еще ни одной женщине не нравились морщины на лице.

По какой-то причине это наблюдение только подействовало ей на нервы.

– Ну, когда эти морщинки появятся, мы от них избавимся с помощью волшебного скальпеля хирурга, разве не все так делают? – язвительно спросила она, – потому как, если на мужском лице морщины указывают на жизненный опыт, то на женском они выставляют напоказ только возраст!

– Сага, сага, это твое мнение, а не мое. Ты работаешь в индустрии, которая ограничивает возраст трудящихся в ней. – Он поцеловал кончик ее носа. – И я совсем не пропагандирую хирургическое вмешательство!

Ева подумала, что ему этого и не нужно. Отвернувшись к окну, она смотрела на сверкающие огни города. Такие мужчины, как Лука, высоко ценят красоту, а синоним красоты – молодость, разве не так? У него всегда будет целая армия девушек с молодой, упругой и неморщинистой кожей.

– Ева?

Его голос был глубоким и низким. Она закрыла глаза, когда он начал поглаживать ее плечи руками, вновь затягивая ее в объятия. Зачем все портить, подумала она, пока его ладони ощупывали ее грудь.

– Слушай, ты не злишься? Ты словно горишь.

Она засмеялась и повернулась к нему, поглаживая рукой точеный контур его подбородка.

– Не злюсь, но действительно горю. – Ее глаза блеснули дразнящим вызовом. – Всегда пылаю.

– Тогда иди сюда и покажи как, – выдохнул он, уловив в изгибе ее рта характерный любовный голод. – Покажи мне.

– Ну, я тебе покажу, – нетвердо сказала она, расстегивая пуговицы на его рубашке.

Этой ночью она играла активную роль, раздевая и дразня его, пока он не начал молить ее о милосердии.

Она оставила на себе чулки и залезла на него сверху.

Ее волосы спускались с плеч, и она подумала, что никогда раньше не чувствовала себя с мужчиной так необузданно.

Какое-то время он молча лежал, пока, наконец, не открыл глаза и не бросил на нее утомленный взгляд.

– Ну и ну!

Она была переполнена пьянящей, бьющей через край самоуверенностью и энергией.

– Тебе понравилось?

Он улыбнулся, как стайер на финише. Потом схватил ее локон и потянул голову вниз, пока их губы не оказались на расстоянии шепота.

– О да, сага, мне понравилось. Мне понравилось то, как бесконтрольно и свободно ты себя вела. – Он скользнул рукой между ее ног, и она начала дышать с трудом. – А это тебе нравится? – прошептал он.

Она начала изгибаться от удовольствия.

– О боже, да! Да! Пожалуйста, не останавливайся.

Его улыбка превратилась в львиное рычание.

– Не останавливаться? Позволь заметить, сага mia,⁸ что я еще даже не начинал.

Уик-энд быстро подошел к концу. Когда он страстно поцеловал ее в аэропорту, у нее закружилась голова.

– Останься еще на день, – прошептал он ей на ушко.

Неохотно она оторвалась от его тела, хотя желала вечно оставаться в этих объятиях.

– Не могу, – сказала она с сожалением. – Завтра у меня с самого утра студия.

Он кивнул, чмокнув ее в макушку.

– Я снова еду в Штаты, пробуду там около месяца, – сказал он. – Но я тебе позвоню. Очень скоро.

– Звони.

Она сжала его руку и ушла, подхватив свою дорожную сумку.

⁸ Моя дорогая (ит.).

Не ирония ли это жизни? С застывшей улыбкой глядел он на то, как она плавной походкой движется к залу ожидания и постепенно исчезает из виду. Ты, мой друг, всегда хочешь то, чего не можешь получить. Если бы она жила в его городе, он бы никогда не попросил ее остаться еще на день! Наоборот, он бы с непонятным упорством защищал свое личное пространство.

Он повернулся и пошел назад, не замечая женщины, которая наблюдала, как у него звонит мобильный телефон, как он достает его из кармана и начинает говорить.

Ева приехала домой вовремя, чтобы принять ванну перед тем, как лечь спать. Она обожала это, особенно при свечах, – отмокать в лавандовой пене, погружившись в мечты и сентиментально слушая итальянские оперы.

На следующее утро она, несмотря на бессонные выходные, была свежа как огурчик, смогла с апломбом обойтись с угрюмой звездой молодежной поп-музыки, а также ловко расспросить местного депутата, почему так плохо решается вопрос о пробках на дорогах. Она была на седьмом небе от счастья, отстраняясь от действительности и прокручивая в мыслях снова и снова прошедший уик-энд. Потом она все-таки напомнила себе, что жизнь не всегда похожа на сказку. Жизнь не может быть всегда волшебной, это нереально. Даже тогда, когда заводишь любовника, который возвышается над повседневной рутинной. Такого, как Лука. Только надо добавить, что он очень далеко живет и по этой причине становится интересным, пленительным, далеким от серых будней, которые так отягощают всякие отношения.

Если бы он жил в ее городке, на соседней улице, и они бы изо дня в день мучились в будничной рутине, то витала бы она сейчас в облаках?

Через пару недель она посмотрела на кухонный календарь, и ее взгляд вдруг застыл на его цифрах с возрастающим чувством недоверия, а сердце замерло от страха.

У нее задержка.

И большая.

Она продолжала готовить трясущимися руками, но, когда ароматный рис с креветками лежал на красивой тарелке с подсолнухами, она отодвинула от себя блюдо, аппетит пропал.

У нее никогда не было задержек. Вообще никогда.

Ни разу в жизни. Может, это случилось потому, что она не придавала этому такого значения? Или потому, что все ее мысли и чувства занимал Лука?

Но она не могла быть беременной. Они предохранялись и были осторожны.

Она старалась не думать об этом, но не могла. Заглянув в Интернет, она выяснила, что три процента женщин ухитряются забеременеть даже при использовании презерватива. Ее начало тошнить, но она сказала себе, что девяносто семь процентов все-таки на ее стороне.

Она решила, что будет надеяться на лучшее, но надежда была зыбкой.

Дни превратились в бесконечно долгие и мучительные минуты, а она все ждала, что что-то должно произойти, но это что-то упорно отказывалось происходить.

Звонил Лука, и она старалась спокойно с ним болтать, но внутри нее раздавались крики об ужасе ситуации. Они даже точно не договорились, когда встретятся, но если еще на прошлой неделе это ее беспокоило, то теперь у нее появились иные поводы для тревоги.

Увидеть Луку? Это было самым последним, о чем она могла думать. В первую очередь нужно было подтверждение, что это всего лишь дурной сон и она вовсе не беременна. Она умная женщина и не станет прятаться от правды, какой бы неприятной эта правда ни была. Боясь сплетен, она выехала из городка и направилась в ближайшую крупную аптеку, чтобы купить тест. К вечеру неопределенность превратилась в уверенность.

Она смотрела на себя в зеркало, как бы ожидая увидеть какие-то внешние признаки перемены, но ничего не увидела. Ее щеки были все такими же розовыми, глаза яркими и блестящими. Возможно, даже чересчур блестящими.

Не случайно говорят, что беременные женщины выглядят воплощением здоровья.

Она и была этим воплощением. Здоровая, но испуганная, потому что ждала ребенка от Луки Карделли.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ева более тщательно, чем обычно, постелила новое чистое покрывало и окинула спальню взглядом профессиональной горничной. Должен был приехать Лука, и делом чести было встре-

тить его как положено.

Чистое белье, свежие цветы и ароматизированные свечи, смиренно ждущие, когда их зажгут.

Впрочем, чистота и прочее – все это проформа.

Она легла на кровать, помяв новое покрывало. Ей было все равно. Да и как ее могло волновать что-то иное? Она знает, что беременна, и это знание должно перевернуть всю ее жизнь.

Она взглянула на циферблат. Лука должен быть через час. Она собиралась рассказать ему обо всем. Она так решила, и чем скорее это произойдет, тем лучше, поскольку сомневалась, что это удастся держать от него в секрете. Как она будет смотреть ему в глаза и делать вид, что ничего не происходит? Увы, это такой секрет, который она не сможет долго скрывать. Она уже предчувствовала, как в телестудии ее начнут останавливать в коридоре и поздравлять, потому что у нее на лице будет написано, что она беременна.

Хотя, если бы люди знали подробности, едва ли они решились бы ее с этим поздравлять. Разве не так?

Женщина, неожиданно обнаружившая, что беременна, но не имеющая постоянного любящего партнера, может претендовать лишь на жалость и сочувствие.

Даже в наш просвещенный век. Правда, большинство женщин в ее ситуации отнюдь не падают духом, и она не видела причины, почему бы не сделать свою жизнь и жизнь своего ребенка счастливой и роскошной мечтой. И когда младенец родится, в воздухе будет летать много пробок из-под шампанского.

Но как, черт подери, сообщить об этом Луке? Выпалить все сразу или дожидаться нужного момента?

Даже если и настанет такой момент, то он сразу же исчезнет с горизонта. Его реакцию предугадать не сложно. Он будет в бешенстве. А какой мужчина не был бы? Вдруг узнать, что он станет отцом ребенка от женщины, которая ему "почти посторонняя"!

Она услышала звук приближающегося автомобиля, громкий хлопок дверцы и какие-то слова на ветру.

Через старинные кружева занавесок своей спальни она увидела высокую, темную фигуру, расплачивающуюся с водителем такси.

Он приехал. Она должна была радоваться, но ее сердце онемело, а страх и ужас были единственными эмоциями, которые она могла в этот момент испытывать.

Лука взглянул на коттедж, щуря глаза. Не смотрит ли на него из окна Ева? А если смотрит, то почему не отодвинет шторы и не помажет ему рукой?

Выражение его рта стало жестким. Ты встречаешься с женщиной, которая вроде бы чувствительна, умна, проста в общении, и вдруг она начинает изображать примадонну. Она натянуто разговаривала с ним по телефону, как может разговаривать женщина, если бы ты вдруг забыл о дне ее рождения. Она сердится?

Если да, то на что?

Он поднял руку и постучал дверным кольцом. Он уже здесь. Все его мысли в этот миг были об ее стройном, подтянутом теле, о том, как она поднимала его на небеса и опускала обратно. По его собственному телу прошел трепет желания. Ну и что, что она дуется! Он поцелует ее так, что она забудет об обидах. Он заставит ее стонать от удовольствия целых два дня подряд. А после?

Он пожал плечами.

Дверь открылась. Ева изобразила на лице радужную улыбку.

– Лука!

И бросилась его обнимать, большей частью для того, чтобы глаза не выдали. Не сейчас. Не тот момент.

Он улыбнулся и бросил сумку на пол. Лучше. Уже лучше.

– Ты скучала по мне, сага mia?

Веди себя как обычно, сказала она себе, отводя голову и мило улыбаясь уголками рта.

– Скучала? Я очень занятая женщина, Лука Карделли, у меня нет времени, чтобы по кому-либо скучать!

Это было, по его мнению, хрестоматийным ответом. Женщина, которая не делает его центром вселенной. Женщина, у которой есть своя собственная жизнь. Идеал. Но, как ни странно,

его это не порадовало. Он хотел, чтобы она сказала ему, как сильно соскучилась. Хотел прорваться сквозь ее равнодушие и умудренность опытом. Хотел завоевать ее. Он любил завоевывать женщин. Завоевав, он двигался дальше.

– Заходи. Что ты желаешь для начала? Я могла бы приготовить чай, а потом мы могли бы прогуляться вдоль моря...

Ее слова были прерваны поцелуем.

Его великолепные губы пытались зажечь ее, но она застыла в его руках.

Не сейчас. Она не могла. Не сейчас.

– Лука, – она вырвалась из объятий, – можно подумать, ты пришел сюда с одной лишь целью, – начала она с протестом, ее сердце бешено колотилось, а грудь сжимал давящий страх.

– Ты не хочешь прямо сейчас пойти наверх и заняться любовью? – спросил он. – Ты хочешь чаю?

– А ты разве нет? С дороги? Я все же поставлю чайник.

Он последовал за ней на кухню, в гневе щуря глаза. Ну и прием она ему оказала! Она что, решила, что он проделал такой путь, чтобы его отвели на кухню, как голодного школьника?

– Знаешь, итальянские женщины никогда не обходятся так со своими любовниками, – заметил он с предостерегающей интонацией.

Ева медленно повернулась.

– Тогда предлагаю тебе найти себе итальянскую любовницу вместо английской.

– Скажи мне, ты всех мужчин так бесцеремонно встречаешь?

Его ядовитый вопрос прозвучал так, словно у нее за дверью выстраивалась вереница любовников! Еву начало тошнить, и это напомнило ей о маленькой тайне, неуклонно растущей внутри ее живота.

И вдруг она поняла, что интуиция правильно ей подсказывала: не существует "нужного момента", чтобы рассказать ему обо всем. Ждать дальше означает врать ему, а позволить ему сперва заняться с ней любовью было бы немыслимой ошибкой. И очень горькой. Сказать ему, когда он будет обнажен, а она уязвима? Она так не могла.

– Сядь, Лука, – с трудом произнесла она.

Он сузил глаза. Стало что-то неясно. Ему осторожно намекали с самого его приезда, что тут что-то не в порядке, а он не врубился. Она не из тех застенчивых девушек, которые боятся показывать свой дом.

Для начала? Что за ерунда? Он уже видел часть дома, а она была достаточно самоуверенной, чтобы не нуждаться в его одобрении места, в котором она живет.

Что же тогда?

Он молча выдвинул стул и сел с каменным выражением лица, вытянув свои длинные ноги.

У Евы сдали нервы.

– Я сейчас налью чаю, – пробормотала она.

Он неподвижно смотрел и ждал.

Ева налила вскипевшую воду в чайник, приготавливая напиток, к которому, она не сомневалась, никто и не притронется. Ей было важно просто совершать какие-то телодвижения. Почему он молчал? Почему сидел как золотая статуя? Почему не спросил ее, что случилось? Тогда бы она смогла все выпалить, вместо того чтобы говорить об этом хладнокровно, подбирая слова, чтобы как-то смягчить ситуацию, в глубине души понимая, что таких слов нет.

– Я беременна.

Какое-то время Луке казалось, что он спит, точнее, видит ночной кошмар.

– Повернись и посмотри на меня, – спокойно сказал он. – И повтори это.

Ее руки сжали раковину, как бы ища поддержки.

Ева тяжело вздохнула и повернулась к нему лицом.

Она ожидала увидеть ярость, бешенство, недоверие, но ничего этого не увидела. Его глаза были холодны как лед, а лицо как у постороннего человека. Она смотрела на него, чувствуя, будто едва с ним знакома, и поняла, что так оно и было.

Хотя теперь внутри нее рос его ребенок.

– Я беременна.

Его взгляд скользнул по ее животу, ища подтверждения сказанному, но она была в свободном свитере.

Он кивнул.

– Поэтому ты не хотела заниматься любовью.

Что-то в невозмутимости его голоса было для нее как бальзам на сердце. Впервые ей стало немного спокойнее с той поры, как она выяснила, что беременна. Он был разумным и проницательным человеком и, очевидно, понимал, что совершенно бесполезно распалаться.

– Да, поэтому. Я просто думала, что это будет нецелесообразно при данных обстоятельствах.

Он негромко и презрительно усмехнулся.

– Нецелесообразно? Для кого? Для тебя? Для твоего ребенка? Или для несчастного дурака, которому приписывают отцовство?

Она думала, что гнев может быть выражен только громким и неистовым взрывом эмоций, но теперь поняла, что бывает и другой вид ярости. Спокойный и пренебрежительный вид гнева, который еще более беспощаден. Она уставилась на него глазами, полными ужаса, не вполне понимая происходящее. Ведь если и винить кого-то, то обоих в равной степени. Если это и была вина, то общая.

– Лука...

Его ледяные слова прервали ее, как будто она и не начинала говорить.

– Ты уже была беременна той ночью, когда переспала со мной? – прошипел он. – Есть такая вероятность?

Он горько усмехнулся, с трудом веря тому, что она его так бесцеремонно одурачила. Естественно, она ведь видела, что он носится за ней, как школьник!

Его черные глаза сверлили ее, как кинжалы.

– Не усложнит ли положение вещей тот факт, – сардонически бросил он, – что отец ребенка не предложит тебе помощь, если выяснит, что у тебя были интимные отношения с другим мужчиной? – Еще одна горькая усмешка. – Хотя не беспокойся, сага. От меня он об этом не узнает! Я унесу это с собой в могилу.

Она подумала, что его глаза безжизненны. Настолько они были холодны.

– Бог даст, ты больше никогда не попадешься мне на глаза, – колко закончил он.

Чувствуя себя зрителем в театре, Ева наблюдала, как он поднялся со стула. Она смотрела на него будто в замедленной съемке. Куда-то пропал ее дар речи.

Лишь когда он оказался у двери, она сумела выдать из себя какие-то звуки.

– Но это ты... ты отец, Лука!

Ей показалось, что тишина будет длиться вечно.

Он стоял как вкопанный, будто его только что превратили в глыбу льда.

– Что?

Это было одно лишь слово, но прозвучало оно как угроза и заставило ее повторить сказанное.

– Ты отец.

Он повернулся и рассмеялся.

– Я не отец!

Что-то в его самонадеянности и презрении вернуло Еву на землю. Внезапно она стала совершенно другой женщиной – настоящей, сильной Евой. Ей пришлось это сделать – природа вынуждала. Как он осмелился? Она подумала о новой жизни внутри нее, случайно сотворенной и теперь отвергаемой своим биологическим отцом. Постепенно в ней начала закипать ярость.

Она высоко подняла голову.

– Могу тебя заверить, что отец ты.

Его сердце забилося.

– Докажи.

Теперь был ее черед смотреть на него испепеляющим взглядом.

– Я не собираюсь это «доказывать». Мне не нужны доказательства, Лука. Я и так это знаю.

– Откуда?

– Я не спала с другими мужчинами уже два года!

– Ты рассчитываешь, что я в это поверю?

– Я ни на что не рассчитываю, – резко ответила она. – Я сказала о беременности только потому, что знать об этом – твое право. Хотя, видит Бог, не надо было этого делать!

Он закивал головой, будто чертовски простое решение пришло ему в голову.

– Конечно, – сказал он, – конечно.

Ева глубоко вздохнула. Успокойся, сказала она себе. Это вредно и для тебя, и для ребенка. Любой человек после такой неожиданной новости был бы шокирован и действовал бы сгоряча. Она с надеждой посмотрела на него.

– Что "конечно"?

Он снова кивнул.

– Теперь я все понимаю.

– Понимаешь?

– Конечно. Ситуация проясняется. Той ночью в Лондоне, когда ты сказала мне, что хочешь детей. Я помню, ты говорила об этом. Сначала это меня поразило. Ты же карьеристка, Ева, разве не так? Женщина с высокими целями, живущая своей работой. Так зачем тебе мужчина рядом? Тебе нужен только ребенок, не правда ли? В наши дни женщины делают так все чаще и чаще. И кто станет лучшим отцом ребенку, если не один из богатейших людей Италии? Весьма умно, са-га.

Он смотрел на нее, будто она была чрезвычайно непривлекательным созданием, только что приземлившимся из космоса.

– Но мне интересно знать, как ты это сделала. Возможно, ты умышленно порвала своими милыми розовыми ноготками презерватив, когда надевала его? Если так, то это был изобретательный план.

Она почувствовала, будто получила пощечину.

– Убирайся, – сказала она, – убирайся, пока я не вызвала полицию и тебя не выкинули отсюда!

Но он не пошевелился.

– Сколько ты хочешь? – оскорбительно спросил он. – Единоразовая плата – вот что ты планировала?

Он окинул взглядом ее симпатичную, типичную для коттеджа кухню, и его губы искривились в надменной улыбке.

– Думаю, ты зарабатываешь неплохие деньги, да, Ева? Но мои не идут ни в какое сравнение с твоими. С моими деньгами ты сможешь позволить себе вещи, которые действительно хочешь, – лучшую няню, большой дом, машину своей мечты, развлечения, путешествия. Разве я не прав, сага?

– Никогда больше не называй меня так! – выпалила она. – Даю тебе последний шанс уйти, Лука. Если ты не покинешь мой дом немедленно, клянусь Богом, я вызову полицию!

Он посмотрел на ее крепко сжатые кулаки. Ее самообладание было на такой грани, что он понял – ему лучше убраться. Ради общего блага. Факт оставался фактом: хоть она и поступила непростительно, но она носила его ребенка.

– Я ухожу, – спокойно сказал он.

– И не возвращайся! Не хочу больше никогда тебя видеть!

Он достал бумажник из кармана пиджака, и на один ужасный миг Ева подумала, что он собирается кинуть ей в лицо какие-то деньги. Но вместо этого он извлек дорогую визитную карточку и спокойно положил ее на стол.

– Здесь адрес моего юриста, – осторожно сказал он, – я сообщу ему, что ты позвонишь.

Одновременно с этими убийственными, оскорбительными словами, все еще звенящими у нее в ушах, Ева слышала удаляющиеся шаги в коридоре, пока передняя дверь с грохотом не захлопнулась. Разговор вышел не очень, устало подумала она. Но стоило ему уйти, как она почувствовала странное облегчение, будто у нее гора упала с плеч. Она поняла, как сильно боялась сообщать новость Луке. Его реакция была даже хуже, чем она могла себе представить в самом страшном сне. Но, по крайней мере, теперь все закончилось. Препятствие было встречено лицом к лицу и преодолено. Что бы дальше ни случилось, ничего хуже быть уже не может, это точно. Она вспомнила ледяную ярость на его прекрасном лице и прикусила губу. Слезы грозились политься из глаз, но она проглотила их. Не было смысла думать обо всем этом. И думать о нем. Все кончено.

Она почувствовала протестующее урчание в животе. Голод настиг ее впервые с тех пор, как она узнала новость.

– Тебе нужно кормить ребенка, Ева Питерс, – твердо сказала она, открывая дверцу холодильника.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

– Не было телефонных звонков?

Адвокат отрицательно покачал головой.

– Никто не звонил, *signore*.

– А ты сам звонил ей, как я тебе поручал?

– Я звонил синьорине Питерс четыре раза. Ни разу она не сняла трубку.

Лука тихо выругался. Он повернулся к окну, ясно и трезво прокручивая факты в уме.

Но на этот раз он был сбит с толку.

Это было совсем не то, чего он ожидал. Ее слова протеста он, разумеется, не принял за чистую монету, а ее заявление, что она никогда больше не хочет его видеть, он посчитал просто дерзостью женщины, которая ничего подобного не имеет в виду, а лишь умно разыгрывает перед ним спектакль. Он не был вполне уверен, чего именно она хотела – его денег, его самого или все вместе. Но был убежден, что скоро это выяснится. В действительности же получалось так, что она просто пресекла все дальнейшие контакты.

Он продолжал пристально смотреть отсутствующим взглядом на то, как полуденное солнце освещает великолепные римские крыши, и вдруг его сердце сжалось от страха. Если только... если только не возникло веской причины больше не связываться с ним.

Внутри карманов брюк он впился ногтями себе в ладони.

Что, если... если ей больше не имело смысла этого делать? Что, если беременности уже не было? На секунду Лука ощутил тошноту. Для человека, которого никогда не тошнит, это было неприятным чувством.

– Синьор Карделли?

Лука резко обернулся, с удивлением обнаружив тревогу на лице своего адвоката.

– Вам плохо, синьор? Вас тошнит?

Кровь вновь прилила к лицу Луки. Он покачал головой.

– Нет, друг мой. Совсем не тошнит, – сказал он решительно.

Наступал его черед брать дело в свои руки. Что он должен был сделать еще несколько недель назад.

Ева весело попрощалась с сотрудниками, но, когда она направилась к своей машине с водителем, улыбка исчезла с ее лица. Тяжело было изображать, что ничего не происходит. Она не знала, надолго ли ее хватит. Рано или поздно она собиралась рассказать все редактору Клэр. Лучше было сделать это как можно скорее, пока сама Клэр или кто-нибудь еще не отгадают ее секрет. И не надо быть членом областного отдела по борьбе с преступностью, чтобы догадаться. Дважды этим утром ей приходилось покидать студию, тайком сбегая в туалет, где ее сильно рвало. У зеркала она снова покрывала щеки румянами, надеясь, что выглядит сносно. Она понимала, что будет мало толку от ведущей утреннего шоу, которую постоянно будет рвать. И даже если тошнить ее будет не так часто, то рано или поздно всем станет очевидной ее беременность.

Нет. Она сейчас же должна поговорить с Клэр.

Она вышла на бодрящий свежий воздух, довольная тем, что вырвалась из душной студийной атмосферы. Не успела она найти глазами свою машину, как сердце ее отчаянно забилося. Потому что, прислонившись к серебристому автомобилю, стоял человек, своей неподвижностью напоминавший мраморную статую. Одет он был в черное, и это делало его волосы и глаза похожими на темную ночь. На одну нелепую и бредовую секунду она подумала о том, чтобы убежать обратно в студию, подобно женщине, ищущей убежище от бури. Но она понимала, что не может этого сделать.

Она должна была встретиться с ним лицом к лицу.

Он изучал ее почти одержимо, пытаясь разглядеть признаки. Любые признаки. Но толстое пальто окутывало ее, как большое теплое облако. Все, что он смог увидеть, – это ее бледное лицо и серо-зеленые глаза, смотрящие на него с холодным блеском.

Он сделал шаг навстречу.

– Здравствуй, Ева.

– Я не хочу с тобой разговаривать.

Отчаянным взглядом она окинула парковку, пустынное прибежище для шикарной серебристой машины и ее хозяина, стоящего рядом. Где же, черт возьми, ее водитель? Он ни разу еще не опаздывал.

– Думаю, нам все-таки надо поговорить, – твердо сказал он.

В прошлый раз его застали врасплох. Он сорвался, вспылil, начал рвать и метать. Таким поведением ничего нельзя было достичь. А Лука привык достигать своих целей.

Она повернулась к нему, не будучи готовой к тому эффекту, который он на нее произвел. К тому, как забилося ее сердце. К этой слабости в ногах. Ей надо было чувствовать к нему лишь презрение, ведь и он ее презирал... Так почему же ей так сложно было удерживать это чувство? Почему где-то в глубине затаилось безумное влечение к нему? Она сурово напомнила себе, что это лишь физическое влечение. А она была выше этого. Гораздо выше.

– Мне кажется, ты не совсем понял, Лука, – спокойно сказала она. – С минуты на минуту приедет мой шофер, я сяду в машину и поеду домой. Без тебя.

– Боюсь, ты в этом ошибаешься.

Она уставилась на него непонимающими глазами.

– Твой шофер уехал. Я его отпустил.

– Ты его отпустил? – повторила она, не веря своим ушам.

Он указал на длинную серебристую машину.

– У меня есть автомобиль, и я отвезу тебя, куда захочешь, но мне нужно с тобой поговорить, и я поговорю обязательно. Ты должна со мной поговорить.

Она еще сильнее запахла пальто.

– Я ничего тебе не должна, особенно после всех презренных обвинений в мой адрес.

Он вновь кивнул, глубоко вздыхая.

– Я не имел права обвинять тебя, но я был...

В ее глазах появилось любопытство.

– Ты был что?

Он вздохнул.

– Я почувствовал, будто вся моя жизнь взорвана и взлетела на воздух.

– Так мысль об отцовстве тебя не прельщает? – дерзко сказала она, потому что только это казалось ей верным способом скрыть обиду, – так больше и говорить не о чем, разве не так?

Он застыл на месте.

– Ты хочешь сказать, что больше нет ребенка?

Ей понадобилось время, чтобы понять смысл его слов. Но когда он до нее дошел, она почувствовала очередной удар по самому уязвимому месту. Как он мог, как смел подумать такое?

– Господи, Лука, – задыхаясь, сказала она, будто ее и вправду ударили, – ты обо мне настолько плохого мнения, что хуже некуда!

– А что я должен думать? – яростно спросил он, – когда ты отказывалась отвечать на мои звонки!

– На звонки твоего юриста, – поправила она. – Я не хочу заключать сделки, поэтому и не брала трубку.

– Ну и?

– Ребенок все еще есть, – медленно проговорила она. – Но не забивай себе голову такими пустяками. Это мой ребенок, и к тебе он не будет иметь никакого отношения.

Он заметил, что ее зубы начинают стучать.

– Садись в машину! – сказал он.

– Нет.

– Прошу тебя!

Его голос был обманчиво мягким. Ева почувствовала себя настолько слабой от шквала эмоций, которые он вызвал, и просто оттого, что снова его увидела, что не нашла сил отказаться.

– Катись ко всем чертям, – невнятно сказала она, но осталась стоять на месте.

Он открыл дверцу и попытался посадить ее на сиденье за руку, но она оттолкнула его руку.

– Я не инвалид! Я просто беременна.

Испугавшись, что кто-нибудь из сотрудников может ее видеть, она беспокойно осмотрелась. Убедившись, что вокруг никого нет, она вздохнула с облегчением. Он обратил внимание на

ее реакцию, и это сказало ему о многом. Так, значит, никто не знает. Она держала свою беременность в тайне. Но почему?

Он включил зажигание.

– Куда ты хочешь поехать?

– Домой.

Она прислонила затылок к подголовнику и закрыла глаза, провоцируя его на разговор, на обвинения и разглагольствования. Но, к ее удивлению, он молчал. Тепло и скорость машины убаюкали ее, еще раз напомнив о накопленной усталости. Но усталость теперь становилась для нее привычным ощущением.

Он внимательно наблюдал, как ее дыхание становится все глубже и равномернее. Она заснула. Его руки немного расслабились на руле. Пальто из бараньей кожи приоткрылось: ее бедра были разведены и расслаблены во сне. Он почувствовал неожиданное и непрошеное возбуждение. И постарался сосредоточить взгляд на дороге.

Машина подъехала к парковке, и Ева быстро открыла глаза, с трудом понимая, где находится. Она в машине, рядом ее коттедж, а на соседнем сиденье Лука.

Она нащупала ручку.

– Спасибо, что подбросил.

– Я зайду.

– Нет, ты не зайдешь...

Но она услышала в его голосе решимость и поняла, что спорить бесполезно.

Кроме того, неужели она действительно думала, что он проделал такой путь, чтобы высадить ее у дома и помахать на прощание? Ей придется выслушать все, что он хочет сказать, и только тогда он уедет.

В доме было прохладно. Ева неохотно сняла пальто, но не сопротивлялась, когда он забрал его и повесил в коридоре. Она чуть поежилась.

– Пойду разожгу камин.

– Позволь мне сделать это.

Она подняла брови.

– Ты знаешь как?

Он по-настоящему рассмеялся.

– Конечно, знаю. Ты еще многого обо мне не знаешь, сага.

– Тогда я приготовлю чай, – сказала она.

Все что угодно, лишь бы убраться подальше от него. Его присутствие рядом в маленьком, темном коридоре переполняло ее непрошеными чувствами.

Когда она вернулась с подносом, он уже успел разжечь яркое пламя. Поставив поднос на маленький столик, она взглянула на Луку.

– Не думала, что в твоих шикарных апартаментах есть необходимость в камине.

– Там нет, – согласился он, закидывая последнее полешко в огонь. – Но когда я был маленьким, у нас был дом за городом, где мы часто проводили каникулы. Там я и научился.

Странно было представить этого наглого, надменного мужчину мальчиком. Интересно, у нее будет девочка или мальчик? А если мальчик, то будет ли он похож на Луку? Невообразимо красивый ребенок, постоянно напоминающий о страсти и безрассудстве.

Он направился от камина к столику с чаем и налил им по чашке. Часть ее сознания была возмущена, что он по-хозяйски зашел к ней в дом, но была и другая... настолько уставшая, что была рада этому.

Однако нельзя расслабляться.

– Лучше сразу говори все, что хочешь сказать, и уходи. Я очень устала.

Да, он и сам это видел. Под ее прекрасными серо-зелеными глазами были темно-синие круги.

– Ты хоть спишь иногда?

– Урывками. По-прежнему встаю очень рано.

Он поджал губы.

– Ты не связалась с моим юристом.

– Ты правда ожидал, что я с ним свяжусь?

Было очевидно, что она ему ответит, если он скажет, что ожидал. Жизненный опыт сделал

его циничным. Он посчитал бы абсолютно нормальным, если бы она попыталась заявить права на часть его состояния. К тому же у нее, по сравнению с другими, было большое преимущество в этом вопросе.

– Да, – искренне сказал он, – я этого ожидал.

– Можешь быть спокоен, я не сделала этого и не собираюсь делать. Твои деньги в безопасности. Еще есть вопросы?

Она была так холодна, словно в венах у нее лед. А полезно ли это для ребенка?

– Я хочу, чтобы ты ни в чем не нуждалась, Ева.

– Я не нуждаюсь. У меня есть дом и есть работа, очень даже неплохая.

Он вспомнил, как она с тревогой оглядывалась по сторонам, будто опасалась, что ее слова могут быть услышаны. Он был уверен, что ее беременность пока еще тайна, и не смог удержаться от того, чтобы не показать, что все знает.

– Но надолго ли?

Она уставилась на него.

– Что, прости?

– Ты же им не сказала, что беременна.

– Тебя это совершенно не касается.

– Думаю, касается. – Искра вылетела из камина с силой ружейного выстрела. – Ты можешь стать нетрудоспособной по беременности.

Она слегка улыбнулась.

– Существуют законы, защищающие от подобной дискриминации. Можешь не беспокоиться за меня.

Такого поворота в разговоре Лука не ожидал. Он ждал чего-то другого, но чего? Признательности? Надеялся, что за прошедшие недели у нее была возможность успокоиться и вернуться к здравому смыслу?

Должна же она была понять, что с его деньгами ее жизнь и жизнь ее ребенка может полностью измениться.

– Я не хочу, чтобы ты боролась за существование, в то время как у меня есть все, даже более того.

– Но я не борюсь за существование. Я справлюсь.

– Не хочу, чтобы тебе приходилось справляться, хочу, чтобы ты жила в комфорте!

– То, чего ты хочешь, Лука, никого не волнует! Важно то, чего хочу я!

– Но это и мой ребенок тоже! – уточнил он.

– Правда? – она изобразила изумление. – Ты больше не сомневаешься в своем отцовстве? Что случилось? Ты нанял кого-то сделать мне анализ ДНК, пока я спала?

– Ева! Гордая, упрямая женщина! Позволь мне помочь тебе, – неожиданно сказал он.

Она все еще была оскорблена тем, что он говорил ей до этого.

– Думаешь, твои деньги смогут купить тебе все, что захочешь, да?

Его черные глаза засверкали.

– Так ты отказываешься от слов, что это мой ребенок, Ева? – прямо спросил он.

Что-то в его интонации задело ее за живое.

До этого момента она думала о ребенке как о чем-то абстрактном, о том, что еще не существует. А если бы и существовало, то не имело бы ничего общего с Лукой Карделли. Но тут она обнаружила, что была наивной и простодушной. Рассказав ему о ребенке, она вовлекла его в запутанную ситуацию. А такие, как Лука, не любят затруднительных положений.

Ну почему она не сохранила все в секрете? Он никогда не давал ей понять, что у них что-то большее, нежели просто короткая любовная интрижка. Он был не из тех, кто может остепениться, просто потому, что был другим. Через несколько недель он забыл бы об их романе и увлекся бы очередной девушкой, как всегда поступают мужчины.

Но смогла бы она утаить это от него? Не было ли у него права знать, что из его семени появится живое существо? Она прикусила губу, подумав о горькой иронии такой ситуации. Раньше ей бы такое и в голову не могло прийти.

– Что ты хочешь? – осторожно спросила она.

– Не знаю, – сказал он просто.

Впервые за всю его восхитительную и могущественную жизнь он делал подобное призна-

ние. Присев на диван, он внимательно на нее посмотрел, в черных глазах застыл вопрос.

– Ты так и не сказала мне, на каком ты сроке.

– Почти пять месяцев.

– Пять месяцев! Уже? – спросил он нетвердым голосом.

– Да, живота пока не видно.

Она встретилась с ним взглядом и ощутила, что он не сводит с нее глаз.

Это было запрещенным оружием. Если бы он не появлялся хотя бы еще немного, она бы отвыкла от него. Но она, к сожалению, не успела этого сделать.

– Время быстро летит, когда наслаждаешься жизнью, – саркастически заметила она.

Неужели такой большой срок? Наверное, она забеременела в самый первый раз, еще до Рима. Он вспомнил, как был неосторожен, когда хотел заняться с ней любовью в первую же встречу. Но тогда она остановила его.

Он нахмурил брови. Как могло пройти незаметно столько времени? После того как она сообщила ему новость, он ушел с головой в работу. Видимо, это было для него своеобразной терапией. Все это время Лука ждал от нее финансовых требований, которые, по его мнению, обязательно должны были последовать. Он вспоминал, что уже подготовил для нее тест, ожидая ее звонка, потому что имел право на это. Он всегда проверял людей, как в профессиональной, так и в личной жизни, ставя слишком высокие планки и ожидая, что им никто не сможет соответствовать. Ева смогла.

– В любом случае, – она сделала над собой усилие, чтобы ее слова звучали по-деловому, потому что все сводилось к одному, – если ты беспокоишься о финансовой стороне вопроса, то не волнуйся, я справлюсь. – Она бодро ему улыбнулась. – Или тебя интересует что-то еще?

Он скептически посмотрел на нее.

– Ты думаешь, дело лишь в деньгах? Ты надеешься, что я выйду из этой двери, не оглянувшись, и забуду о своем ребенке?

– О своем ребенке. Сильные слова. Страшные слова.

Но Лука и был сильным и страшным человеком.

– Я абсолютно ни на что не надеюсь. И никогда не надеялась, – добавила она.

У него хватило вежливости промолчать.

– Ты лучше расскажи мне, на что ты надеешься? На что-то вроде контракта, я полагаю?

– Контракт! – яростно повторил он. – Какое противное слово!

– Ну, может, оно и противное, но весьма уместное, – язвительно сказала она. – В конце концов, наше хорошенькое дельце принимает плохой оборот, разве не так?

Он встал, подошел к тому месту, где она сидела, и присел рядом. Если бы это была другая женщина, он бы обнял ее, приласкал, успокоил. Но ее независимая поза говорила ему, что не стоит и пытаться.

Всю свою жизнь Лука умел соблазнить любую понравившуюся ему девушку, склонить ее к своим правилам мышления и поведения. Но теперь он видел и понимал, что Ева совсем иная. Она не такая податливая, как прочие. Его глаза натолкнулись на ее идеальные ногти, покрашенные сегодня в кораллово-розовый цвет, и он вспомнил о своих оскорбительных обвинениях.

– Так что ты думаешь по этому поводу? – беспощадно продолжала Ева. – Каждые вторые выходные и несколько дней каникул? Через одно Рождество? Так обычно делают, разве нет?

– Мне наплевать, как это делают обычно!

Он потянулся к ее лицу, обхватил его ладонями и поднял, чтобы она взглянула на него. К его удивлению, она его не остановила.

– Перед нами только один разумный выход, – сказал он и вместо своего идеального произношения вдруг стал говорить на ломаном английском.

Наверно, это было реакцией организма. Всю свою жизнь он бежал от обязательств, но больше не мог.

– Ты выйдешь за меня замуж, Ева, – сказал он твердо.

Она взглянула на него.

– Выйду за тебя замуж? – недоверчиво переспросила она.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

– Вот так обстоят дела, – закончил Лука, пожимая плечами.

– Ну и ну! – тихо сказала его сестра и протянула ему спящего малыша.

Лука удивленно поднял брови, а его руки непроизвольно обхватили маленький теплый сверток.

– Для чего это? – спросил он с усмешкой. – Это что, терапия на привыкание?

– Вздор! Ты блестяще смотришься со своим племянником. И, кстати, всегда смотрелся. Тебе подходит эта роль. Лука.

Малыш зашевелился и вздохнул. Лука взглянул на его красивое личико и смягчился.

– Боюсь, с моим собственным ребенком эта роль мне не пригодится.

– О, Лука, ради бога! Это совсем на тебя не похоже. Ты же не пораженец!

– Я вовсе не пораженец, София! – огрызнулся он.

Ребенок издал писк протеста, и Лука понизил голос.

– Я просто смотрю на вещи трезво. Она живет в Англии, я в Риме. Мы не вместе. Факты просты и грубы.

– Почему бы вам не быть вместе? – спросила сестра. – Ради бога, Лука, ты же не можешь всю жизнь провести в страхе перед обязательствами, мечтая найти идеальную женщину. Тебе просто надо жениться на ней. Полагаю, ребенок – прекрасная причина, чтобы, наконец, прервать столь длительную холостяцкую жизнь. Люди нередко так поступают.

В задумчивости Лука нежно провел пальцами по блестящим черным волосикам племянника, затем взглянул на сестру. Выражение его лица удивило ее.

– Я предлагал ей выйти за меня замуж, – сказал он.

– Ты предлагал?

Он кивнул.

– И?

– Она отказалась.

Наступило минутное молчание. Сестра была потрясена до глубины души. Но, к его изумлению, очень скоро она откинула голову назад, раздался взрыв смеха. Малыш начал ерзать на руках Луки, и он передал его обратно матери.

– Не вижу причин для смеха, – ледяным голосом произнес он.

София вытерла уголки глаз.

– Не видишь? Думаю, она просто сокровище!

Женщина поставила великого Луку Карделли на место. Знаешь, она мне нравится.

– Это не смешно!

– Конечно, – медленно сказала она. – Конечно же, не смешно. Тебе просто необходимо что-то предпринять, Лука.

– Это я и сам знаю, – сказал он.

Красный студийный свет погас, раздался громкий аплодисменты. Ева улыбнулась, увидев режиссера-постановщика, идущего в студию с пачкой бумаг в руках.

– Как все прошло? Хорошо?

– Ева, просто блестяще! Здесь у меня впечатления зрителей. – Он размахивал бумагами, как медалью победителя. – И я могу объективно признать, что в руках у нас настоящий хит.

Она знала, что это так. Это было необъяснимое чувство. Когда работаешь на телевидении достаточно долго, чувствуешь удачу на ощупь. С первого дня она верила в этот проект, но нельзя было знать наверняка, пока вживую не проявились зрительские впечатления.

– Пришел мешок писем, электронных и обычных, телефон трещал всю неделю. Задачу нашу можно считать выполненной на отлично.

Все получилось просто идеально, настолько идеально, что ей иногда хотелось себя ущипнуть. Ей даже не пришлось говорить Клэр о своей беременности.

Главный редактор догадалась сама, как, впрочем, и большая часть сотрудников. Ее выдали элементарные признаки – она часто выходила из студии, и ее постоянно тошнило.

Утренняя тошнота никак не хотела ослабевать. И тогда возникла рабочая идея – убрать Еву из утреннего шоу и поставить ее в эфир перед обедом. Не будет большой потерей в программе, сказал кто-то из директоров, если вместо бесконечных старых комедий мы покажем ток-шоу.

Программа "Полдень с Евой!" создавалась как классическое шоу с участием зрителей, но с дополнительной изюминкой. Кроме обычных студийных дискуссий на темы: "Слишком толстая,

чтобы наслаждаться сексом" или "Мой муж не знает, что я стриптизерша", раз в неделю было запланировано пятиминутное окошко, чтобы осведомлять зрителей, как проходит беременность Евы. Зрителям нравилось быть вовлеченными. А что лучше могло их вовлечь?

– Что ж, замечательно!

Ева немного расслабилась и улыбнулась режиссеру–постановщику. Она положила руку на разросшийся живот, потому что малыш начал шевелиться, как бы говоря: сосредоточься теперь на мне! Настало время отправляться домой на законно заслуженный отдых. Она взяла сумочку, включила телефон, и он тут же зазвонил.

"Номер не установлен".

– Алло!

– Ева? – услышала она такой ледяной голос, что удивилась, как он не заморозил ее маленький мобильный телефон.

Малыш снова зашевелился. Это твой папочка, подумала она, и ее первой реакцией было облегчение. Она не слышала от него ни слова с того дня, когда отказалась выходить за него замуж, и ее интересовал вопрос, не снял ли Лука с себя всякую ответственность за своего ребенка. Оказалось, что нет.

– Привет, Лука, – спокойно сказала она и облизала свои внезапно высохшие губы. – Извини, сейчас не совсем могу разговаривать.

– Почему?

– Я в студии, вокруг много людей.

– Найди место, где не много людей.

В его голосе были нотки неколебимой решимости, заставившие ее сделать то, что он просил. Она вышла в пустую гардеробную.

– Как ты? – спросила она.

Он проигнорировал ее вопрос, сделав лишь глубокий вдох, чтобы привести в порядок дыхание.

– Гораздо важнее, сага, – нежно сказал он, – как ты, и еще более важно, как мой ребенок?

Необъяснимым образом его собственническое заявление ни капли не рассердило ее. Наоборот, была безрассудная, острая материнская гордость, что он признал его своим ребенком. Она вздохнула.

– Я в порядке. По крайней мере, сейчас. Меня сняли с раннего эфира, потому что с утра меня все время подташнивает. У меня теперь своя программа. Дневная.

– Я знаю.

– Знаешь? – Ева слегка удивилась. – Но мы не вещаем на Италию! – глупо сказала она.

– Я не в Италии.

– А где ты? – спросила она, предчувствуя ответ.

– В Хембле.

Невыразимый ужас охватил ее.

– Что ты тут делаешь?

– Обсудим это позднее, – отрезал он. – Думаю, нам стоит встретиться и пообедать. Надеюсь, ты не против?

Ева знала, что на этот вопрос есть только один ответ, приемлемый для них двоих. Для него, потому что он требовал этого, и она знала, что у него есть на это право. Для нее, потому что она сгорала от любопытства.

– О'кей, я встречаюсь с тобой, – сказала она. – Где и когда?

– Я буду ждать тебя в "Фиш Ин" в час сорок пять.

– В час сорок пять, – повторила она.

Дорога не близкая. Она посмотрела на часы. Не оставалось времени, чтобы заскочить домой. А зачем ей туда? Это не стандартное свидание с мужчиной за ланчем. Она беременна и собирается встретиться с отцом ребенка. Нет смысла наводить красоту. Вдруг Ева почувствовала внезапный страх. Лука был грозным мужчиной.

Какого черта он вообще приехал?

"Фиш Ин" был лучшим рестораном в их городе.

Простая отделка, свежая рыба и великолепный вид на гавань. Люди приезжали издалека, чтобы поесть там.

Обычно нельзя было сразу занять столик, но Луке каким-то образом это удалось.

Когда она приехала, он уже сидел. Его высокая, худощавая фигура была заметна издалека. На нем был красивый кашемировый свитер, черные волосы взъерошены. У Евы сжалось сердце.

Но на этом все, сказала она себе.

Увидев ее, он сразу встал. Лицо его казалось задумчивым, и она почувствовала беспокойство. Прищуренными глазами смотрел он, как она приближается, смотрел так, будто вся его жизнь зависит от этих ее шагов. Ее лицо цвело, заметил он с тайной радостью, глаза сияли энергией и здоровьем. На ней были темные брюки и просторный мягкий свитер цвета овсянки. Такой большой свитер, как будто мужской, неожиданно сердито подумал он, почувствовав беспричинный прилив ярости. Впрочем, свитер этот не мог замаскировать заметную выпуклость ее живота, и ярость в одну секунду сменилась какой-то атавистической гордостью. Он осознал, что эта выпуклость часть его самого. Его ребенок у нее в животе. И вдруг, к его ужасу и шоку, он почувствовал преждевременную и жаждущую пульсацию желания.

– Ева, – сказал он.

Чисто внешне они встретились так, будто были случайными знакомыми. Казалось, их разделяют океаны. Он не поцеловал ее в щеку, не провел за руку к стулу. Ничего такого, что можно было расценить как теплое, внимательное отношение. Можно было подумать, что он испытывает к ней неприязнь, и она не понимала, почему это так ее задевало.

– Лука, – ровным голосом сказала она и села.

– Как мы официальные, – усмехнулся он. – Почему мы разговариваем, как посторонние люди? А, Ева? Глядя на нас, никто и не скажет, что мы так любили друг друга и создали дитя, которое растет у тебя под сердцем.

Дитя у нее под сердцем. Уж не была ли эта фраза дразнящей насмешкой? Не намек ли это на то, как все могло бы быть, если бы у них были нормальные, любящие отношения? И в то же время не для того ли они сказаны, чтобы подчеркнуть, как мало у них общего и как мало они были вместе?

Пытался ли он ранить ее, отплатить той же монетой?

Каким спокойным он выглядел сегодня. Да, утекло немало водицы с той поры, как он стоял перед ней и не верил своим ушам – она отказалась выходить за него.

– Я не хочу за тебя замуж! – заявила она. – Брак для тебя – лишь способ купить меня и получить права на моего ребенка! Это все равно, что заключить деловой контракт!

В тот раз он бросил на нее долгий, задумчивый взгляд и спросил:

– Это твое окончательное решение?

– Да.

– Тогда больше говорить не о чем, не так ли?

Законченность этого высказывания не дала ей возможности сказать что-нибудь более разумное, например:

"я подумаю", или "я не исключаю этой возможности".

Ей показалось, что она сожгла все мосты, но потом она поняла, что ее первое решение было единственно правильным. Она не хотела выходить замуж за мужчину, который ее не любил.

Трясущимися пальцами она встряхнула свою льняную салфетку и аккуратно положила ее себе на колени, сомневаясь, сможет ли чего-нибудь съесть под прожигающим взглядом черных блестящих глаз.

Но манипуляции с салфеткой немного ее успокоили, и она смогла поднять на него глаза.

– Итак, – сдержанно сказала она, – ты собирался рассказать мне, что ты здесь делаешь.

Неужели ее ничто не задело, в бешенстве подумал он. По выражению ее лица можно было предположить, что она находится на деловой встрече.

Что у нее на душе? Что на сердце?

На секунду он подумал, что лучше бы ему назначить встречу у берега моря, где покрытые пеной серые волны заглушили бы его яростные слова. Но он должен сдерживать свой пыл. Она носила его ребенка, и хоть ему и стало бы легче, если бы он излил весь свой гнев, он не должен был этого делать.

– Я видел тебя по телевизору сегодня днем, – неожиданно сказал он.

Это было последним, что она ожидала от него услышать.

– Да? – осторожно спросила она.

Подошла официантка с блокнотом, но он с раздражением отмахнулся рукой. Затем наклонился через стол так близко, что Ева могла чувствовать тепло его дыхания и видеть темные радужные оболочки его глаз, делавшие его похожим на сущего дьявола.

– Говорят, ты очень... телегенична, сага, – раздельно сказал он.

Он произнес эти слова так, что можно было принять их за комплимент, а можно и за оскорбление.

– Камера любит тебя, не так ли, Ева? – продолжал он с обманчивой мягкостью, – она отбрасывает интригующие тени с высоких скул, и твое лицо выглядит так, будто состоит только из серо-зеленых глаз, в которых, как в океане, может утонуть любой мужчина.

В этих словах, похоже, зазвучала поэзия, но произносил их Лука как человек, который сам не верит в то, что говорит.

– Если это комплимент, прошу их больше не делать, – нетвердо сказала Ева, поймала взгляд официантки и улыбнулась ей.

Та, слава богу, тут же подошла к столику.

– Мне, пожалуйста, палтус с молодым картофелем и зелеными бобами, – сказала она небрежно и даже весело. – И обычную питьевую воду... Лука? Что будешь ты?

Если бы взглядом можно было убить!.. – подумала она с секундным удовлетворением.

– То же самое, – бросил он коротко.

Он был взбешен. Женщина сама сделала заказ!

Сделала ли она это специально, чтобы продемонстрировать их равенство или даже свое превосходство? Жилка застучала у него на виске. На секунду он задал себе вопрос, что она сделает, если он сейчас обойдет стол, поднимет ее со стула и начнет целовать.

Прижмется ли нетерпеливо к его телу, обовьет ли его шею руками с присущей ей страстью?

– Лука? С тобой все в порядке?

Фантазии его исчезли, и следом пришло жгучее чувство несправедливости.

– Нет, Ева, со мной не все в порядке. На самом деле я разгневан, я очень-очень зол, более чем когда-либо в жизни. Но я делаю все возможное, чтобы побороть эту злость.

Он что, пытается запугать ее? Что ж, скоро он выяснит, что она не боится.

– Ты великолепно с этим справляешься, – сказала она.

– Я не смогу больше с этим справляться, великолепно справляться, если ты не уберешь с лица эту милую улыбку и не скажешь мне, зачем взялась за это новое шоу.

Слово «шоу» он насмешливо растянул.

– "Полдень с Евой"? – вежливо переспросила она.

– Ева, – предостерегающе сказал он. – Я хочу услышать ответ на свой вопрос.

Она решила прекратить игру в кошки-мышки. Она вольная птица. Может, у него и были права на ребенка, но только не на нее саму. У нее есть полное право жить так, как она считает нужным.

– По утрам меня сильно тошнит, ну и чтобы... Лука, а в чем, собственно дело?

– Тошнит? – хрипло переспросил он. – Ты не говорила мне об этом!

– Не говорила. Для беременной женщины это обычное явление.

– А ребенок?

Его лицо выглядело таким растерянным, что Ева поневоле смягчилась.

– С ребенком все прекрасно, – сказала она. – Это действительно так. Я часто хожу к врачу. Она говорит, что я здорова как бык, ну, и все остальное, что принято говорить беременным женщинам!

Внезапно он понял, что его главным чувством, поглотившим на миг весь его разум, была благодарность за то, что она выбрала врача-женщину! Если он не имел возможности смотреть на ее голый растущий живот, то и не хотел, чтобы какой-то другой мужчина – будь то даже доктор – имел такую возможность.

– Новую передачу создали специально для меня, – продолжала она.

– Чтобы вся страна могла принимать участие в твоей беременности! Отлично! Все включены. Кроме, разумеется, отца ребенка.

– Оставь. Это региональный канал! Не вся страна смотрит!

– Ты нарочно не хочешь понять сути?

Принесли их заказ. Над горячей рыбой вился ароматный парок.

– Прости, а в чем суть?

Он вздохнул. Ева была сильной женщиной, он это сознавал. А также невероятно гордой и независимой.

И еще упрямой. Все равно, это было как гром среди ясного неба – вдруг выяснить, что он ей совсем не нужен!

– Кто знает, что я отец ребенка?

Ева молчала.

– Ева?

Глаза их встретились.

– Я сказала только Лиззи, – призналась она. – Даже Майку не говорила, хотя, думаю, она ему уже рассказала.

Ева вспомнила реакцию Лиззи. Та была не удивлена, а, скорее, шокирована.

– Не могу сказать, что это твоя вина, – бормотала она, глядя на Еву в вопросительном ожидании.

Глупо было бы делать вид, что она не понимала безмолвного вопроса подруги.

– Все кончено, – сказала она спокойно.

Лиззи не могла скрыть досады.

– И ты довольна ситуацией?

– Вполне, – сказала она с оптимизмом, возможно слегка наигранным.

– Ну, тогда все в порядке. Соответствует духу времени!

Лиззи заговорщицки наклонилась вперед.

– Возможно, все даже к лучшему! Майк говорит, что Лука Карделли широко известен в итальянской прессе. Репутация у него еще та! Но нечему удивляться, да? Наш итальянский друг относится к тому типу мужчин, в которых нельзя влюбляться!

– Это точно, – серьезно согласилась Ева.

Рассказывай, рассказывай мне об этом, Лиззи, думала она про себя. Мне просто необходимо сейчас слушать такие вещи.

Лука пристально на нее смотрел. Так она не объявила, кто был отцом ребенка! Он-то думал, что это давно уже общеизвестный факт.

– Только Лиззи, – повторил он. – Может быть, тебе стыдно, что я отец твоего ребенка?

– Не делай из себя посмешище!

– Тогда почему ты держала это в тайне?

Она со звоном положила вилку.

– Потому что не была уверена, собираешься ли ты участвовать в жизни ребенка. И я подумала, что если нет, то лучше уж никому не знать правды. Особенно тем, кого это мало касается. Я не хотела, чтобы каждый показывал на меня пальцем и высказывал обо мне поспешные суждения.

Он подумал, что замужество легко смогло бы решить эти проблемы. Но она столь твердо, столь решительно отказалась.

– Мне кажется, ты должна это открыть, – сказал он. – Расскажи всем или не говори никому, но не уклоняйся от ответа на этот вопрос. Ребенок будет знать, кто его отец. Лучше, чтобы и остальные тоже знали.

– Это не так просто, – спокойно сказала она, и продолжила, заметив в его глазах вопрос, – из-за специфики моей работы моя личная жизнь как на ладони. Поэтому на вопросы людей о том, кто отец ребенка, я ответила раз и навсегда – "без комментариев".

Он тихо выругался.

– И ты этим довольна?

Ева пожала плечами.

– Так уж обстоят дела.

Но он же еще мог все изменить! Заметив еле уловимые морщинки вокруг ее глаз, он решил, что еще не пришло время.

– Ты ничего не ешь! – мягко, но укоризненно сказал он и тут же нахмурил брови. – Ты хорошо питаешься, Ева? Так, как надо?

– А что?

Он посмотрел неодобрительно.

– По тебе не заметно, что ты беременна.

– Я знаю. Это бывает у некоторых женщин, чаще у худощавых, спортивных. Вероятно, что-то подобное и у меня.

Она подумала, что рассуждает как мать-героиня, хотя это была ее первая беременность.

Как, однако, успокаивает, когда есть возможность обсудить вещи такого рода с кем-то, кому есть до этого дело. И даже если Луке нет дела до нее самой, то он определенно обеспокоен судьбой ребенка.

– Так ты хорошо ешь?

Он не собирался слезать с этой темы.

Это настойчивое внимание к тому, как она питается, тоже было приятно. Это ведь не доктор спрашивает. У врача профессиональный интерес, а тут личный, живой.

Она подцепила вилкой кусочек рыбы и начала жевать, как послушный ребенок.

– Ем я как лошадь. Рыбу, фрукты, овощи, шелушенный рис. И, конечно, вишневое мороженое для ровного счета. – Она улыбнулась ему. – Это тебя удовлетворяет?

Он выпил воды. Удовлетворяет ли это его? Он даже припомнить не мог, когда в последний раз был таким неудовлетворенным, физически и морально. Он поднял на нее глаза, и Ева прочитала в них уважение, пусть и с долей ехидства из-за насмешливой улыбки, которой он скривил губы. Он выглядел таким неотразимым, что она почувствовала неожиданное желание быть ему полностью послушной и сказать, что все будет хорошо. Но она сама не была в этом уверена, а говорить впустую не могла. Она боролась с непреодолимым побуждением спросить его, не могут ли они просто забыть все те события, которые привели их в эту запутанную ситуацию, и начать все с нуля. Но и этого она не могла сделать. Слишком многое произошло, и скоро должен родиться ребенок. Ей нужно было защититься от боли, не ради себя даже, а ради ребенка. Мать с разбитым сердцем не сумеет должным образом напитать соками свое дитя. Еще она хотела научить своего ребенка – их ребенка – самым важным вещам, одной из которых была честность.

– Ты так и не сказал мне, что думаешь о ребенке, который должен родиться, – тихо сказала она. – Кроме гнева, разумеется.

Он вспомнил, что ярость поглотила его тогда, как огромное вспыхнувшее пламя.

– Гнев давно прошел. Мне не стоило так реагировать.

– Думаю, это была естественная реакция. – Ее глаза светились. – И что пришло на смену гневу?

Это было для него сложным вопросом. Он не привык подменять слова эмоциями, но последние его чувства казались ему очень важными. Он был обязан ей о них сказать.

– Гордость, – ответил он. – И волнение.

Ева смотрела на него в изумлении.

– Ты удивлена?

Он поднял брови.

– Так и есть.

Она почувствовала сильный жар внутри. Какие нужные, какие замечательные слова гордость и волнение.

– А ты? – спросил он. – Что чувствуешь ты?

– По правде сказать, я тоже взволнованна. И сильно, – сказала Ева.

Но еще больше она была напугана, если уж говорить всю правду. Но ему она этого не скажет. Она была взрослой женщиной, которая привыкла брать ответственность на себя. Она не собиралась плакаться Луке в жилетку.

Он кивнул, но хотел узнать что-то еще.

– Но ты не испытывала гнева?

– Гнева? О нет. – Она отрицательно покачала головой. – Нет. Гнев выражается у женщин по-другому. Глупой я себя чувствовала, это правда. Обманутой.

– Но я не хочу, чтобы ты чувствовала себя обманутой.

– А чего же ты хочешь, Лука?

Она уже задавала ему этот вопрос, и он с удивлением обнаружил тогда, что не знал на него ответа. На этот раз он знал ответ.

– Я хочу принимать участие в твоей беременности, – сказал он. – Когда ты будешь на при-

еме у врача, я тоже хочу там быть. Когда тебе будут делать УЗИ, я тоже хочу видеть, как бьется сердце моего малыша.

От волнения она положила вилку и уставилась в тарелку. Его слова задели ее за живое, и понадобилась минута, чтобы успокоиться. Она подняла взор в надежде, что он не заметит блеска слез в ее глазах. Он тоже не ожидал, что его слова произведут такое действие.

Она начала говорить самым прозаичным голосом.

– Каким образом ты собираешься это делать? Мы живем за много километров друг от друга. Думаю, я смогу посылать тебе снимки УЗИ, писать электронные письма и делать прочие вещи такого рода.

Он покачал головой.

– Нет, только не из вторых рук, – сказал он твердо.

– А как же? – спросила она.

– Сообщай мне заранее, и я буду прилетать к твоим посещениям врача.

– А твоя работа?

Он посмотрел на нее, сознавая, что она ни капли не понимает, в чем заключается его работа. Но откуда ей было знать? Она знает, что он владеет банком, но она не жила в Италии и даже близко себе не представляет масштабы его могущества и власти. Но, поскольку она не собиралась заявлять на него никаких прав, он не видел причин, почему бы не рассказать ей об этом. Испытываешь поистине освобождающее чувство, когда не приходится приуменьшать свою значимость.

– Я богат настолько, что могу больше не работать, Ева, – сказал он мягко и с некоторой долей небрежности. – В данной ситуации я, безусловно, так и поступлю. Я могу прилетать и улетать, когда захочу. Ради ребенка.

Ева не знала, как на это реагировать.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Войдя в кабинет, где делают УЗИ, первое, что увидел Лука, – это яркие лампы. Он нахмурился, прищурил глаза, привыкая к яркому свету, но при взгляде в глубь комнаты нахмурил брови еще больше. Там на столике лежала Ева, а лаборантка в белом халате смазывала ее разросшийся живот каким-то густым желе.

Тем временем мужчина в белом халате водил над ее животом каким-то прибором. В углу молодая женщина в позвякивающих сережках вела серьезную беседу с другим мужчиной, держащим в руках видеокамеру.

Все они посмотрели на вошедшего, а женщина с сережками улыбнулась и, прежде чем Ева смогла ее остановить, сказала:

– Простите, мы здесь производим съемку.

Наступило короткое, натянутое молчание.

– А что именно, – спросил Лука с угрожающей ноткой в голосе, – как вам кажется, вы снимаете?

Женщина в сережках пристально на него посмотрела.

– Мы снимаем сюжет для телешоу. Здесь становится очень тесно, поэтому не могли бы вы выйти из кабинета?

Ева подумала, что только что бросили бомбу.

Смертоносную бомбу.

– Я никуда не выйду, – проскрипел Лука. – Боюсь, что выйдете вы. Убирайтесь!

– Простите?

– Вы не будете, повторяю, не будете снимать никакого телешоу. Вы сами выйдете или мне выкинуть ваши чертовы камеры?

Женщина в сережках с недоумением посмотрела на Еву.

– Ева?

Казалось бы, Ева должна была быть унижена и рассержена на Луку, который своей выходкой мог поставить под угрозу ее карьеру. Но она не испытывала ничего подобного. В теории съемка УЗИ для шоу была великолепной идеей, но на практике это оказалось уж слишком большим вторжением в ее личную жизнь.

И она еще никому не была так рада, как Луке в сей момент.

– Кто этот человек, Ева?

– Это...

– Я отец ребенка, – с презрительной холодностью прервал разговор Лука. – И я хочу увидеть на экране УЗИ своего ребенка. В конфиденциальной обстановке.

Что-то в его голосе и выражении лица заставляло всех повиноваться, и съёмочная команда не стала исключением. Бормоча и щелкая языками, они собрали оборудование и вышли, но женщина в сережках успела повернуться к Еве и сказать:

– Будь добра, позвони мне попозже.

Луке понадобилось несколько секунд, чтобы привести в порядок дыхание, и лаборантка в белом халате подмигнула им.

– А я-то надеялась, что меня покажут по телевизору! – пошутила она.

Лука криво ей улыбнулся, но свирепо взглянул на Еву, как бы говоря: "С тобой я поговорю позже". Она почувствовала себя школьницей, которую вызвали к директору. Но весь гнев Луки прошел, как только лаборантка начала водить сканером по животу и расплывчатые пятна серого и черного начали приобретать очертания.

– Вот и мы, – сказала лаборантка, – две ручки и две ножки – отлично. А вот сердце. Видите, как оно бьется?

Наступила тишина, все затаили дыхание.

– Ой, смотрите, – воскликнула лаборантка, – он сосет большой палец!

– Он? – вскричал Лука.

– Ой, простите! Мы всегда говорим «он». Просто привычка, знаю, что не стоит этого делать. Хотите узнать пол своего ребенка? – спросила она небрежно.

Лука и Ева одновременно подняли вверх глаза.

– Нет, – хором сказали они, их глаза встретились, и в этом было что-то объединяющее.

Но когда лаборантка протерла насухо ее живот и велела одеваться, Ева почувствовала себя неловко.

Лицо Луки казалось задумчивым и даже напряженным. Она дотянулась до своих брюк.

– Я, пожалуй, оденусь.

– Я подожду снаружи, – коротко бросил Лука.

Одеваясь, Ева сказала себе, что он не сможет ее запугать. Не сможет. Она допускала, что он был зол, даже разгневан, но он не имел права указывать ей, как жить. Она вздохнула, с трудом натягивая брюки. Пока все шло гладко. До сего момента он вел себя как ангел, спустившийся с небес, – посещал все врачебные сеансы и очаровал половину персонала больницы. Он прилетал к ней по первому сигналу, как будто летел не из другой страны, а всего лишь с южного побережья на северное.

Она с нетерпением ждала его звонков. Ей даже было легче говорить с ним по телефону, потому что не нужно было смотреть на его великолепное смуглое лицо или справляться с ощущением, что перед ней мужчина, чувство к которому у нее никак не угасло.

Впрочем, кое-что изменилось. Влечение к нему оставалось прежним, но теперь она поняла, чего так испугалась, увидев Луку на вечеринке у Майкла и Лиззи.

Того, что он был "единственным на планете". Она уже наступила когда-то на эти грабли, и ей не хотелось наступать на них снова.

Он ждал ее у регистратуры, и в его лице читалась угроза.

– Ты на машине?

Она кивнула.

– Дай мне ключи.

Она протянула их, думая, уж не стала ли она одной из тех пугливых женщин, которым в глубине души нравится подчиняться. Но она решила, что иногда для разнообразия можно позволить кому-то взять на себя ответственность за нее. Она зевнула. Он не проронил ни слова, когда они садились в машину, и всю дорогу до Хембла в машине стояла мертвая тишина.

– Лука?

– Не сейчас, Ева, – спокойно сказал он. – Я стараюсь сосредоточиться на дороге, а если мы сейчас начнем разговор, боюсь, мне это не удастся.

Он припарковал машину и лишь тогда начал входить в раж.

– Ты объяснишь мне, что все это значит?

– Ты имеешь в виду съемочную группу?

Ева открыла дверь дома.

– Ева, пожалуйста, не надо играть со мной в эти игры. Ты умная женщина и прекрасно знаешь, что я имею в виду.

Пройдя в холл, она села в одно из кресел и вызывающе посмотрела на него.

– Это для шоу.

– Да, я это понял.

Он пристроился на подлокотнике другого кресла.

– Они просто хотели снять эту процедуру, вот и все.

– И все?

Она сверкнула на него глазами.

– Не вижу проблемы.

Он злобно усмехнулся.

– Ты не видишь проблемы? – скептически повторил он. – А как насчет того, что полстраны будет пялиться на твой голый живот?

– Не полстраны! – начала она непроизвольно, но остановилась, увидев его лицо. – Это для того, чтобы помочь женщинам понять, как это легко, – попыталась объяснить она.

– А как насчет самого рабочего процесса? – с жаром спросил он. – Может быть, ты собираешься позволить съемочной группе, состоящей из мужиков, снимать и сами роды, чтобы зрители поняли, "как это легко"?

– Ну уж нет. Конечно, нет!

– Ты уверена?

– Абсолютно.

Да, в прозорливости Луке не откажешь. На самом деле этот вопрос обсуждался на одном из постановочных совещаний. Ева категорически отклонила это предложение.

– Полагаю, ты считаешь меня старомодным.

– Пожалуй.

Но за его старомодностью скрывалось другое качество – он защищал ее, и это вызвало у нее радостный трепет.

– Я не желаю, чтобы зрители видели то, что является сокровенным. Это принадлежит только матери и отцу, то есть нам с тобой, Ева.

Ну да. Если не считать того, что «нас» не существует. Переполненная ноющим чувством страстного желания того, чего не может быть, Ева закрыла глаза.

Он посмотрел на нее. Она была бледна. И снова бурлящая ярость заклокотала в нем. Какого черта она лежала там, под прицелом камер, с ребенком в животе? Как он мог допустить такое?

– Я приготовлю чай, – сказал он.

Она слышала, как он гремел посудой на кухне, а когда вернулся с подносом, брови его были нахмурены.

– Как бы то ни было, зачем ты делала УЗИ на таком сроке?

Она пожала плечами.

– Так положено.

– Ты уверена?

Она кивнула, все еще не разжимая век.

Он сел, взял ее руку и задумчиво начал поглаживать. Ева открыла глаза. Это была такая мелочь. Такая незначительная мелочь. Но она показалась ей раем.

Ее тело истосковалось по ласке и прикосновениям.

Она встретила с ним глазами, и больше всего на свете ей захотелось, чтобы он прижал ее к себе, обнял и приласкал. Но он не сделал ни того, ни другого, а его черные глаза были задумчивы, бдительны и насторожены.

– Надолго еще у тебя контракт на участие в этом шоу?

Кругами, неторопливо он водил пальцем по ее руке.

Она сглотнула. Не переставай прикасаться ко мне, молила она.

– Кончается третьего числа.

– На следующей неделе.

Она кивнула.

– Потом я уйду в отпуск. После рождения ребенка начну присматривать другие варианты.

– Ева, – он сделал паузу, – ты довольна тем, чем занимаешься?

– Ты имеешь в виду мои телепрограммы?

– Это часть того. Я говорю о жизни здесь в целом. Какие у тебя мысли на будущее? Что ты думаешь о будущем, сага mia?

Он не называл ее так уже очень давно, и ей захотелось зарыдать от страшного желания. Желания того, что у нее могло быть. Но того, чего не было.

– Это похоже на то, когда садишься на карусель и не можешь потом слезть с нее, – призналась она, и в тот момент ее не трогало, что эти слова демонстрируют ее уязвимость.

Она и правда чувствовала себя уязвимой, ведь беременные женщины имеют на это право, разве нет? Ей до смерти надоело быть отважной, сильной, справляющейся со всем. Она хотела, чтобы Лука был ей опорой, если не в тонком мире эмоций и чувств, то хотя бы материально. Да и не много ей нужно.

– Будущее? Об этом я еще не думала. Но теперь...

Ее голос стих.

– Теперь?

– Понимаю, что должна подумать об этом. Но пока я больше ничего не знаю. О, Лука!

К ее ужасу, у нее из глаз полились слезы. Она прикусила губу и попыталась остановить их, но не смогла. Его лицо исказилось от боли. Он прижал ее к груди и начал водить рукой по ее мягким волосам, пытаясь как-то успокоить.

– Тес, не плачь, Ева. Не надо плакать, сага mia. Нет причины для слез. Все будет хорошо. Я тебе обещаю.

Она уткнулась мокрой от слез щекой в его воротник и почувствовала себя в безопасности. В его сильных мужских объятиях никто и ничто не сможет причинить ей боль. Во всяком случае, никакие внешние силы не смогут, но боялась она лишь одного – боли в сердце.

Она отстранилась от него, вытирая щеки рукой.

– Извини, – по-детски шмыгая носом, сказала она.

– Не надо извинений.

Он кончиком пальца смахнул последнюю слезинку с ее щеки. Как бы удивилась она, если бы узнала, что ему нравилось наблюдать ее слабость. Ее слабость означала, что теперь на первый план выйдет его сила, а это ему было важнее всего.

– А что произойдет, если ты скажешь им, что не хочешь возвращаться на работу? По крайней мере, в обозримом будущем?

– Вероятно, это будет концом моей карьеры. У зрителей очень короткая память.

– Да, твоя карьера. Твоя проклятая карьера, – тихо сказал он. – А когда родится ребенок? Кто будет ухаживать за твоим сыном или дочерью, если каждый день машина будет уносить тебя в студию?

Она взглянула на него. Он был так близко, так близко для поцелуя, но она не осмеливалась.

– Я уже ничего не знаю, – прошептала она. – Даже не знаю, насколько мне нужна моя карьера. – Ее глаза вызывающе сверкнули. – Полагаю, это для тебя шокирующее признание?

Это было лучшее, что он слышал от нее за последнее время, но он был слишком умен, чтобы признаться в этом.

– Почему же! С какой стати?

Она пожала плечами, размышляя о том, что женщина, которая так его привлекала, была умной, целеустремленной карьеристкой.

– Славная у меня работа, но все же слишком меня ограничивает.

– Ни одна работа не должна ограничивать человека. Но ты не ответила на мой вопрос, – настойчиво продолжал он. – Что будет, когда родится ребенок?

– У меня нет выбора. Я должна работать.

– Вот здесь ты ошибаешься, Ева. У тебя есть выбор. Ты можешь переехать в Италию. Если станешь моей женой.

Наступила долгая мертвая тишина.

– Постой, – сказала она после паузы. – Ты действительно так думаешь?

– Я никогда не говорю того, чего не думаю. И поверь мне, что дважды я такие вещи не

предлагаю.

Она откинулась на подушки.

– Я просто пытаюсь понять, это правда?

– Правда ли это? – Он провел пальцем вдоль линии ее подбородка. – Я хочу, чтобы ребенок родился в Италии. И я хочу смотреть, как он растет.

По крайней мере, он не врал. Не говорил, что любит ее, что жить без нее не может.

– Полагаешь, этих причин достаточно, чтобы жениться? – спросила она чужим дрожащим голосом.

– Не могу придумать лучших, – просто ответил он. – Какая альтернатива? Чтобы ты растила ребенка здесь и одна? – Он нахмурился. – Или, может быть, не одна. Думай обо мне что хочешь, Ева, но мысль о том, что посторонний мужчина будет воспитывать моего ребенка, вызывает у меня раздражение. Лучше сказать дикую ярость.

Она кивнула. О да, она это видела. Его обуревали чувство собственности и эгоизм, но, по крайней мере, у него хватило мужества признаться в этом. Он не знает, что сложившаяся ситуация никогда не изменится. У нее больше никогда не будет мужчин после него. Кто может сравниться с Лукой Карделли?

Мысль о том, что он не сможет терпеть другого мужчину, наводила на противоположную – сможет ли она терпеть другую женщину? Представить себе, что Лука женится и ей придется присылать ребенка к ним на выходные, каникулы и, еще хуже того, на каждое второе Рождество. Другая женщина станет мачехой ее ребенку. Оказывается, чувство собственности присуще не одному Луке.

Но стоит ли ей терять время и увеличивать пропасть между ними, чтобы в один прекрасный момент вопрос, женится ли он на другой, стал просто вопросом времени?

Она не могла не задуматься о том, что он ей предлагает. Как ни крути, это больше, чем просто замужество. Это новая жизнь в совершенно новой стране.

– Рассматривай это как приключение! – Он словно прочитал ее мысли. – Красивая страна, красивый город. – Его глаза засияли, а голос стал мягким, как бархат. – Я легко смогу влюбить тебя в мой город, Ева.

Она не сомневалась. Он смог влюбить ее в себя, даже не пошевелив пальцем. Но Лука был горячим мужчиной, и существовала еще одна сторона замужества, которую так и не обсудили. Сторона, которая могла все перевернуть с ног на голову, и их жизни тоже.

– Когда ты говоришь, замужество...

Он увидел, как она прикусила губу.

– Опасаешься, что я начну предъявлять свои "права"? – мягко, но с издевкой спросил он.

– Ну, а ты начнешь?

Ответ был тоже не без издевки, и кто знает, как он мог на это отреагировать.

Но он счел, что лишь суровая необходимость вызвала ее вопрос, который повис в воздухе как косвенное обвинение.

У него в висках застучало.

– Я ничего не буду от тебя требовать, Ева, – вкрадчиво ответил он. – Если ты беспокоишься об этом.

Могло ли все быть еще более запутанным, чем сейчас, задала она себе вопрос. Все произошедшее никак их не сблизило. Лука не проявлял никаких признаков того, что хочет быть с ней вместе, быть физически, с того самого момента, когда она объявила ему, что беременна. Сначала она списывала это на его раздражение, но теперь, когда он успокоился, он по-прежнему не намекал на это. Что могло означать только одно – он больше не находил ее сексуально привлекательной. Нет, были и моменты, когда она ловила на себе его горячий и голодный взгляд, и это вселяло в нее слабую надежду. Увы, она знала, что у мужчин все по-другому. Порою они на автомате реагируют на женщин. Хотя, принимая во внимание ее нынешнее состояние – с опухшими лодыжками, с разросшимся животом, – может, ей это просто показалось?

А теперь он еще заявляет, что не будет от нее ничего требовать. Это значит, что он ждет от нее первого шага? Получается, что она – неуклюжая, непривлекательная и пузатая – должна делать попытки к примирению, которые он еще может отвергнуть! А может, он не станет ничего требовать, поскольку просто больше не хочет ее и не захочет никогда?

– Ты обдумываешь, менять ли свое решение? – пробормотал он в задумчивости.

– Я еще не принимала никакого решения.

Он рассмеялся, и этот смех сыграл свою роль. Заставить рассмеяться такого мужчину, как Лука, уже что-то означало. Она любила его, ждала от него ребенка, и он предложил ей выйти за него замуж. Была ли хоть одна причина не принимать его предложение?

Стоило ли ей цепляться за то, что было у нее здесь, за ее великую работу, которая вдруг съежилась, словно на нее смотрят в перевернутый бинокль, после известия о колоссальном событии – рождении новой жизни на земле?

Она улыбнулась.

– Какую ты собираешься устроить свадьбу?

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Со всеми необходимыми приготовлениями свадьба могла состояться не раньше чем через месяц.

Это было крайним сроком, когда беременным можно летать на самолете.

Нужно было получить разрешение на брак, купить платье и организовать прием.

Хотя выбор платья был сильно ограничен ее специфическими размерами.

– Ты выглядишь чудесно, – сказала Лиззи.

– Лгунья! Я выгляжу как гигантский кит!

– Не правда! А даже если бы было и так, то кому какое дело, ведь ты выходишь замуж за Луку! – вздохнула Лиззи. – Он и так любит тебя, как бы ты ни выглядела!

Ева не хотела разочаровывать ее. Какой смысл?

Она взяла Лиззи с собой в Лондон, где, вооружившись баснословной суммой денег, наняла модного, энергичного дизайнера, чтобы тот, как по волшебству, превратил ее из Золушки в принцессу. Результатом стало платье–пальто из тонкого кашемира цвета нежной слоновой кости, умело маскирующее живот. К платью подобрали шикарную шляпу.

– Она сделает акцент на глазах, – сказал дизайнер, которые так и светятся беременностью!

Последним штрихом стал ароматный и экстравагантный букет, который тоже отводил взгляд от живота. Убор невесты получился эфемерным, думала Ева, глядя на себя в огромное зеркало. Но что точно не было иллюзорным – это факт замужества сам по себе.

Решившись на это однажды, она не станет отступать в последний момент.

На следующий день после того, как согласилась на предложение Луки, она пошла на работу и рассказала там об этом. К несчастью, кто-то позвонил в местную прессу.

В ЕВЕ НЕ ЧАЕТ ДУШИ ИТАЛЬЯНЕЦ! – сообщалось в ближайшем номере ежедневной газеты "Саут Гэмпшир".

– В каком-то смысле я тобой восхищаюсь, – сказала ей Клер с оттенком зависти. – Отказаться от всего этого ради любви. И замужества.

И ее тоже Ева не захотела разочаровывать.

Во время последней программы она объяснила, что выходит замуж и переезжает в Рим.

– Почему ты выглядела такой тоскливой, когда говорила это, сага? – спрашивал Лука, который смотрел передачу. – Это было неподдельным чувством или просто хорошей игрой?

Выходит, он считал ее актрисой. Способной скрывать эмоции под маской профессионализма. А коли так, то не окажется ли это качество полезным в течение многих последующих месяцев?

Свадьба состоялась в Хембле, в том самом яхт-клубе, где она впервые увидела Луку. Девушка того же возраста, что и Ева в свое время, обслуживала их: приносила шампанское и креветки, и Ева подумала, какой душераздирающе юной она тогда выглядела.

Это был небольшой торжественный прием, с Лиззи и Майклом, с Кейси в качестве подружки невесты.

Даже сестра Луки София смогла прилететь, оставив ребенка с мужем дома. Ева волновалась, как пройдет знакомство, но нервы ее были уже до предела ослаблены, и она лишь думала о том, был ли слышен ее голос во время церемонии.

Она чувствовала себя странно, как будто все это происходило с кем-то другим. Ей представлялось, что она спрятана в огромном полупрозрачном пузыре, который защищает ее от всего окружающего мира. И хотя ее сердце страдало от любви и страстного желания, брачные обеты,

которые они давали друг другу, казались пустыми словами, потому что они и правда ничего не означали. По крайней мере для Луки.

И горькой иронией оказался тот факт, что она, всю жизнь считавшая себя современной женщиной, теперь старомодно выходит замуж по расчету.

Потом Лука взял ее за руки и едва прикоснулся к ее губам в поцелуе, который также ничего не означал, потому что в нем не было обещания. Сдержанная правилами этикета страсть новобрачных была не про них. Им же оставался лишь холодный поверхностный поцелуй, чтобы свадьба выглядела так, как это принято.

– Ты прекрасно выглядишь, – тихо сказал он.

Но какая невеста будет чувствовать себя красивой на таком позднем сроке беременности?

Однако София обняла ее как сестру и провела рукой по животу с радостью. Было видно, что она испытывает скорее гордость, чем стыд за нее.

– Веди себя как он, – сказала она, когда лепестки роз и рис полетели по ветру к воде. – Всю жизнь он ведет себя как хочет. Увидимся в Риме, когда ты устроишься, sì?

– Устроюсь?

Ева не была уверена, что когда-либо почувствует себя устроенной. Однако, когда они стояли перед апартаментами Луки, а он, сверкая черными глазами, посмотрел на нее, она изменила свою точку зрения.

– Хочешь, я перенесу тебя на руках через порог, Ева?

– Это не только английский, но и итальянский обычай? – затаив дыхание, спросила она.

Он улыбнулся.

– Конечно же, пойдем.

Он поднял ее на руки и внес в квартиру.

– Опустите меня, я слишком тяжелая, – запротестовала она.

– Не для меня, – возразил он.

Это было правдой, он был сильным мужчиной. В этот момент они были близки друг к другу, как никогда в течение последних месяцев. Ева подумала, не слышит ли он биение ее сердца? Он нес ее, держа одну руку под коленями, а другой придерживал ее располневшую талию. Прильнув к его груди, она вдыхала сырой, грубый запах мужчины, чувствовала его сильное тело, напрягшееся под ее весом.

Если бы это была настоящая свадьба, он бы отнес ее прямо в спальню, положил на кровать, медленно раздел и занимался бы с ней любовью до первых утренних лучей.

Но это не была настоящая свадьба. Вместо этого Лука аккуратно посадил ее в центре просторной гостиной, словно она была хрупким ценным сосудом.

Еве казалось, что он ее так и воспринимает. Она носила внутри себя его ребенка, а ведь ничто не может быть ценнее для мужчины, у которого уже есть все.

За окном открывалась ошеломляющая красота ночного Рима, но она ничего не замечала. Все, что она могла видеть и чувствовать, – это был он. На нем до сих пор был темный изящный свадебный костюм, в то время как сама она настояла на том, чтобы переодеться во время перелета во что-то удобное и домашнее.

– Так удобнее и проще, – объяснила она в ответ на его вопросительный взгляд, словно бы она собиралась появиться на званом вечере в костюме клоуна.

Но истинной причиной было то, что она не представляла, как пройдет сквозь толпы поздравляющих их людей, которые станут поднимать вокруг них шумиху в самолете. Она не хотела вести себя как счастливая новобрачная, потому что в действительности это было не совсем так. А может быть, и вовсе не так.

Он прищурил глаза.

– Так и быть, сага, – мягко сказал он. – Твой комфорт сейчас на первом месте.

И вот они здесь, она готова начать новую жизнь.

Но до сих пор непонятно, как они договорятся спать.

Он заметил ее настороженный взгляд и подумал, что она напоминает загнанного в угол зверька. Неужели она боялась, что он затащит ее в спальню, чтобы все-таки осуществить свои супружеские права?

– Хочешь посмотреть свою комнату?

– С удовольствием, – живо сказала она. – Я так устала, что готова проспать целую веч-

ность!

– Целую вечность? – повторил он сухо.

В любое другое время в любой другой ситуации Ева бы ахнула от восхищения, попав в такую спальню. Она была идеальна. Полная света комната, обставленная в кремовых и нежных персиковых тонах.

Но Ева мысленно видела его спальню. Уже разделяла с ним его просторную кровать, где сегодня ночью ему предстояло спать одному. На какую-то короткую бредовую секунду она уже повернулась к нему, чтобы положить свою руку на его и робко сказать, что она хочет провести эту ночь с ним. Но сразу же отошла, чтобы задернуть шторы. В глубине души она немного успокоилась, понимая, что если они займутся любовью, то опять все изменится: она пошатнется, потеряет равновесие, вновь станет ранимой и уязвимой, а этого никак нельзя было допускать. Нельзя было так рисковать, слишком много от этого зависело.

Она отошла от окна. В комнате настал полумрак, в котором можно было различить высокую, худую фигуру – он был похож на незнакомца в незнакомой комнате в незнакомом городе.

А ведь так оно и было, мучительно подумала она.

– Спокойной ночи, Ева, – нежно сказал он.

– Спокойной ночи, Лука.

– У тебя есть все, что тебе нужно?

– Да. Спасибо.

Она стояла на одном месте, слушая звуки удаляющихся шагов, пока не услышала тихий звук закрывающейся двери спальни, и это прозвучало очень грустным сигналом.

Ева вздохнула, глядя надвое новехонькое блестящее свадебное кольцо, и начала раздеваться.

Но когда она проснулась утром и открыла шторы, у нее перехватило дыхание от города, который предстал перед ней. Потрясающий вид не мог не поднять ей настроение. По-другому и быть не могло. Она подумала, что это похоже на картинку с открытки. Ей еще так много предстояло узнать. Она приняла душ, оделась и побрела на кухню, где на столе стояла корзина со свежее испеченным хлебом, в воздухе витал волнующий аромат хорошего кофе, а рядом стоял Лука и выжимал апельсины.

Он печально посмотрел на нее.

– Надеюсь, все как надо?

Она села, неожиданно почувствовав голод.

– Выглядит великолепно.

Она вспомнила время, когда осталась у него и поразились, что в его холодильнике не было ничего, кроме двух бутылок шампанского и банки с икрой. Тогда он водил ее на завтрак в близлежащее кафе, объясняя это тем, что никогда не ест дома.

– Ты теперь завтракаешь дома? – спросила она, наливая себе кофе.

– Первый раз в жизни я ходил в магазин за такими вещами, – произнес он с видом человека, который совершил невыполнимую миссию. – Думаю, теперь это станет нормой.

Непроизвольно она положила руку на живот.

– Хм, да уж, – сказала она.

Он тоже хмыкнул.

– В семьях должна быть еда, поэтому мне стоит научиться ходить по магазинам. И готовить.

У него было выражение человека, который только что объявил, что готов прыгнуть в яму со змеями.

Ева улыбнулась.

– Если ты будишь ходить по магазинам, я с радостью буду готовить.

– Ты умеешь готовить?

Она посмотрела на него с насмешливым укором.

– Разумеется, я умею готовить! Я люблю это дело. – Она отважилась. – Могу тебя научить, если захочешь.

Чтобы женщина его учила!

– Хотя, конечно, едва ли ты станешь терпеть, если женщина начнет давать тебе распоряжения.

Он поймал ее взгляд.

– Думаю, я смогу пережить, если ты будешь мной распоряжаться, Ева.

Она поспешно разломила теплый, ароматный хлеб. Ей надо быть начеку и сдерживать эмоции, поскольку даже такое мимолетное замечание заставляло ее сердце бешено биться, словно он изъявил готовность достать пару звезд с небес, а заодно и луну.

Он сел напротив нее, с удивлением обнаружив, что чувствует себя расслабленно. Для него было непривычным завтракать с женщиной у себя дома, да еще не поглядывая на часы и не думая с оттенком досады, когда же она, наконец, покинет его личное пространство.

– Я записал тебя к гинекологу на завтрашнее утро, – сказал он и добавил, – она лучший в городе специалист.

Ева подумала, что этого можно было и не говорить. Это и так ясно как день. Все самое лучшее будет теперь у ее ног, и она должна постараться это оценить. Не следует только ждать, чтобы все было идеально, потому что такого не бывает.

– Думаю, надо устроить небольшую вечеринку, чтобы ты смогла познакомиться со всеми сразу, как ты считаешь?

Это было ее первое серьезное право входа в его жизнь. Весь круг умных и искушенных жизнью друзей Луки – как они ее примут? Об этом она совсем не подумала. Вопрос, что подумают они. И все же он был прав. Даже если это брак по расчету, ему совсем не обязательно говорить об этом друзьям. Они смогут лишь подозревать это. Заметят ли они, что он не прикасался к ней? Что в их отношениях столько же ласки, сколько у одноклассников? Она помешивала кофе.

– Лука.

Он поднял глаза. Ее волосы были распущены, утренние лучи разливали на них свой свет. Он никогда раньше не видел столько оттенков на одной голове, ее волосы напоминали смесь черной патоки, меда и теплого янтаря. Ее серо-зеленые глаза светились, ресницы были длинными и пушистыми. Она выглядела цветущей, свежей и здоровой. Как ни странно, все это было весьма привлекательно, все это было очень сексуально. Впрочем, чего ж здесь странного? Он не смыкал глаз всю ночь, представляя, как она лежит в соседней комнате. Полночи он размышлял, как она оделась ко сну. Была ли у беременных женщин необходимость спать в какой-либо одежде?

– Я бы хотела изучать итальянский. Чем скорее, тем лучше.

Это ему понравилось.

– Все мои друзья знают английский, – сказал он. – А также испанский.

– Да, я догадываюсь.

– А ребенок еще не скоро начнет лопотать, – он словно бы слегка поддразнивал ее.

– Это я тоже знаю! Но не хочу быть одной из тех женщин, которые, переезжая в другую страну, позволяют мужу постоянно говорить за них.

– Не могу себе и представить, чтобы ты позволила кому-то что-то вместо тебя сказать, Ева, – заметил он с оттенком легкой насмешки. – Но, конечно же, я найму тебе репетитора. Это лучше, чем ходить на занятия. Особенно сейчас, ты согласна?

Она кивнула. Как легко было решать с ним такие вопросы и разговаривать о бытовых проблемах. И как легко сдерживать чувства. Задвигать их подальше, так, чтобы они не нарушали существующее положение вещей.

– Интересно, как наш ребенок начнет разговаривать? – задумчиво проговорил он.

– Слишком не скоро это будет. Сейчас сложно представить, – неуверенно ответила она.

– Разумеется. Но я только что подумал, что его или ее первым языком должен быть английский. Тебе так не кажется? Родной язык матери.

Он подумал, что если бы Ева осталась в Англии, у него вообще не осталось бы никаких шансов быть вместе с нею. Все было бы лживым, ненастоящим, разочаровывающим и бесполезным. Внезапно он осознал, на какую жертву она пошла, приехав сюда, чтобы начать все заново в незнакомой стране.

Она улыбнулась.

– Мне трудно возражать против такой идеи.

– Нам надо обдумать, как украсить комнату, – озабоченно пробормотал он.

– В голубых или розовых тонах?

Она чуть пригасила улыбку. А что, если он втайне надеется, что будет мальчик? Что, если

его ожидания не оправдаются?

– Кого ты хочешь, мальчика или девочку?

Он нахмурился, словно вопрос удивил его.

– Мне не важно, кто родится. Меня волнует лишь одно.

– Да?

Их глаза встретились, и она вновь улыбнулась.

– Здоровье ребенка. Об этом молится каждый родитель.

– Еще бы! – Она огляделась, посмотрела на него. – Комната пока будет желтой?

– Желтой? Si. Giallo.⁹ – Уголки его глаз засветились хитрой улыбкой. – Повторяй за мной.

– Gi-allo.

– Вот твой первый урок итальянского!

Засмеявшись, он свободно откинулся в кресле и прищуренными глазами посмотрел на ее соблазнительную высокую грудь.

– Что ты хочешь делать сегодня? Может быть, совершим экскурсию по городу?

Она уже задумывалась о своих желаниях. Чего она действительно хотела и по чему безумно тосковала – это по нормальной жизни. В последнее время ее жизнь была ненормальной. И даже если нормальная жизнь – слишком большое требование, она готова была молить о малом – ей не хотелось сильных перемен.

– Ты познакомишь меня с окрестностями? – спросила она, одновременно опасаясь, не покажется ли ее предложение заурядным и скучным столь светскому и блестящему мужчине, как Лука. – Покажешь мне ближайшие магазины? Где можно найти газеты и так далее. Мы могли бы, если хочешь, купить продукты на ужин? Можно раздобыть это где-нибудь рядом?

Он с готовностью кивнул.

– Тут неподалеку al mercato di Campo de Fiori,¹⁰ а там полно магазинов.

– Заманчивое предложение.

Но ее грызли сомнения, насколько заманчивым это покажется ему. Она кое-что знала о его образе жизни. Человек с вечно пустым холодильником, который редко ест дома, много путешествует и любит модные места.

– Лука?

– Что, Ева? – серьезно спросил он.

Она перевела дыхание.

– Я хорошо представляю себе твои привычки. Знаю, тебя часто не бывает дома, быть может, каждую ночь. Ты не должен привязывать себя к дому только из-за меня.

– Ты хочешь сказать, что готова тусоваться по ночам?

– В моем положении? – Давно она так весело не смеялась. – Боюсь, я слишком большая и неуклюжая, чтобы посещать модные ночные заведения Рима!

Он, словно не слыша ее смеха, нахмурился.

– Ты имеешь в виду, чтобы я ходил туда один?

– Если сам этого желаешь. Просто хочу, чтобы ты знал, – я не собираюсь ограничивать твою свободу действий. Ты не должен чувствовать себя привязанным только лишь из-за ребенка.

Он пристально на нее посмотрел. У нее что, красный диплом по психологии? Или просто потрясающая интуиция, чтобы так ловко уметь манипулировать мужчинами? Теперь, когда она предложила ему свободу, он вовсе не хотел быть свободным!

– Я уже давно не мальчик, – мрачно сказал он, – модные ночные заведения давно уже меня не интересуют. И я тебе скажу, чего я желаю. Хочу быть дома. С тобой.

– Уверен, что тебе это не наскучит?

– Поживем – увидим.

Звучала ли в его голосе насмешка? Пожалуй, нет.

– Ситуация для тебя новая, не так ли?

⁹ Желтый (ит.).

¹⁰ Супермаркет Кампо де Фиори (ит.).

– Еще какая.

Их глаза встретились.

Он восхищался ее умом, а также чувством юмора. Ребенку очень повезло, что у него будет такая мать, вдруг подумал он.

– Я рад, что ты здесь, Ева.

Дрожащей рукой она поставила чашку кофе на стол. Он просто старается быть вежливым, и надо отплатить ему тем же. Она улыбнулась.

– Я тоже рада, что я здесь.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

– Мы не будем готовить каждый вечер, – сказал Лука утром. – Нет смысла.

Ева какое-то время не отвечала. Ребенок задвигал ножкой внутри ее живота, она сидела и наблюдала за этим. Потом подняла голову.

– Хочешь сказать, что прошлый вечер был похож на бедствие?

Он отрицательно покачал головой. Простой ужин, который они ели на террасе под звездами, был безупречен. В ее компании ему было приятно и интересно, и, поскольку секс был исключен, ему оставалось лишь вести беседу, а это было для него менее знакомой почвой. Не то чтобы Лука не был склонен к разговорам с женщинами, просто он привык разговаривать с ними сугубо функционально. Можно разговаривать с женщиной, с которой имеешь дело по работе. Можно вести легкую светскую беседу с девушкой, чтобы затащить ее в постель. Можно, наконец, болтать с женами друзей. С ними гораздо легче разговаривать, потому что они не воспринимают тебя как потенциального партнера, что делают все остальные женщины.

Но он был мужчиной до мозга костей и почти никогда не вел с женщинами беседу ради беседы. С Евой ему пришлось это делать, и прошлым вечером он понял, почему она сделала такую карьеру на работе. Он уговорил ее рассказать о своей профессии, что она всегда делала с неохотой. До него дошло, наконец, что работать на телевидении совсем не легко и что профессионализм как раз и заключался в том, чтобы это выглядело легкой работой. Далеко не каждый способен справиться с непредсказуемым интервью в прямом эфире, когда тебе параллельно в наушник поступают инструкции нон-стоп от студийной бригады.

– Ты когда-нибудь захочешь заняться этим снова? – осторожно спросил он.

В Италии? С ребенком? Кто знает, чего она вдруг захочет? И разве люди всегда получают то, чего хотят? Чувствуя себя в безопасности из-за беременности, Ева позволила себе ни к чему не обязывающий ответ:

– Посмотрим.

Лука пристально на нее смотрел, наблюдая, как она мечтательно следит за движениями ребенка.

– Нет, Ева, ужин не был похож на бедствие.

Бедствие было слишком мягким словом. Больше подходило слово "безумие".

Казалось безумным, что им приходилось расставаться в конце вечера и идти спать в разные спальни.

Или безумием ему казалось ворочаться и крутиться на кровати, думая о том, как беременность преобразила женщину, сделала ее еще красивее, чем раньше.

Она стала спелым сочным персиком. Он хотел лежать рядом с ней. Нет, не для того вовсе, чтобы заняться любовью. Внутренний голос говорил ему, что противопоказано заниматься сексом с беременной женщиной. Но он просто хотел прижать ее к себе. Обнимать ее руками и гладить ее шелковые блестящие волосы. Страстно проводить пальцами по ее большому животу.

– И твоя, и моя свобода будет ограничена ребенком.

– В будущем – несомненно. Зато ближайшие несколько недель – время свободы, – спокойно заметила она.

– Да, ты права. Самое время заняться делами! Только вот чем? Может, на время стать туристами?

– О, это я с радостью, – сказала Ева.

Может, им и вправду стоит больше времени проводить вне дома. Одному Богу известно, как трудно быть все время рядом с ним и в то же время держать его на расстоянии. Испытывая

при этом непреодолимое желание, чтобы он прикоснулся, поцеловал ее или дал хоть какой-то намек на то, считает ли он ее сексуально привлекательной.

Он показал ей Рим со всех сторон. Отвез во все потайные места его детства: темные лазейки, солнечные уголки.

– Не очень-то мы похожи на стандартных зевак-туристов, разве не так? – спросила она, когда они медленно прогуливались по укромному саду, где царил аромат роз. – Ни один турист не найдет такой запрятанный уголок.

– Да, но это настоящий Рим. Для римлян.

Ева почувствовала внезапную острую боль. Их ребенок вырастет, узнает все тайны Рима, как коренной житель, а она никогда им не станет.

– Ева, – мягко сказал он, – что с тобой?

О, я боюсь того, что может преподнести будущее, хотела она сказать ему. Но не сказала. Она должна была учиться справляться со своими страхами и не перекладывать их на Луку.

– Ничего, – так же нежно ответила она.

Они ужинали с Патрицио, старым другом Луки, и его женой Ливви, которая сразу повела себя так, чтобы Ева почувствовала себя как дома. У Ливви был ребенок, только начинающий ходить. Ева обрадовалась, что у друзей Луки тоже есть дети.

Постепенно она начинала чувствовать себя все более спокойно.

Но одним звездным вечером, когда они шли домой из кофейни, Ева неожиданно остановилась от ужасного спазма в животе.

– Ай!

Лука взял ее за руку.

– Что такое?

Она увидела, как побледнело его лицо, и покачала головой.

– Ничего страшного. Наверное, пирожное... Ой, Лука... Лука, мне больно!

– Madre de Dio!¹¹ – воскликнул он с итальянским темпераментом и внимательно посмотрел на Еву. – Я же говорил, надо было ехать на такси!

Он поднял руку. Тут же подъехало такси, словно ожидало его сигнала.

Ева до сих пор почти ничего не понимала по-итальянски, но даже она поняла слово "ospedale".¹²

– Лука, я не поеду в больницу!

– Sì, сага, – возразил он, – поедешь!

Она смотрела на него пристальным взглядом.

– Поехали!

– Нет, – упрямо сказала она. – Ребенок должен родиться только через две недели. Я хочу домой!

Его ярость была смягчена тем, как она произнесла слово "домой".

– Хорошо, – согласился он. – Мы едем домой. Но нас навестит врач, и он решит, что делать. – Он увидел, как она уже открыла рот, чтобы что-то возразить. – Он решит, что делать, Ева, – сказал он голосом, не оставляющим шанса для дальнейшей дискуссии.

– Это будет пустой тратой его времени.

Но Ева ошибалась, а Лука и врач оказались правы.

Это не было ложным сигналом. Ребенок очень скоро должен был родиться.

Все случилось быстро и сопровождалось резкими приступами боли, которые становились невыносимыми.

– Дайте мне обезболивающую таблетку! – задыхаясь, просила она, когда ее катили в родильную палату.

Но было уже слишком поздно для обезболивающего лекарства, а также для всего остального. У нее начались роды, и акушерка громко говорила ей что-то на незнакомом языке.

– Spinga, signora! Spinga, ora!¹³

¹¹ Матерь Божья (ит.).

¹² Больница (ит.).

¹³ Тужьтесь, синьора, тужьтесь, умоляю вас! (ит.).

– Лука! Мне так страшно! Что она говорит?

– Она говорит, чтобы ты тужилась, сага. Ты не должна бояться. Доверяй мне, я здесь, с тобой.

– А! А–а!

Она крепко сжала его руки, впиваясь в него ногтями, но он этого почти не заметил.

– Ты молодец, – подбадривал он. – Просто умница.

Он что–то резко сказал акушерке на итальянском, и она тут же заговорила на ломаном английском:

– Сделайте еще одно усилие, signora. Еще разок. Глубоко вдохните.

– Давай, сага! – мягко уговаривал ее Лука, заметив, как меняется ее лицо. – Давай!

Ева отдернула руку, откинула назад голову, издала еще один неистовый крик, и Лука увидел, как на свет появляется ребенок.

– Вот ваш малыш, – сказала акушерка и ловко взяла младенца.

Он смотрел в изумлении. Маленькая влажная черная головка и продолговатое, испачканное тельце.

Земля остановилась у него под ногами, пока акушерка суежилась, обрезая пуповину и вытирая слизь с носика ребенка.

Ева полусидела на кровати, вспотевшие волосы спадали ей на лицо. Она внимательно наблюдала за действиями акушерки.

Какое–то время стояла тишина, пока малыш громко и горестно не закричал. У Евы полились слезы облегчения. Акушерка победоносно держала на руках младенца.

– У вас родился сын, синьор и синьора! – с этими словами она запеленала его в одеяло и положила Еве на грудь.

Лука отвернулся, чувствуя непривычный комок в горле, но сейчас Еве, как никогда, нужна была его поддержка. Он видел, как она страдает, слышал, как кричит от боли, когда, сопровождаемый невыносимыми спазмами, появился на свет малыш. Впервые в жизни он обнаружил, что его жизненный опыт здесь бессилён. Но это не опечалило его, потому что только что на его глазах произошло чудо. Истинное чудо.

Светясь от счастья, Ева наблюдала за малышом, которого кормила грудью, а потом бросила взгляд на Луку, но тот пристально смотрел в окно. Он нужен был ей прямо сейчас, но ее нужды больше не были первостепенными. И внезапно ей все показалось неважным. Все, кроме материнства.

Она пристально изучала крохотное создание.

– Привет, малыш, – нежно сказала она. – Привет, Оливьеро.

Оливьеро Патрицио. Удивительно, как ему подходило то имя, которое они для него придумали. Может, потому, что все вокруг него было идеальным. Она высунула палец, и крошечная ручка ребенка обхватила его.

Лука обернулся, дрожь его еще не оставила. В изумлении смотрел он на эту картину – мать с ребенком. Малыш сосал грудь, а она нежно говорила что–то воркующим голосом. Она выглядит как Мадонна, думал Лука, глядя, как эти двое создали вокруг себя волшебное кольцо и не пускали в него больше никого.

Ева поймала его взгляд.

– Лука, хочешь поддержать его? – спросила она.

– Он больше не голоден?

Акушерка рассмеялась.

– Такой большой малыш всегда будет голоден! Поддержите его, синьор, пусть познакомится с отцом!

Лука всегда брал на руки своего крохотного племянника с самоуверенной легкостью, но сейчас был иной случай. Он наклонился, и Ева осторожно передала драгоценный сверток ему в руки. Она смотрела на них двоих, пораженная тем, как сильный, властный мужчина может вдруг стать рабом крошечного малютки.

Лука смотрел на сына сверху, а малыш открыл глаза и устремил на него взгляд снизу.

– Я умру за него, – сказал Лука, слабо осознавая, что говорит это вслух. – Мой маленький

Оливьеро Патрицио.

Ева откинулась на подушку. Впервые за долгое время она почувствовала себя в этой стране как дома. До этого она жила в нереальном и замкнутом мире беременности. Она даже думала, что если это чувство замкнутости не исчезнет и после рождения ребенка, то они спокойно разведутся и она вернется в Англию. Теперь она ясно видела, что до этого не дойдет. Чувство гордости смягчило суровое и прекрасное лицо Луки. Он готов умереть за сына. Она это знала. С какой бы стороны ни смотреть на ее пребывание здесь – как на золотую клетку или же как на брак по расчету, – ей в любом случае не стоит падать духом. Судя по всему, она останется здесь надолго.

Она почувствовала усталость и закрыла глаза.

Через шесть дней малютку Оливьеро забрали домой, в квартиру, которую обустроил для него Лука.

Там повсюду были цветы – розы, лилии и тюльпаны, яркие и ароматные, поражающие своей красотой и количеством. В желтой детской комнате повсюду были воздушные шарики и куча поздравительных открыток. А изящные подарочные коробочки, голубые, серебряные и золотистые, ждали новорожденного. Все выглядело так, будто их собиралась навестить звезда Голливуда, и Ева сочла этот антураж даже излишним.

Она вспомнила, что это квартира бывшего холостяка, лишь, когда поднималась на лифте в пентхаус.

Она подумала о былых белых стенах и матовом стекле и вздрогнула, представив, как бы там бегал неугомонный малыш.

Лука внес ребенка и положил переносную детскую кроватку на кофейный столик.

– Малыш отлично спит, – тихо заметил он. – Ты хорошо его кормишь, Ева.

От неловкости она покраснелась и отвернулась.

Он говорил это как что-то сокровенное и интимное, но что может быть более интимным, чем тот факт, что он был свидетелем рождения малыша? Он видел ее в самом неприкрытом, уязвимом, нагом и незащищенном виде, когда она вдобавок ко всему была до смерти напугана.

Лука заметил, что она избегала его взгляда, и прищурился. Так тому и быть. Если она хочет быть от него на расстоянии, то и он будет на расстоянии.

– Ты голодна? – спросил он.

Первым ее желанием было сказать «нет», но она знала, что ей необходимо поесть, и кивнула.

– Только сначала хорошо бы принять ванну.

– Разумеется, – согласился он. – Садись, я сделаю тебе ванну.

Она поняла, что обидела его, но не знала, чем.

– Не надо, я сама...

– Ева, садись, – повторил он суровым тоном. – Ты и так вымотана.

Она робко села, глядя на малыша, мирно спящего в кроватке. До нее донесся звук бегущей воды.

– Ванна готова.

Она взглянула на Луку. Он стоял у двери и выглядел каким-то раздраженным, угрюмым и безрадостным. Конечно, было бы странно, если бы они сразу идеально вписались в свои новые роли отца и матери, но дистанция между ними лишь усиливала это чувство странности. Ева не знала, как ее сократить и сможет ли она когда-нибудь это сделать.

Она медленно поднялась на ноги. Все еще пребывая в стадии неосознанной боязни за ребенка, она задержала на Луке беспокойный взгляд.

– Ты присмотришь за Оливьеро?

Его взгляд стал ожесточенным. А что, она думала, он будет делать? Пойдет гулять на площадь Испании?

– Естественно, – коротко бросил он.

Она не могла припомнить, когда еще видела его таким нервным и взвинченным. Возможно, причиной было само рождение ребенка. Это стрессовый период и для мужчины, она не должна была об этом забывать.

Ванна и мытье головы сделали свое дело, и она почувствовала себя намного лучше. Через мыльную воду и пузыри она рассматривала свой живот, который казался ей удивительно плоским. Конечно, он не был таким плоским, как раньше, но при сложившихся обстоятельствах был

явно не худшей формы. Акушерка сказала ей, что она из тех счастливых женщин, которые возвращаются в джинсы через месяц после родов. Ева на это сильно надеялась.

Во время беременности она придерживалась простого и здорового питания и не хотела запускать себя. В собственных интересах, поскольку в кругу друзей Луки все женщины были утонченными и грациозными. А может, ради Луки? – подсказывал ей внутренний голос.

Ты же хочешь, чтобы ему было приятно смотреть на твое стройное тело? Она спустила воду и вылезла из ванны, вытирая последние капельки воды. Подойдя к зеркалу, она внимательно посмотрела на свое лицо. Что будет теперь? Попытается ли Лука стать ее мужем в самом главном смысле этого слова, теперь, когда она больше не носит ребенка? Конечно, не сегодня. Но как все это сложится в ближайшее время?

Она натянула вельветовые брюки, спрятав их эластичный пояс под длинной шелковой темно-зеленой рубашкой, которая хорошо оттеняла ее зеленые глаза, высушила волосы феном, уложила их и отошла подальше от зеркала, чтобы полюбоваться своим отражением.

Выйдя из ванной, она увидела сервированный Лукой стол, на котором, к ее удивлению, горели свечи.

На столе были салат, спагетти, инжир и белые персики. Во льду лежала бутылка шампанского.

У нее неожиданно пересохло во рту.

– Выглядит, очень мило, – сказала она, преодолевая смущение.

Он мельком взглянул на нее, сдвигая фольгу с бутылки. Без его внимания не осталось то, как растерянно она глянула на вино. Наверное, подумала, что он хочет ее напоить, ждет, что она потеряет бдительность. Его губы приняли суровое очертание, когда он разливал шампанское по бокалам.

– За что выпьем? – спросила Ева.

За любовь, подумала она с легкой горечью. За совместное счастье?

– За нашего сына. За Оливьеро.

«О да. Конечно».

– За Оливьеро.

Она торжественно подняла свой бокал. Когда они чокнулись, она подумала, что никогда не слышала звука холоднее.

– Хорошо быть дома? – осторожно спросил он.

Ева набрала полный рот шампанского, оглядывая комнату, в которой присутствовал отпечаток его безупречного, но и весьма аскетического вкуса, и задала себе вопрос, сможет ли она когда-нибудь почувствовать, что это их общий дом. Она с тоской вспоминала тот великолепный уик-энд, который провела здесь, когда они не были обременены ничем, кроме погони за удовольствием здесь и сейчас. Теперь ей казалось, что это было в другой жизни. Она подумала, сколько, наверное, женщин сидели здесь, на том самом месте, где сейчас сидит она. Сколько женщин пили шампанское перед тем, как идти с ним на огромную кровать и заниматься любовью всю ночь. Но ей придется идти в спальню кремово-персикового цвета, а он пойдет в свою.

Ирония заключалась в том, что она была его законной женой.

Она поняла вопрос буквально.

– Хорошо быть не в больнице, – осмотрительно сказала она.

– Ха, вот оно что!

– Я не совсем это имела в виду.

– Не волнуйся об этом, Ева, – сказал он. – Это нормально, что ты еще не привыкла.

Она расстроено сделала еще один глоток шампанского. Оно было холодным, сухим и вкусным и, казалось, немного притупляло чувство боли и пустоты.

Опасно пить на голодный желудок. Алкоголь ослабляет контроль над собой, и кто знает, что она может выболтать. Она поставила стакан и потянулась к еде.

Она отдала бы что угодно, лишь бы он не смотрел на нее такими глазами. Не прищуривался так, что она сама себе казалась каким-то редким экземпляром в пробирке, каким-то новым, неисследованным видом.

Может, так оно и было в его глазах. Наверно, он просто не знал, как вести себя с женщиной, которая только что родила ему ребенка и которая была его женой, хотя, конечно, лишь номинально. Впрочем, если хорошо подумать, то нельзя было винить его в этом.

Ведь не существовало специального справочника, где можно было бы найти руководство по поведению в данной ситуации.

– Когда тебе надо вернуться к работе? – спросила она.

– Когда захочу. Прежде всего, мне необходимо удостовериться, что ты устроена здесь и...

Он помедлил и добавил тихо:

–...и счастлива.

Счастлива и устроена. Если бы он только знал. Куда делась прежняя Ева, которая могла болтать с Лукой, подшучивать над ним, дразнить его и чувствовать себя при этом равной ему. Неужели та, прежняя Ева осталась на побережье своей родной Англии?

– Ты очень мил.

Лука слышал много определений в свой адрес от разных женщин, но его еще ни разу не называли «милым». Он не хотел быть «милым». Он встал из-за стола и нетерпеливо полез в задний карман джинсов. Достав тонкую темно-синюю коробочку, он положил ее на стол перед Евой, так небрежно, словно кинул колоду карт.

Ее сердце забилося. Всем было известно, что дарилось в подобных коробочках.

– Ч–что это?

– Почему бы тебе не открыть и не посмотреть?

Она со щелчком открыла крышку и перевела дыхание, не веря своим глазам – там лежал браслет, ярко сверкающий на фоне синей атласной подушечки.

Браслет состоял из цепи радужных, искрящихся и переливающихся бриллиантов, каждый из которых был размером с ноготь. Она смотрела на браслет в изумлении, а потом с неподдельным ужасом перевела взгляд на Луку.

– Лука, в любом случае я не могу этого принять.

– Безусловно, можешь. Ты моя жена, и ты родила мне прекрасного сына. Позволь, я надену его тебе на руку.

Он наклонил голову, чтобы закрепить застежку у нее на запястье, и Ева закрыла глаза, когда кончики его пальцев легко касались ее кожи. Его теплые прикосновения так контрастировали с тяжестью и холодом ювелирного изделия. К черту браслет, думала она. Можешь швырнуть его в другой конец комнаты, только не переставай прикасаться ко мне.

Но он перестал. Последним движением он поднял вверх ее руку, и бриллиантовый браслет засверкал, как олимпийская медаль. Ева смотрела на сверкающую вещь, которая стоила целого состояния. Наверняка найдутся женщины, готовые ради такой штуковины на преступление, а то и на убийство, но Ева, слава богу, не из таких.

– Очень красивая вещь, – сказала она.

Ребенок издал пронзительный крик, и Лука, казалось, вздохнул с облегчением.

– Я принесу его тебе.

Она смотрела, как он направился к детской кроватке, ее взгляд скользил по его ладной фигуре.

Джинсы обтянули его твердые ягодицы, когда он нагнулся за ребенком, и она вздрогнула от желания, сильного и страстного. Она уже давно боролась с этим чувством, но тогда она ждала ребенка и, кроме того, была несколько растеряна от наплыва новой жизни в новом городе.

Но теперь... Все, чего она сейчас желала, – прикоснуться к нему. Заново открыть для себя кончиками пальцев очертания его строгого твердого лица. Нежно проводить пальцами по его шелковистой коже. Она непроизвольно сглотнула и посмотрела на него умоляющими глазами, пока он нежно и осторожно клал младенца ей на руки.

– Ты не должен так баловать меня. Правда, Лука.

– Но мне нравится это делать, – сказал он.

Ситуация, как он теперь понимал, должна измениться. Но происходило это не слишком быстро. Когда Ева была беременна, все было просто, как дважды два. А теперь он заставлял себя воспринимать ее как женщину, еще не оправившуюся после беременности. Это помогало ему задвинуть в угол сознания тот факт, что для них больше не должно существовать барьеров, что они мужчина и женщина, живущие вместе. Но при этом пока еще они так далеки друг от друга.

Их взгляды встретились на несколько долгих, сбивающих с толку секунд. Ева испытала неожиданное напряжение, повисшее в воздухе, словно грозное электричество. Неужели они опять сделают вид, что не замечают этой грозы? Исчезнет это напряжение или будет только усили-

ваться?

– Лука...

Малыш начал капризничать, и Лука понял, что ему следует поскорее убираться из комнаты. Если он останется, то непременно сделает то, чего клялся не делать.

– Покорми его, – коротко сказал он, и ему не было необходимости замечать, как потемнело ее лицо, чтобы понять, что он ее обидел.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Темно-зеленые наряды кипарисов на фоне голубого неба и старинные каменные стены пролетали, как расплывчатые пятна.

Ева, удобно облокотившись на сиденье, изучала сельский пейзаж за окном.

– Все дороги ведут в Рим, – мечтательно сказала она.

Лука изобразил на лице довольную улыбку. Он задавал себе вопрос, когда произошла эта перемена.

Когда он впервые ее заметил? Это было похоже на рост цветка. Как цветку нужен срок, чтобы проклюнуться и зацвести, точно так же необходимо время, чтобы произошли перемены. Торопить ничего не следует. У всех явлений свой ритм. Для мужчины, который привык получать все, что пожелает, по одному щелчку пальцев, это было хорошим уроком.

– И, конечно же, все дороги ведут из Рима, – пробормотал он. – Как, кстати, и та, по которой мы едем!

Она обернулась и посмотрела на Оливьеро, мирно спавшего в детском автомобильном креслице. Сегодня на нем был крошечный костюм моряка из хрустящего белого хлопка, на котором были вышиты якоря.

Конечно, это было не совсем то, что она выбрала бы для ребенка на каждый день, но она уже успела заметить любовь итальянцев к тому, чтобы наряжать своих младенцев по последнему писку моды. К тому же они с Лукой направлялись на званый завтрак к Патрицио и Ливви, в их загородный дом, а подобная ситуация обязывала купить ребенку новую одежду.

– Он выглядит таким сладким, правда?

– Еще каким сладким! – снисходительно сказал он. – *Abbastanza buon mangiare*.¹⁴

– Как это переводится?

– Попробуй сама.

Ева нахмурилась. У нее случился перерыв в занятиях итальянским, но все же прогресс был замечен, поскольку Лука был серьезным надсмотрщиком.

– "Buon" значит "хороший".

– Sì.

Она еще больше сморщила лоб.

– "Mangiare" значит «есть». Не так ли?

– Это переводится, как "слишком хороший, чтобы есть".

Он улыбнулся и пожал плечами.

– Видишь, я ничему не могу тебя научить. Я плохой учитель, Ева!

Она почувствовала, что обстановка начинает накаляться, и решила не подливать масла в огонь. Она была уверена, что он многому мог ее научить. Не только итальянскому языку. Они с Лукой, к счастью или нет, уже научились жить под одной крышей в относительном мире и согласии. По крайней мере, как мужчина и женщина, если не как муж и жена. Как им удавалось оставаться друзьями и любящими родителями, но при этом полностью игнорировать то, что рядом существуют страстный мужчина и до обморока влюбленная женщина?.. Как долго это могло продолжаться?

Она украдкой взглянула на Луку, который негромко выругался на итальянском, поскольку на дороге откуда-то неожиданно возник козел. Лука был великолепен. Он ненавидел кондиционеры в машинах и поэтому всегда оставлял окно открытым. Теплый, благоуханный воздух врвался в салон и трепал его волосы. Рукава его рубашки были закатаны, демонстрируя темную

¹⁴ Слишком хороший, чтобы есть (ит.).

поросль на сильных руках, а блеклые джинсы прекрасно сидели на мускулистых бедрах.

Он был горячим и страстным мужчиной. И тем не менее...

Оливьеро исполнилось шесть недель, а Лука так и не делал никаких шагов ей навстречу. Как долго он еще намерен соблюдать этот обет безбрачия? Может, кто-то из них опасался, что начало сексуальных отношений положит конец той хрупкой дружбе и доверию, которые они так долго строили. Можно ли сделать первый шаг, пусть самый робкий? Ее терзал страх, что ее могут отвергнуть. Больше всего она боялась притворяться перед ним, что для нее это просто секс, а не безумная любовь. Она судорожно боялась признаться ему, что мечтает лишь об одном – об ответной любви.

Но она хотела слишком многого.

Лука повернулся к ней и широко улыбнулся.

– Ты в предвкушении встречи?

Она вздрогнула, опасаясь, что он читает ее мысли.

На самом деле она сгорала от желания крикнуть, чтобы он остановил машину, и броситься в его объятия.

– О да. Мне очень нравятся Патрицио и Ливви. Мне симпатичны все твои друзья.

– Теперь они и твои друзья тоже.

– Надеюсь.

Друзья, конечно. Но пока условные, она это понимала. Они исходили из очевидного факта, что она жена их друга. Рано или поздно кто-нибудь узнает, какие фальшивые у них отношения. И что тогда?

Лука притормозил, осторожно спускаясь по ухабистой дорожке, ведущей к невысокому домику на ферме. Издалека он напоминал птичье яйцо, лежащее в великолепном зеленом гнезде. Около дверей амбара бегали куры, а где-то неподалеку ворковали голуби.

Лука выключил зажигание и взглянул на Еву, отстегивающую ремень. На ней была простая одежда полотняная юбка по фигуре и короткая футболка цвета нефрита. И все равно ей удавалось выглядеть ходячей секс-бомбой. Даже если бы на ней был мешковатый наряд эскимоса от макушки до щиколоток.

– Ты вернула свою прежнюю фигуру, сага, – сказал он с оттенком восхищения. – Одежда сидит на тебе идеально.

Ну и зачем, спрашивалось, надо было говорить ей об этом в столь неурочный момент? Он сделал ей комплимент, который оставит ее раздосадованной и неудовлетворенной в течение всей пирушки. В какую игру, черт подери, он играет?

– О чем ты! Это старые тряпки, – отшутилась она, – ты возьмешь сына на руки? Или мне его нести?

Угольно-черные глаза заблестели.

– Может, еще подеремся, кому достанется честь нести ребенка? – бросил он с оттенком шутливого вызова.

Ева торопливо взялась за дверную ручку, боясь, что он увидит, как ее трясет. Неужели он умышленно делал прозрачные намеки на известную тему? Или это просто ее воображение?

– Можешь взять его сам, – сказала она.

Все остальные уже приехали и собрались в просторной беседке под виноградником. Взрослые сидели за большим деревянным столом, а дети играли на террасе – просто идиллия.

– Да, обстановка вполне миролюбивая, – негромко сказала Ева.

– Отчего бы и нет. – Он взглянул на нее и заметил, как смягчилось ее лицо. – Думаешь, везде в Италии так спокойно?

Она удивленно посмотрела на него.

– Честно сказать, не знаю, – призналась она.

Но большего сказать не успела. Послышались приветственные голоса.

Быть может, Ева первые секунды была несколько растерянна, но улыбнулась широко и солнечно. Поначалу она почти никого не узнала. Впрочем, нет, конечно же она увидела Патрицио и Ливви, которые, столь же радостно улыбаясь, гостеприимно поднялись из-за стола.

– Ева! Лука! И маленький Оливьеро!

Это послужило сигналом для всех гостей, которые тут же повскакали с мест, окружили ее ребеночка и начали восторженно умиляться. Ева заметила, что все перешли на английский язык.

Она оценила их деликатность, хотя вовсе не хотела быть одной из тех женщин–иммигранток, которые никогда не приживаются в новой стране, поскольку не прилагают усилий, чтобы органично влиться в новую жизнь, новую языковую среду. Также ей претило оказаться одной из тех женщин, которые рожают кучу детей и учатся новому языку уже от них.

– Ева, присаживайся и выпей чего-нибудь, – сказала Ливви. – Ты не всех знаешь. Позволь, я тебя познакомлю.

Ева пила белое вино и жевала миндаль, пока ее представляли разным людям с невероятно романтическими именами – Клаудио и Роса, Катерина и Джакомо, Алессандро и Раймонда.

Одна молодая дама была настолько хороша, что даже женщины не могли отвести от нее глаз. С ней был мужчина, которого Ева тоже видела впервые.

– Кто это? – тихо спросила она Луку, пока он пристраивал Оливьеро в тенистый уголок.

Лука едва взглянул в направлении этой женщины.

– Ее зовут Кьяра, – сказал он несколько странным голосом. – А мужчина рядом с ней – один из известнейших итальянских режиссеров. Она актриса.

Да, она была похожа на актрису, решила Ева. В свое время она повидала немало актрис. У Кьяры были изысканные манеры, держалась она очень уверенно, как держался бы всякий с подобной внешностью.

Ее блестящие черные как смоль волосы спускались до талии, тоньше которой Ева не видывала. На ней было простое платье в розово–серых тонах, но сидело оно так, что не позволяло усомниться в безупречной стройности фигуры.

Ева с удовольствием поглощала салат и мясо и даже начала общаться на ломаном итальянском с Патрицио, который с беспощадной очаровательностью подтрунивал над ее произношением. Она пила вино и наблюдала за своим мужем, который азартно играл в футбол со стайкой мальчишек.

– Эй, Лука, да ты в глубине души просто несостоявшийся футболист, – кричал Патрицио.

Когда Лука, лихо отбив мяч, гордо посмотрел на него и перевел взгляд на Еву, что–то внутри у нее растаяло. Он был не только несостоявшимся футболистом, но и несостоявшимся любовником, подумала она с грустью. Но ведь и она тоже. Кто–то должен был положить конец этому безумию, и, возможно, этим кто–то будет она сама.

Что такого ужасного может случиться? Он ее отвергнет? Едва ли. Да нет, этого точно не будет. Она же видит, какими глазами он на нее иногда смотрит. Он все еще хочет ее, его прекрасное мужественное тело тоскует по ней, в этом она не сомневалась ни на секунду. Так чего же она боялась? Того, что она будет влюбляться в него с каждым днем все больше и больше, а он не ответит ей столь же горячей взаимностью?

А если и так, то разве это не эгоистическая позиция с ее стороны? Как бы то ни было, она не будет больше прятаться от своих желаний. Она встретится с ними лицом к лицу, независимо от того, будет ли ей потом обидно или больно. Уже не имеет значения, какой будет исход. Будь что будет.

Ливви вынесла огромный шоколадный торт, который встретили громкие аплодисменты мужчин и жадные стоны женщин. Лишь обладательница осиной талии Кьяра отказалась от десерта.

– Попробуй хоть кусочек, – соблазняла ее Ливви, но Кьяра только качала головой.

– У меня другие проблемы, мне надо влезать в обтягивающие платья. – Она надула губки и тряхнула плечами. – Так я зарабатываю на жизнь!

Ева читала где–то, что мужчинам нравится смотреть, как женщина ест. Они каким–то образом связывали секс с голодом, и если женщина наслаждается едой, она также будет наслаждаться плотской любовью. Будь я на месте Кьяры, я положила бы себе отменный кусок торта и делала вид, что ем его, подумала она.

– Кто пойдет смотреть мою новую лошадь? – спросил Патрицио.

– Катитесь отсюда, занимайтесь своими "мужскими штучками", – снисходительно сказала Ливви. – А мы останемся здесь. И занятие у нас найдется – мы еще не успели вас обсудить.

– Но мы и так знаем, какие мы прекрасные! – ответил тем же ее муж.

А когда она швырнула в него вишенкой, он ловко поймал ее губами, надкусил и картинно провел языком вокруг ягоды.

Еве пришлось отвернуться. Как давно у нее не было таких интимных игр? По правде гово-

ря, их сексуальные отношения были столь бурными и столь недолгими, что до такого у них и не доходило. Она посмотрела на Луку с чувством страстного вожделения и вдруг поняла, что не сможет ждать даже до конца ланча.

– Спасибо, мне больше не надо наливать.

Она помотала головой. Вино и теплая погода начали клонить ее ко сну. Еще минута, и она заснет на ходу.

Но проснулся Оливьеро и призывно заплакал. Ева поспешила взять его на руки. Малыш хоть и лежал в тени, однако был весь влажный. Она чмокнула его в голову.

– Ничего, если я найду в дом, покормлю и переодену его? – спросила она. – Там прохладней.

– Ну конечно. – Ливви понимающе улыбнулась. – Я покажу тебе, где это лучше сделать.

Ева уютно расположилась в полутьме закрытой ставнями комнаты. Она покормила Оливьеро, переодела его в сухое, в сотый раз поразились размеру его крохотной ножки. Она уже собиралась возвращаться к остальным, когда вошла Кьяра.

– Привет! – Ева посмотрела на актрису и улыбнулась. – Тебе тоже жарко на улице?

Кьяра улыбнулась в ответ и покачала головой.

– Солнце меня не трогает. Я к нему привыкла.

Ева ожидала, что Кьяра попросит у нее подержать малыша, но та и не думала этого делать. Вместо этого она подвергла Еву пристальному изучению.

– Ты англичанка, да?

Это было не очень хорошим началом, но Ева знала, как вести себя с женщинами, подобными Кьяре, она научилась этому на телевидении.

– Странно, что ты заметила! – вежливо улыбнулась она, но на этот раз Кьяра не улыбнулась в ответ.

– Знаешь, – проговорила Кьяра в раздумье, – ты совсем не то, чего мы все ожидали. Не тот тип женщины, на которой, как мы полагали, женится Лука.

Ева почувствовала, что ее сердце бешено заколотилось. Ее способность общаться с подобными людьми вдруг куда-то исчезла, словно растворилась в воздухе. Не принимай близко к сердцу, сказала она себе.

Не давай ей понять, что тебе больно.

– Думаю, он и сам себе удивлялся, – сказала она с рассчитанной долей иронии, но зная в глубине души, что это не было правдой.

Какой триумф был бы у этой актрисы, если бы она знала правду об их "браке".

– Ты же забеременела, да?

Вот оно, началось. Что ж, на наглость надо отвечать наглостью.

– Да, так и было.

Кьяра кивнула.

– Этот метод не сработал бы со многими мужчинами, но Лука Карделли – правильный выбор во всех отношениях. Он ярый приверженец традиций, особенно в том, что касается детей. Он бы не позволил, чтобы его ребенок родился вне законного брака.

– Мне кажется, тебя это абсолютно не касается, – сказала Ева, прижимая к себе Оливьеро и стараясь сосредоточиться на сладком запахе ребенка, а не на злобном блеске глаз актрисы.

Но Кьяра и не думала замолкать.

– Если честно, я и сама об этом подумывала. – Она дерзко смотрела своими огромными карими глазами на Еву. – Но я слишком долго откладывала, а тут вмешалась ты.

– Прости, ты о чем?

Кьяра улыбнулась, явно получая удовольствие от своих слов.

– Ах, ты же не знала, что я была любовницей Луки?

Первой реакцией Евы была слабость и тошнота, но она взяла себя в руки. У него были сотни любовниц, ясно как день, и все они были такими же красивыми, как Кьяра, а некоторые еще и такими же наглыми.

– Нет. Не знала.

– Вообще-то... – Кьяра порылась на маникюрными пальчиками в сумочке и достала обрывок газеты. – Это последняя фотография, где мы вместе. Хочешь взглянуть?

Нет, Ева не хотела. Но, не желая выглядеть неуверенной в себе домохозяйкой, она равно-

душно пожала плечами.

– Почему бы и нет.

Так как Ева держала ребенка, Кьяра сама развернула перед ней газетную вырезку, и Ева почувствовала чарующий мускусный аромат ее духов.

– Вот, смотри!

Если бы это была любая другая пара, то фотография показалась бы ей ничем не примечательной. Но это была не другая пара, это были Лука и Кьяра. Красивые люди, с тоской подумала Ева, – блестящие черные волосы, кожа оливкового цвета и одежда, кричащая о богатстве и успехе. Лука прищурил глаза в камеру. Она знала этот взгляд, он застигнут врасплох и рассержен. Зато Кьяра продемонстрировала высший класс – отбросила волосы назад и изобразила широкую голливудскую улыбку, показывая всему свету идеально белые зубы.

Вдруг Ева заметила дату, и ее сердце чуть не остановилось.

Это было...

Это было на следующий день после той памятной вечеринки у Лиззи и Майкла.

В тот самый день он заезжал к ней домой и пытался заняться с ней любовью. Она едва смогла дать ему отпор. Господи, так он, наверное, сразу же после нее бросился в объятия Кьяры!

Она поблагодарила Бога, что у нее в руках был Оливьеро, иначе кто знает, какая у нее могла быть реакция. Ей казалось, что на лице у нее – выражение ужаса и потрясения. Голова кружилась, щеки горели.

На самом деле ей удалось изобразить спокойную улыбку.

– Вы хорошо смотрите вместе, – сказала она, взяв себя в руки.

Это явно было не той реакцией, на которую надеялась Кьяра. Она сложила газету и сунула ее в сумочку.

– Да, – сказала она натянутым голосом. – Так все и говорили. – Она вздохнула. – Это была удивительная ночь. У нас вообще были удивительные отношения.

Кое-как Ева выдержала до конца приема, стараясь не смотреть на Луку. Она играла с детьми и оживленно болтала со взрослыми, избегая тем самым необходимости самой подойти к нему и начать разговор. Даже в машине ей удалось продолжать это притворство.

Она не хотела устраивать сцену, пока он вел машину, и не хотела, чтобы свидетелем был их сын, пристегнутый на заднем сиденье.

Лука нахмурился.

– У тебя все в порядке?

Ева закрыла глаза.

– Все хорошо, – еле слышно сказала она. – Немного перегрелась на солнце и выпила вина чуть больше, чем следовало.

– Тогда поспи, – предложил он.

Резвая машина неслась по сельской дороге, он напряженно смотрел вперед. Какого черта Патрицио пригласил Кьяру? Она не сводила с него глаз, как побитый щенок, и ему было искренне жаль мужчину, который ее сопровождал.

Ева полулежала, но не спала, снова и снова прокручивая все в голове. Ее поражала способность Луки к воздержанию. Как мужчине с таким темпераментом удавалось подавлять свои телесные желания? А может, он и не подавлял? Может, он просто ловко ее обманывал. И когда уходил из дома по магазинам или в банк, на самом деле ехал к ней? Не исключено, их было немало – таких красоток, которые с удовольствием давали ему то, чего не давала жена.

Когда они оказались дома, она приняла ванну и переоделась, отказавшись от помощи Луки покормить Оливьеро. Она кормила его сама в закипающей от накала страстей тишине. Лука смотрел на нее с некоторой дистанции, его чутье подсказывало ему, что что-то с ней было не так. Он дождался, пока Ева уложит ребенка спать, осторожно приблизился и увидел на ее лице выражение еле скрываемой ярости.

– Ты расскажешь мне, в чем проблема?

– Думаю, это и так очевидно.

– Я не собираюсь разговаривать загадками, Ева! – сердито сказал он.

– Ладно. – Она дерзко посмотрела на него, надеясь, что он не заметит отчаяния в ее глазах. – Видимо, проблема во мне.

Он никак не отреагировал.

– Продолжай.

Дальше все пошло кувырком. На нее нахлынули сразу все эмоции, пережитые за последнее время боль, которую он ей причинил, страсть, которую она испытывала, чувство, что она, забеременев, заманила его в ловушку и женила на себе, а тем самым и сама попала в западню. И еще она осознала, что не получает ни капли любви взамен, а тогда о каком счастье вообще могла идти речь? И вот наступил самый подходящий момент, чтобы прекратить все ее страдания.

– Ты спал с Кьярой в тот самый день, когда я отказалась заниматься этим с тобой! – говорила она голосом, в котором одновременно звучали обида и вызов. – Что случилось, Лука? Ты так перевозбудился, что тебе было уже все равно, с кем это делать и как?

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Голос Луки был холоден как лед.

– Это твое истинное мнение обо мне, Ева? Как о мужчине, которым управляют только гормоны и который не в состоянии контролировать свой сексуальный аппетит? Но даже если это и так, то твоя теория сама себя опровергает, поскольку иначе я бы не раз попытался соблазнить тебя с тех пор, как ты здесь живешь.

Ева уставилась на него, на ее лице застыли ярость и замешательство. Где раскаяние? Стыд? Отрицание?

– Это все твои доводы?

– Полагаю, что да, – язвительно усмехнулся он.

Обуреваемая ревностью, страдающая оттого, что он так давно не прикасался к ней, она обвинила его, не задумываясь. Она поверила слову незнакомой женщины, даже не дав ему возможности объясниться.

– Так ты... ты не спал с ней? – спросила она тихим голосом, и казалось, весь мир повис на волоске и зависел от его ответа.

Он смотрел на нее и видел муку, страх и надежду, равно отразившиеся на ее прекрасном лице. Как он не замечал всего этого раньше? Или просто предпочитал не видеть?

– Конечно, я с ней не спал, – мягко сказал он.

Но мог бы вполне, подумал он тут же. Менее разборчивый мужчина так бы и поступил. Или мужчина, менее очарованный незнакомкой из Англии, которая дала ему от ворот поворот.

– Я здорово разозлился, когда ты отказала мне, – тихо признался он. – Не скрою, моя мужская гордость была задета, хотя, может, это было и к лучшему. Но еще больше я злился на себя самого, что влюбился в тебя по уши. – Он слегка улыбнулся. – Правда, влюбился. Это для меня весьма необычно, Ева.

Ей вдруг отчетливо показалось, что это и вправду было к лучшему.

– Я тогда пытался сказать самому себе, что ты для меня ничего не значишь. Да, я согласился встретиться с Кьярой тем вечером. Подозреваю, что это она предупредила фотографов. Когда мы вышли из ресторана, нас окружила целая толпа папарацци. Но ничего не произошло. Я довез ее до дому, а потом поехал к себе. Один.

– Тогда почему она мне все это наговорила?

– Потому что она хочет меня. И потому что завидует тебе.

– Мне? – удивленно воскликнула Ева.

«Кабы знала она, что завидовать – то особо нечему».

– Она говорила мне, что у вас были прекрасные отношения.

– У нас была короткая интрижка, это правда. И все.

– И наши с тобой отношения должны были стать тем же самым, – с болью в сердце уточнила она, – разве нет?

Он пристально смотрел на нее, осознавая, что его последующие слова станут судьбоносными. Он понимал, что правда может ранить человека, но это не повод ее избегать.

– Кто знает, – сказал он задумчиво. – Никто не может видеть будущее и никто не может изменить прошлое. У нас все случилось по-другому, Ева. Вмешалась судьба. У нас с тобой ребенок.

– И мы поженились, – закончила она. – Только у нас, смешное подобие брака.

– Ты правда так думаешь?

– А разве не так?

– Конечно, это не совсем то, чего я хотел от брака, – осторожно сказал он.

– Ты хочешь сказать, что нам следует начать заниматься сексом?

Он горько усмехнулся.

– Ты хочешь шокировать меня, сага? Или разозлить? Хочешь, чтобы я пришел в бешенство от твоих дерзких, бесцеремонных комментариев и начал тебя целовать, срывать с тебя одежду? Хочешь, чтобы я опустил тебя на пол и занялся бы с тобой любовью?

Заметив неожиданный приток крови к ее щекам, он почувствовал ответную боль, разрывающую его на части.

– О, – упавшим голосом сказал он, – так ты этого хочешь?

– Лука, – хрипло сказала она и облизала губы, как голодный маленький зверек. – Да. Разумеется, я этого хочу. А ты разве нет?

Он был уже так близок к тому, чтобы осуществить ранее им сказанное, но ему пришлось изо всех сил сдерживать свои желания.

– Я? Нет, я этого не хочу!

Она взглянула на него с болью и смущением. Этого отказа она так всегда боялась, но ей было необходимо узнать правду. Нельзя прятаться от нее лишь потому, что боишься боли. Взрослые люди должны иметь смелость встречать неприятности лицом к лицу. Ее голос задрожал, но она сумела удержаться от слез.

– А что тогда? Чего тогда ты хочешь, Лука?

Он мог говорить об этом часами. Находить объяснения, оправдания, доводы, но в конечном итоге была лишь одна вещь, которую он должен был ей сказать.

– Я хочу сказать, что люблю тебя, Ева, – внезапно его голос тоже охрип. – *Ti amo*. Я очень сильно люблю тебя.

Ева прикусила губу.

– Пожалуйста, не говори этого.

– Почему? – Его голос был печальным и ласковым. – Ты не хочешь, чтобы я тебя любил?

«Так что она там говорила про смелость?»

– Нет.

Она едва прошептала это слово, и он не расслышал его.

– Повтори еще раз, Ева.

– Нет. Нет. – Ей потребовалось усилие, чтобы взглянуть на него. – То есть, конечно, я хочу, чтобы ты любил меня так, как я люблю тебя. Очень сильно хочу. Но я так долго этого ждала, что теперь мне страшно – вдруг ты шутишь.

– Я не шучу, – сказал он. – Но у меня это впервые, Ева. Я никогда не говорил этого раньше. Но самое главное, я никогда не чувствовал ничего подобного раньше.

Она вдруг заметила, что этот человек может быть ранимым.

– Неужели никогда?

Он покачал головой. Боль, которая сейчас жила в нем, начала усиливаться. Впервые в жизни он почувствовал огромную, удивительную, ни с чем не сравнимую уверенность, что ему в этом мире нужен лишь один человек.

– Ева! *Tesora!*¹⁵

Это ласковое слово окончательно сломило барьер.

– Лука. Милый, дорогой, любимый Лука.

Он заключил ее в свои объятия, поцеловал макушку и обхватил ее лицо руками, чтобы заглянуть в эти огромные серо-зеленые глаза. Он увидел слезы на ее щеках и вытер их своими губами.

– Никогда не плачь, *tesora*, – прошептал он ей на ухо. – Обещай мне, что никогда больше не будешь лить слезы.

Она покачала головой.

– Не могу, – сказала она тихо. – У нас могут быть ссоры, сильные, злые ссоры. И ты опять можешь заставить меня заплакать.

¹⁵ Сокровище (ит.).

– А ты заставь меня заплакать вместе с тобой, – нежно поддразнил он ее.

– Тебя? – Она улыбнулась. – Такого большого мужчину, как ты? Плакать?

Но ее слова растворились в воздухе, когда она увидела блеск его черных глаз. Она еще сильнее обняла его, переполненная бесконечной любовью.

– Лука, – шептала она. – О, Лука, пожалуйста.

Он знал, чего она хочет, и знал, чего хотел он сам.

Он ждал слишком долго и не мог ждать больше. Не говоря ни слова, он поднял ее на руки и отнес в свою комнату.

– Я хочу увидеть тебя всю, – сказал он дрожащим голосом, расстегивая ее юбку. – Cielo doice,¹⁶ – невинно прошептал он. – Сколько же ночей я мечтал о тебе.

Она чувствовала его теплые руки и почти теряла сознание.

– Знаю... я тоже о тебе мечтала.

– Раздень меня, – попросил он ее, когда она стаскивала трусики.

Он скользил пальцами по ее нежным бедрам и чувствовал, как она дрожит.

– Я... я не могу, – беспомощно выдохнула она. – Я не могу ни думать, ни дышать, ни чувствовать...

Но он взял ее руку и поднес к своему сердцу.

– Это ты чувствуешь?

Сильный, мощный стук его сердца. Ее голова прильнула к его плечу.

– Да. – Она содрогнулась. – О да.

– Это только из-за тебя, сага mia. И только для тебя. Теперь подними руки, – нежно инструктировал он, будто разговаривал с ребенком, и она послушно исполняла.

Он стащил с нее футболку и отбросил в сторону. Щелкнул застежкой бюстгалтера и освободил ее грудь. Затем он безжалостно сорвал с себя одежду убирая волосы с лица Евы, он посмотрел ей прямо в глаза:

– Я хочу тебя. Очень сильно.

На долю секунды наступила тишина.

– Поцелуй меня.

– Я буду целовать тебя, пока ты не станешь молить о пощаде, – он пристально вглядывался в ее лицо, желая продлить этот миг.

– Не заставляй меня больше ждать, – застонала Ева.

Он поцеловал ее, чувствуя, с каким трепетом ее пальцы скользят по его коже, будто бы пытаясь вспомнить давно забытое ощущение.

– Ненасытная женщина, – в восторге рассмеялся он.

Он почувствовал, будто у него на теле появились миллионы новых нервных окончаний. Она могла возбудить его нежным шепотом или вызвать трепет одним прикосновением влажного языка. Он вздрагивал, чувствуя себя под ее телом полностью беззащитным.

Потом они менялись местами, и он водил своим языком по каждому кусочку ее тела, пока она не начала вскрикивать.

И когда он вошел в нее, он произнес вслух ее имя.

И ему показалось, что прежде он никогда не занимался настоящей любовью, только низменным сексом.

Он не верил, что такое когда-нибудь с ним произойдет. Полное слияние тел и душ, подумал он в изумлении. Чуть позже он лег на спину и уставился в потолок уже другими глазами – глазами перерожденного и полностью обновленного человека.

– О, Ева, – это было все, что он смог сказать.

Она поцеловала его локоть. Потом она забралась на него сверху. Ее волосы небрежно спадали ей на плечи и лицо. Он улыбнулся и подул на них, и они разлетелись в разные стороны.

– Лука?

– Что?

– Как давно ты меня любишь?

Он взял еще одну непослушную прядь ее волос и задумчиво накрутил себе на палец.

¹⁶ Небесное создание (ит.).

– Честно?

– Честно.

– Если ты хочешь, чтобы я назвал точную дату и время, то я не смогу этого сделать, – признался он, – любовь подкралась незаметно. Это как гулять под начинающимся дождем. Сначала на тебя падает маленькая капля, потом еще одна, покрупнее, но их так мало, что ты уверен, дождь не будет сильным. А потом начинают падать капли еще крупнее и чаще, и вдруг ты оказываешься под проливным дождем, не совсем понимая, как такое могло произойти!

Она сделала вид, что надулась.

– Так я подобна буре?

– Да, сага. Безудержной, сильной и непреодолимой.

– Но ты знал, что я люблю тебя?

Он улыбнулся. Слишком часто в него влюблялись девушки, чтобы этого не знать. Всегда раньше это пугало его, но в этот раз его испугало другое. Он не просто хотел убежать от ее любви, нет, ему надо было убедиться, что он ее достоин. Конечно, можно было принять поспешное решение, и это было бы легче всего, но он, обуреваемый новыми для себя чувствами, решил проявить осмотрительность.

– Да, сага mia, – мягко сказал он. – Я это знал.

– Когда же ты собирался сказать мне, что эта любовь взаимна? – настаивала она. – Сколько бы ты еще тянул? Что, если бы мы не поссорились сегодня? Я бы так ничего и не узнала?

– Нет, нет, ты бы все равно узнала. Наверное, я просто ждал подходящего случая. Хотя момент, когда это произошло, трудно считать подходящим. Не было ни шампанского, ни цветов, была лишь размолвка с ревнивой женщиной.

– Но это привело к развязке.

Спасибо этой дуре Кьяре, подумала она.

Он нежно взял ее мизинчик и облизал его.

– Видишь, сага, мы все сделали не правильно. Вначале была страсть, одна лишь страсть, но, прежде чем мы поняли все остальное, родился ребенок.

– И еще был гнев, – сказала она.

– И гнев. И ярость. И бог знает какие еще скоропалительные чувства. Но не было подходящего знакомства друг с другом. Не было старомодных ухаживаний. Не было длительного общения. Ни доверия, ни дружбы. Я хотел всего этого, и ты этого заслуживала.

– Нам обоим это было очень нужно. Но мы же не знали, что нам суждено разделять остаток жизни вдвоем.

Это была, на ее взгляд, весьма прозаичная трактовка произошедших событий, но она не стала возражать. Если задуматься, в этом немало правды. Ведь замужество – это контракт. В каком-то смысле такова и любовная связь.

– Тогда... – ее пронзила мысль, – тогда это будет наш медовый месяц.

– Умница, сага. – Он хлопнул ее по попке ладонью. – Именно так и будет.

– И... сколько он будет длиться?

– Наверно, всю жизнь? – горячим шепотом сказал он, даря ей поцелуй.

ЭПИЛОГ

Полуденное солнце было таким же ласковым, как и теплый ветерок, приводящий в легкий беспорядок волосы двух женщин, наблюдающих, как играют их дети.

– О, Ева, – вздохнула Лиззи. – Как здесь красиво!

Ева посмотрела по сторонам, пытаясь увидеть округу глазами своей подруги и вспоминая ту радость, которую она испытала, когда Лука впервые привез ее сюда.

Дом в Виале Монте Пинчио стоял высоко в горах.

До Рима было всего полтора часа езды, но эти места казались просто другим измерением. Через высокие, кованые железом ворота можно было попасть в чудесный сад, скорее, даже лес, где среди сосен и лавров росло множество фруктовых деревьев и кустов вишни, черная смородина, малина, лимоны.

– Да, – тихо согласилась она. – Тут, правда, удивительно красиво.

На траве, среди маргариток, Кейси играла с Оливьеро. Лука и Майкл отправились за про-

хладительными напитками, а Ева с Лиззи остались присматривать за детьми, расслабленно слушая жужжание пчел и крики птиц.

– Какая ты счастливая, – заметила Лиззи.

– А как мне не быть счастливой? – сказала Ева. – Я чувствую себя здесь как дома.

Некоторое время назад они с Лукой решили, что квартира – не лучшее место для растущего малыша.

Сначала они хотели купить дом в пригороде, но, случайно попав в эти полудикие места, тут же поняли, что им надо. Впервые в жизни Лука нашел время, чтобы насладиться ароматом роз. И ароматом кофе.

– Не скучает Лука по городу? По своей квартире?

– Нисколько. – Ева покачала головой. – Он первый выдвинул идею переехать сюда. Как только мы увидели эту виллу, мы сразу сообразили, что городская квартира не создана для большой семьи.

Лиззи проворно приподнялась из низкого шезлонга, что сделать было не просто, потому что она была беременна.

– Вы ждете ребенка? – взволнованно спросила она.

Ева усмехнулась.

– Нет. Пока нет. Может, спустя какое-то время.

Они с Лукой всем сердцем обожали сына и понимали, что очередная беременность принесет новые перемены и хлопоты, а им и так пока хватало перемен. Они наслаждались жизнью и своей любовью.

Они были согласны подождать.

– Не скучаешь по работе? – спросила Лиззи.

Ева покачала головой.

– Ни капли. У Луки есть друзья в итальянской телевизионной индустрии, а мой итальянский уже на приличном уровне. Вполне вероятно, что я смогу снова оказаться на телевидении, редактором или продюсером. – *Grazie, il mio uomo piccolo!*¹⁷ – сказала она Оливьеро, доверчиво положившему сорванную маргаритку на колени матери. – Но я пока этого не хочу. Лука много времени проводит дома и, мне нравится быть матерью. Мне нравится быть женой. Женой Луки. Чего еще нужно для счастья?

– Я знаю что, – раздался низкий нежный голос за спиной, голос, который всегда заставлял ее трепетать, – нужен хороший прохладительный напиток, *il mio angelo?*¹⁸

Она улыбнулась.

– Ты прав, дорогой, этого нам действительно не хватало.

Майкл шлепнулся на шезлонг, а Лука, аккуратно поставив поднос, развалился на траве, упираясь головой в колени Евы, которая начала ерошить его волосы.

– Это место так не похоже на Хембл, – заметила Лиззи в полудреме.

– Оно не похоже вообще ни на что, здесь поразительно тихо и спокойно, – зевнул ее муж. – Вам обоим очень повезло, должен заметить.

Лука посмотрел на Еву, взгляды их встретились.

Да, конечно, им повезло. Повезло, что у них были деньги, чтобы покупать дома в Италии. Но больше всего им повезло в том, что они нашли друг друга. И неважно, где они живут. Им везде будет хорошо, пока они вместе. И еще они поняли, что у отношений не обязательно должно быть идеальное начало, чтобы получился идеальный конец.

¹⁷ Спасибо, мой маленький (ит.).

¹⁸ Мой ангел (ит.).

Файл: Шэрон Кендрик - Итальянский любовник
Каталог: I:\HARLEQUIN
Шаблон: C:\Documents and Settings\Admin\Application
Data\Microsoft\Шаблоны\Normal.dot
Заголовок: Итальянский любовник
Содержание:
Автор: Шэрон Кендрик
Ключевые слова:
Заметки:
Дата создания: 13.06.2011 18:34:00
Число сохранений: 2
Дата сохранения: 13.06.2011 18:34:00
Сохранил: FSV
Полное время правки: 0 мин.
Дата печати: 09.09.2011 0:57:00
При последней печати
 страниц: 75
 слов: 36 849 (прибл.)
 знаков: 210 041 (прибл.)